

4с(калм)

М776

30761

М. У. Монраев

**НАРЕЧИЕ
В СОВРЕМЕННОМ
КАЛМЫЦКОМ
ЯЗЫКЕ**

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ
★ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КАЛМЫЦКОЙ АССР

М. У. МОНРАЕВ

**НАРЕЧИЕ
В СОВРЕМЕННОМ
КАЛМЫЦКОМ
ЯЗЫКЕ**

— 30761—
1980

Библиотека Калмыцкого ИИ

ЭЛИСТА
КАЛМЫЦКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1980

81.2(Калм.)
М776

Под редакцией доктора
филологических наук
И. К. Илишкина

70103-034
М126(03)-80-67 -- 80

© Калмыцкое книжное издательство, 1980.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наречие является одним из наиболее трудных и спорных вопросов грамматики, поэтому языковеды разных времен обнаруживали неадекватные суждения по данной проблеме. Одни классифицируют слова по частям речи, исходя из совокупности признаков; другие обращают внимание на категориальное значение слова. Для наречия это значение определяется как значение признака признака. Однако вопросы отграничений наречий от других частей речи, сущности процесса адвербиализации трактуются по-разному.

При выделении наречия в самостоятельную лексико-грамматическую категорию обычно исходят из совокупности семантических, морфологических и синтаксических признаков. Думается, что при этом за основной критерий нельзя принимать синтаксические признаки (характер сочетаемости, функция слов). Синтаксические признаки служат вспомогательными средствами характеристики наречия и дополняют семантические и морфологические признаки; функция слов не играет существенной роли при делении слов на части речи, так как любое слово имеет потенциальную возможность выступать в роли различных членов предложения.

В настоящей работе поставлена задача исследования наречия современного калмыцкого языка — одного из сложных вопросов не только монголоведения, но и языков схожей с ним системы. Деление и характеристика каждой части речи, как правило, связаны с составлением грамматики, в которой лексико-грамматические категории должны быть четко сформулированы с учетом правильного выбора критериев. В калмыцком языке наречия, отделившись от качественных прилагательных, приобрели морфологический показатель. Соотносительность этого новообразования с его нулевой формой служит дополнительным средством для дифференциации наречий от качественных прилагательных.

На материале калмыцкого языка, извлеченном из произведений художественной литературы, фольклора, героического эпоса «Джан-

гар» и периодической печати, выявлены семантические разряды наречий, дается анализ структурных особенностей, а также показаны пути пополнения наречий за счет других частей речи.

В целях сравнения в отдельных случаях привлекаются факты монгольского и бурятского языков.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ НАРЕЧИЙ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Наречие — одна из сложных грамматических категорий, «это тот фокус, в котором скрещиваются различные проекции имен (сущ., числит., местоим.,) и глагола, и отчетливая характеристика которого неминуемо должна пролить свет на всю проблему о частях речи».¹

В ранее изданных немногочисленных грамматических работах общего характера наречие в монгольских языках получило довольно разноречивую характеристику. В своих трудах авторы грамматик при отнесении наречий к той или иной части речи придерживались различных точек зрения: одни выделяли наречие в самостоятельную категорию, наравне с другими знаменательными частями речи,² другие рассматривали наречие со служебными словами, тем самым лишая его самостоятельности.³

Некоторые монголоеды называют наречия дефектными и именами неполной склоняемости (Г. Д. Санжеев и др.), т. к. они изменяются по некоторым падежам

¹ Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962, с. 29.

² Шмидт Я. Грамматика монгольского языка. СПб, 1832, 19. Ковалевский О. Краткая грамматика монгольского книжного языка. Казань, 1835, с. 25. Попов А. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847, с. 28.

³ Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, с. 52, 118, 174. Руднев А. Лекции по грамматике монгольского письменного языка. СПб, 1905, с. 29, 56, 85. Орлов А. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. Казань, 1878, с. 17, 54, 110. Котвич В. Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. СПб, 1915, с. 86. Он же. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Ржевнице у Праги, 1929, с. 320.

и формально совпадают с именами.

Такое разноречивое отношение к словам данной категории объясняется, очевидно, сложностью внутренней природы самих наречий, что затрудняло четкое отграничение рассматриваемой части речи от других.

Прежде чем перейти к интересующей нас теме и рассмотрению истории изучения наречия в монгольских языках, хотелось бы привести высказывание В. В. Виноградова о том, что наречие превратилось в «удобное свалочное место», куда сбрасываются слова разнородного характера. Эти слова целиком и полностью можно отнести в адрес наречий монгольских языков, в частности калмыцкого.

Сначала бегло рассмотрим в хронологической последовательности, как освещается наречие в различных грамматиках монгольских языков, составленных учеными-монголоведами русской лингвистической школы.

Грамматика монгольского языка, автором которой является Я. Шмидт, появилась в 1832 г.⁴ Я. Шмидт устанавливает восемь частей речи: существительное, прилагательное, местоимение, числительное, глагол, послеречие, наречие и союз.

К послеречиям автор причислял послелог и суффиксы косвенных падежей. К наречиям Я. Шмидт относил самые разнородные слова: частицы отрицания эсэ, улу, бу; деепричастные формы нрэгэд, нрэтэлэ и др. Как справедливо было замечено «...чувствуется во всем, что и Шмидт исходил не столько из специфики соответствующих слов, сколько из их переводов на русский язык».⁵

Прежде всего следует подробно остановиться на тех работах по данной проблеме, которые еще не были подвергнуты специальному анализу.

Автор первой грамматики калмыцкого языка А. Попов выделяет наречие в самостоятельную и знаменательную часть речи и определяет названную категорию следующим образом: «Наречие есть принадлежность глаголов и имен прилагательных, которых значение оно

⁴ Шмидт Я. Грамматика монгольского языка. СПб. 1832.

⁵ О частях речи в монгольском языке. Советское востоковедение, т. 1, 1940, с. 170.

распространяет или ограничивает».⁶ Далее он отмечает, что наречие показывает: время, обстоятельство, качество и др. значения, поэтому оно бывает наречием времени, места и т. д. — всего 13 разрядов. К наречию места, по его мнению, относятся слова типа энд «здесь», тенд «там», ца «с той стороны», дотрас «изнутри» и др. К наречиям места он причисляет «особенный вид наречий», выражающий направление и способ движения предмета; эти наречия образуются от имен существительных в творительном инструментальном падеже, напр. далагар «морем», усар «водой», йосар «по обычаю», согласно с... и т. д.».

Автор к этому разряду наречий относит имена существительные в дательном падеже. Например, герт «домой, дома».

С автором грамматики можно согласиться с определенной оговоркой. Ошибочным является выделенный им так называемый «особенный вид наречий», который образуется от имен существительных в творительном инструментальном падеже. Мы не отрицаем, что при помощи суффикса данного падежа от некоторых именных основ образуются наречия путем выпадения из парадигматики, но речь идет о неправильности состава этой группы, так как сюда отнесены слова разнородного характера.

Известно, что изоляция имени в дательном падеже является одним из способов образования наречия места и времени, но пример, приведенный А. Поповым, не совсем удачен.⁷

Аналогичной точки зрения придерживается О. Ковалевский, который полностью повторил схему выделения частей речи Я. Шмидта.

Среди всех известных грамматик монгольских языков особое место принадлежит грамматике А. Бобровникова, чье оригинальное исследование отличается от прежних полной самостоятельностью и самобытностью. В ней дана новая классификационная схема. Автор выделяет три части речи: имя, глагол, частицы.

⁶ Попов А. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847, с. 177.

⁷ Имеется в виду слово герт, которое переводится «дома», но никак не «домой». Последнее передается словом герэдэн и сочетанием гер талакшан.

Наречие у А. Бобровникова отнесено в глазу «Частицы». Он рассматривает частицы как обособившуюся группу слов, «которые сами по себе отдельно взятые не высказывают никакого понятия, но взятые в связи речи или видоизменяют значение известных слов, или служат к показанию отношений между понятиями».⁸

Частицы разделены им на бесформенные или коренные и производные. К коренным он относил частицы типа хамха, суга, хага и др. К производным А. Бобровников причислял те, которые образуются: 1) путем склонения и, в свою очередь, делятся на частицы, имеющие правильную форму местного падежа и на имеющие форму местного падежа, но неимеющие правильных корней. Так, слова аруда от ару «зад», дотора от дотор «внутренность» и др. относятся к правильной форме местного падежа, а слова эртэ «рано», чинаду «по ту сторону» и др. — к форме местного падежа, но неимеющей правильных корней. К частицам особого образования причисляет: 1) -гур/гур: дэгэгур «поверху». 2) -гчи: цнагчи «сюда» и др. 3) -да/та-тэ: нигэнтэ «однажды» и т. д. 4) -дуй: эдуй «столько» и др., к ним же относит соединительные деепричастия.

Таким образом, А. Бобровников к частицам причисляет наречие, послеречие, союз и междометие.

Д. А. Алексеев замечает, что «Бобровников в классификации некоторых частей речи, особенно в вопросе о так называемых частицах, несколько не отличается от Шмидта и Ковалевского и даже сделал шаг назад по сравнению с ними, объединив под общим названием «частицы» разнородные и несовместимые ни морфологически, ни синтаксически слова».⁹

Известный диалектолог А. Д. Руднев выделяет три части речи: глагол, имя, наречие. В «наречие» автор объединяет все несклоняемые и неспрягаемые слова — это наречия, союзы, послелогии, частицы, междометия. Интересно отметить, что еще в то время А. Д. Руднев отмечал недостатки и, в первую очередь, то, что безоговорочное перенесение приемов латинской грамматики, не отвечали «духу монгольского языка». Наречия, по

⁸ Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, с. 174.

⁹ Алексеев Д. А. Наречие в бурят-монгольском языке. Улан-Удэ, 1941, с. 9.

А. Д. Рудневу, бывают: 1) производные, о происхождении которых автор затрудняется что-либо сказать определенное и 2) производные, образованные от глаголов, имен и наречий.¹⁰

То, что А. Бобровников именует частицами, В. Котвич в своей грамматике называет наречиями, куда, помимо наречий, включены союз, междометие, частицы и т. д. Наречия он делит на следующие разряды: наречия времени, образа действия и сюда включает «наречия, могущие употребляться в значении послелогов, соответствуя русским предлогам».¹¹

В другой своей работе В. Котвич писал: «Поскольку исследователи придерживаются в данном вопросе самых различных мнений, состав этой части речи (наречия) в настоящее время трудно определить точно».¹² Такое же мнение было высказано Г. И. Рамstedтом, который считал, что существительные, прилагательные и наречия не могут быть выделены в особые классы слов, так как одно и то же слово может выполнять различные функции.¹³

Таким образом, ряд авторов (Я. Шмидт, О. Ковалевский, А. Попов) при разработке грамматики монгольских языков дореволюционного периода разделяли точки зрения представителей индоевропейской школы. Наречие признавалось самостоятельной частью речи. Поэтому в этих работах не замечены какие-либо расхождения в классификации частей речи в монгольских языках. Однако такое «механическое перенесение грамматических норм» одного языка, в частности, русского, в языки иной системы не охватывало всей специфики описываемого языка, оставалось много неясностей, отдельные слова неоправданно причислялись к наречиям и т. д. У А. Бобровникова, А. Руднева и В. Л. Котвича наречие рассматривается вместе со служебными словами. Такое деление слов, на наш взгляд, не отвечает состоянию монгольских языков. Поэтому главы «Частицы или наречия» у перечисленных авторов можно на-

¹⁰ Руднев А. Д. Лекции по грамматике монгольского письменного языка. СПб, 1905, с. 85.

¹¹ Котвич В. Л. Указ. соч., с. 332—334.

¹² Котвич В. Л. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, с. 313.

¹³ Рамstedт Г. И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, с. 31.

звать самыми запутанными разделами их грамматик: слова, которые не оказались «никакими частями речи», отнесены или к «частицам» или к «наречиям».

В 1940 г. появилась статья «О частях речи в монгольском языке». Автор считает, что при установлении частей речи, помимо морфологических признаков, которых явно недостаточно, должны учитываться синтаксические признаки.

Сближая такие наречия, как энд «здесь», тенд «там», кезэ «когда» с предметными и качественными именами, он находит общий признак — это изменение по отдельным падежам, присоединение суффиксов возвратного и личного притяжания — и называет их словами неполного склонения.¹⁴

Отсутствие четкого метода и ясного представления о предмете описания способствовало тому, что так называемые «частицы» или «наречия» были неоправданно объединены в одну категорию, поэтому авторы предлагают разбить ее на три части речи:

- 1) наречие;
- 2) наречие-послелог (переходная категория);
- 3) послелог.

Спор об именных частях речи в монгольских языках ведется издавна. Разногласия эти связаны, в основном, с именами существительными, прилагательными и наречиями, выделение их в отдельные самостоятельные части речи сопряжено с определенными трудностями. Дело в том, что они не имеют внешних показателей, отсутствие которых нередко вызывает недоумение исследователей. Так, Г. Д. Санжесв оперирует термином «качественные» имена, обозначающие признак предмета и действия.¹⁵ Если качественное имя употребляется перед именем, то оно оказывается прилагательным, если же перед глаголом, то наречием, т. е. отграничение их друг от друга производится на чисто синтаксической основе. Аналогичной точки зрения придерживался В. А. Аврорин, считавший, что «если одно и то же слово становится в различных синтаксических функциях, чем-то напоминающим то прилагательное, то наречие,

¹⁴ О частях речи в монгольском языке. Советское востоковедение. т. 1, 1940, с. 168.

¹⁵ Санжесв Г. Д. К проблеме частей речи в алтайских языках. — Вопросы языкознания, № 6, 1952, с. 92.

го существительное, это свидетельствует о том, что в действительности оно не является ни тем, ни другим, ни третьим, а чем-то совершенно особым, представителем самостоятельной лексико-грамматической категории». ¹⁶

На научно-практической конференции в Улан-Удэ деление слов на предметные и качественные имена было отвергнуто бурятскими учеными, т. к. оно шло вразрез со школьными учебниками и не отвечало требованиям времени. ¹⁷

В грамматике Г. Д. Санжеева ¹⁸ категория наречия рассматривается в отдельной главе, именуемой «Наречия и послелог». Определяя наречия как самостоятельные слова, обозначающие в предложении способ, качество, место и время действия или состояния, так или иначе восходящие в своем прошлом к предметным именам, отличаются от последних тем, что они не являются обозначениями предметов. ¹⁹ Он отмечает, что определенная часть наречий иногда выступает в качестве послелогов и их место в предложении твердо закреплено.

Далее в «Грамматике бурят-монгольского языка» Г. Д. Санжеев выделяет наречие в самостоятельную часть речи. При этом автор выделяет: 1) группу наречий, корни которых не имеют лексического значения, но от которых образуется ряд производных слов. Например, хой—хойно «позади», «за», хойшо, «после», эн—эндэ «здесь», «тут» и т. д.; 2) группу наречий, корни которых употребляются в качестве самостоятельных слов. Например, баруун «правый» — баруугаар «правее», углөө «утро» — углөгүүр «утром» и т. д.; 3) группу наречий, которые не являются производными от каких-либо основ, например, баһа «снова», бүри «совсем», улам «все». Перечисленные наречия выступают в предложении самостоятельными членами.

Современное монголоведение располагает двумя спе-

¹⁶ Аврорин В. А. Очерки по синтаксису нанайского языка. Л., 1918, с. 37.

¹⁷ См.: Материалы научной конференции по вопросам бурят-монгольского языка (26—31 января 1953). Улан-Удэ, 1956, с. 12. Алексеев Д. А. Именные части речи в монгольских языках. — ВЯ, № 3, 1955, с. 7.

¹⁸ Санжеев Г. Д. Грамматика калмыцкого языка. М.-Л., 1940, с. 61.

¹⁹ Он же. Указ. соч., с. 61.

циальными научными исследованиями, посвященными наречию.²⁰ Авторы этих работ рассматривают наречие как самостоятельную грамматическую категорию, которая обладает рядом признаков (морфологических, синтаксических), отличающих ее от других частей речи: неизменяемость, наличие словообразовательных суффиксов, лексическая и словообразовательная соотнесенность с другими частями речи, от которых они образуются.

В синтаксическом значении наречия функционируют в основном как обстоятельства, выражающие различные (пространственно-временные, целевые и др.) отношения.

В монографии Д. А. Алексеева дается краткая характеристика частей речи, критически пересматриваются спорные вопросы грамматики. Особое внимание уделено грамматике А. Бобровникова, впервые предложившего для монгольских языков три части речи: имя, глагол и частицы, которые распадаются на более мелкие классы слов. Так, имя расчленимо на имя предметное, качественное, относительное, числительное и местоимение. Деление слов на три основные части речи было повторено последующими монголоведами (А. Орлов, А. Руднев, В. Котвич). Термины «предметные» и «качественные имена», введенные А. Бобровниковым, упоминаются в работах современных монголоведов (вместо существительного и прилагательного). Такое деление основано на возможности якобы формально дифференцировать имена существительные и прилагательные, внешне совпадающие друг с другом. По мнению некоторых монголоведов, качественные имена отличаются от предметных тем, что качественные имена: 1) сочетаются со словами типа «маша, тоц», «очень», «весьма»; 2) образуют редуцированные формы; 3) не имеют степеней сравнения. Однако Д. А. Алексеев считает, что нельзя говорить о полном отсутствии суффиксов прилагательных,²¹ не отрицаются им степени

²⁰ Алексеев Д. А. Наречие в бурят-монгольском языке. Улан-Удэ, 1941. Ш. Барайшир. Орчин цагийн монгол хэлний дайвар үг. Хэл бичгийн ухааны дэд эрдэмтний ээрэг горилж бичсэн зохиолын хураангуй. Уланбаатар, 1970.

²¹ Алексеев Д. А. Части речи в бурят-монгольском языке. — Записки бурятского ГИИЯЛИ, вып. 5—6, Улан-Удэ, 1941, с. 160.

сравнения прилагательных, которые выражаются как надежными формами, так и описательно. К сожалению, Д. А. Алексеев к суффиксам сравнительной степени относит *-шаг// -шэг* и *-бтар// -бтэр*, которые выражают неполноту качества.²²

Автор монографии вполне определенно высказался за сохранение терминов имена существительные и прилагательные: «это дает возможность освободиться от смешения качественных имен и наречий».

В главе «Классификация наречий» Д. А. Алексеев выделяет наречие в самостоятельную категорию на основе совокупности морфологических и синтаксических признаков. В структурном отношении наречия бывают коренные и производные. Вызывают сомнения те прилагательные, которые без достаточной аргументации отнесены к коренным наречиям. Например, *тургэн* «быстрый», *хайн* «хороший», *шанга* «крепкий» считаются наречиями и «лишь синтаксически отличаются от прилагательных».

Автор отмечает ряд наречий, которые при помощи суффикса *-ар// -эр*, образуют степени сравнения. Однако эти аффиксы характерны только для качественных наречий и закрепились за ними как средство словообразования.

Классификация наречий по значению сводится к двум основным разрядам: качественно-определительные и обстоятельственные. При этом в качественно-определительные не включены количественные наречия, не упоминается о наречиях причины и цели.

Однако исследование Д. А. Алексеева страдает определенными недостатками. Достаточно сказать, что отдельные выводы в работе, сделанные на материале бурятского языка, не совсем убедительны; нет четких критериев разграничения слов рассматриваемой категории от других частей речи: некоторые деепричастные формы необоснованно отнесены к наречиям и т. д.²³ Переводческий принцип, которого придерживался автор, не только не оправдан, а наоборот, внес определен-

²² Грамматика бурятского языка. Под ред. Г. Д. Санжеева, Г. А. Бертагаева, Ц. Б. Цыдендамбаева. М., 1962, с. 124–125.

²³ Бертагаев Т. А. О спорных вопросах грамматики (на материале монгольских языков). — В кн.: Вопросы составления описательных грамматик. М., 1961, с. 94.

ную путаницу и стирает границы между морфологией и синтаксисом.²⁴

Несмотря на отдельные существенные недостатки, монография Д. А. Алексеева сыграла известную роль в дифференциации таких частей речи, как имена существительные, прилагательные и наречия, вокруг которых в основном-то и развернулась острая дискуссия.

В «Грамматике современного монгольского языка» Б. Х. Тодаева выделяет наречие в самостоятельную часть речи. Помимо имеющих коренных наречий, монгольский язык изобилует производными наречиями, образованными от существительных, прилагательных, местоимений, глаголов.

Наречия образуются от существительных при помощи аффикса орудного падежа -аар//оор, -өөр//ээр. «Однако, — отмечает Б. Х. Тодаева, — в отношении аффикса орудного падежа заметим, что он имеет здесь непостоянную семантику: иногда имя в орудном падеже может осознаваться как наречие, а иногда как имя существительное в орудном падеже. Следовательно, его наречное значение можно вскрыть лишь исходя из соответствующего контекста».²⁵

От прилагательных наречия образуются путем соединения аффикса орудного падежа. Однако прилагательные в форме своей основы также могут выступать в роли наречия.

Наречия мулт (совсем, совершенно), бут (вдребезги, впрах) и др. входят в состав сложных глаголов и выполняют в предложении функцию обстоятельства образа действия.

Автор «Грамматики калмыцкого языка» Б. Б. Бадмаев считает, что у наречия «имеется свособразная изменяемость по некоторым пространственным падежам».²⁶ Кроме известных аффиксов, при помощи которых образуются наречия от имен существительных, прилагательных и др. частей речи, по мнению автора, некоторые слитные и соединительные деепричастия пе-

²⁴ См.: Материалы конференции... с. 7

²⁵ Тодаева Б. Х. Грамматика современного монгольского языка. М., 1951, с. 154.

²⁶ Бадмаев Б. Б. Грамматика калмыцкого языка. Элиста, 1966, с. 97.

реходят по функции в наречия.²⁷ Нам кажется однако, что деепричастия с отрицанием *уга* неправомерно относятся к наречиям. Например, *ирл уга одв* — не заходя, ушел, *келл уга* — не говоря, *харл уга суув* — не выходя сидел и др. В них еще отчетливо сохранились глагольные признаки.

Б. Б. Бадмаев также упоминает о том, что к суффиксам вторичных наречий наращиваются лично-притяжательные частицы, которые придают им дополнительный оттенок: *эндчи* «здесь твой», *эндтн* «здесь ваш!», *эндэнь* «здесь его» и т. д. Следует уточнить, что эти частицы присоединяются к наречиям места, реже к наречиям времени, образованным при помощи форманта дательного-местного падежа.

Среди современных монголоведов установки традиционной лингвистики разделяет монгольский ученый Чой Лубсангджаб, по мнению которого, только два класса слов выделяются своими морфологическими особенностями: имя и глагол. При этом в монгольском языке не существует особых парадигм, на основании которых можно было бы выделить морфологически обособленный класс имен прилагательных и наречий.²⁸ Таким образом, исходя из материала монгольского языка, Чой Лубсангджаб выделяет два парадигматических класса: имена и глаголы, т. е. слова, обозначающие предметы материального мира и слова, обозначающие действие, и границы между ними четко обозначены. Основным признаком деления слов на классы, по Лубсангджабу, является наличие или отсутствие парадигматики. Нам кажется, что морфологический подход не всегда выявляет особенности определенной грамматической категории, так как деление слов на различные классы должно происходить с учетом всех грамматических признаков.

В исследовании И. К. Илишкина наречие по своим морфологическим признакам характеризуется как неизменяемая часть речи.

«В калмыцком языке, — пишет автор, — в большинстве случаев наречия не изменяются, но некоторые из них, особенно наречия, выражающие место, изменя-

²⁷ Он же. Указ. соч., с. 99.

²⁸ Чой Лубсангджаб. Сопоставительный анализ морфологической структуры слова в монгольском и английском языках. Автореферат... докт. филолог. наук. М., 1971, с. 9.

ются и принимают некоторые падежные формы». ²⁹ Сказанное подкрепляется примерами альд «где», альдас «откуда», альдаһур «по какому месту» и др. Для наречия понятия «неизменяемость» и «изменяемость» — это понятия взаимно исключающие друг друга, неприемлемые для данной категории. К сожалению, многие монголоеды признают «изменяемость» наречий по некоторым косвенным падежам, но дело в том, что наречия представляют собой «омертвелые» формы имен существительных, прилагательных и др. Обособившаяся наречная форма постепенно становится самостоятельной лексемой с более отвлеченным содержанием.

Таким образом, в отношении наречия до последнего времени среди монголоедов не было единого взгляда: некоторыми оно рассматривалось как нечто несвойственное для монгольских языков; другие признавали определенную самостоятельность наречия, но она была настолько непрочной, что слова этого класса именовались дефектными или именами неполной склоняемости, или отмечалось, что наречие — слабо развитая категория. ³⁰ Только с появлением специальных исследований эта категория получила полную гражданственность среди других знаменательных частей речи с присущими ей морфологическими, синтаксическими и семантическими признаками, хотя осталось много спорного как в отношении некоторых разрядов наречий, так и характера сочетаемости и их функций.

ОБРАЗОВАНИЕ НАРЕЧИЙ

Наречие как самостоятельная лексико-грамматическая категория, по мнению большинства лингвистов, оформилась в более поздний период, как «результат абстрактного мышления человека, научившегося выражаться отвлеченными логическими категориями».

По своему структурному составу наречия делятся на непроизводные и производные. Несмотря на обилие терминов (первообразные, коренные, бесформенные, про-

²⁹ Плишкин И. К. Сопоставительная грамматика русского и калмыцкого языков. Элиста, 1973, с. 155.

³⁰ Бертагаев Т. А. Бурятский язык. — В кн. Языки народов СССР, т. 5, М., 1967, с. 27.

стые и др.), которыми обозначаются наречия, состоящие из неразложимого корня, нам кажется, наиболее приемлем термин «непроизводные наречия».

Непроизводные наречия

30761 К непроизводным наречиям относятся такие, которые состоят из неразложимого корня, имеющего самостоятельное значение и нераспадающегося на отдельные составные части. К ним причисляются следующие наречия: ард «позади», авд «сразу, тотчас», монг. берк «очень», монг. арай «едва, кое-как», бас «еще», «опять», цур «совершенно», бурүц «заодно», һаза (монг. гадна) «вне, на улице», гедр «назад», гент «вдруг», даки «еще, опять», деер «вверху», даң «постоянно», дегд «чересчур», дегц «одновременно», дими «напрасно», дерс «враз, разом», дор «внизу», дотр «внутри», же «совершенно», зервк «мельком», зөрц «преднамеренно», ивт «насквозь», кезэ «когда», ки «напрасно», лав «точно, наверняка», маш «очень, весьма», мел «совершенно», мөльт «вскользь», на «на этой стороне», монг. невт «насквозь», огт «совсем», ода «сейчас, теперь», ора «поздно», өмн «раньше», таг «наглухо», ташр «подряд, друг за другом», төрүц (төрүн) «совершенно», туц «совсем, совершенно», тус «напротив», үкс «торопливо, резко», унд-сунд «взад-вперед», улм «еще», ха «куда», уралан «вперед», халт «вскользь», хама «где», хая «редко», хэрү «назад», хооран «назад», хөөн «после», шал «совсем, совершенно», шуд «прямо», эрт «рано», яг (чаще таг-яг) «крепко, прочно», монг. аг «крепко» и др.

Наличие так называемых непроизводных наречий в монгольских языках свидетельствует о том, что наречие существует издавна и как любое явление языка находится в «постоянном процессе изменения и трансформации», количественно пополняясь за счет других частей речи и исторически представляет собой «осколки» именных и глагольных форм. Например, такие слова, как энд «здесь», тенд «там», ард «позади», өрлэ «на заре» и ряд других, ставшие уже наречиями и этимологически восходящие к указательным местоимениям и другим частям речи, подверглись полной «изоля-

ции», и основы их не имеют самостоятельного употребления и значения.

Ряд непронизводных наречий, как эрэ «едва», бас «опять», нвт «насквозь», таг «наглухо», хая «редко» и др. характеризуется общими признаками наречий: не изменяется, не присоединяет ни суффиксов, ни притяжаний, в предложении всегда примыкает к глаголу и выполняет обстоятельственную функцию.

В некоторых наречиях типа дегц «одновременно», зөри «преднамеренно», төрүц «совершенно», * бүрүц «заодно» и др. можно выделить суффикс -ц как словообразовательный.

Интересно отметить, что Д. А. Алексеев к непронизводным наречиям относит ряд качественных прилагательных типа калм. бат «крепкий», чацн «громкий», хурди «быстрый» и другие, которые, примыкая к глаголу, выполняют обстоятельственную функцию.³¹

Придерживаясь точки зрения, существовавшей в то время в тюркологии и монголоведении, Д. А. Алексеев не видит отличия качественных прилагательных от наречий образа действия. Эти разнофункциональные слова, лишь внешне совпадающие друг с другом, относятся к различным частям речи. Поэтому нет основания относить их одновременно и к производным и к непронизводным прилагательным и к корневым наречиям.

Возможно, в 30—40 гг. в монгольских языках, в частности в бурятском, формант орудного падежа аар//оор еще не закрепился как словообразовательный суффикс наречия образа и способа действия, а лишь намечалась такая тенденция. Поэтому вопрос отграничения этих слов друг от друга решался на синтаксическом уровне: в зависимости от характера сочетания они относились то к качественным прилагательным, то к наречиям образа действия.

Несколько иная картина наблюдается в современном калмыцком языке. Наречия образа действия оформляются при помощи суффикса -ар//эр, т. е. для них имеется общее морфологическое средство выражения. Если слова хурди «быстрый», му «плохой», сэн «хороший», бат «крепкий» и другие встречаются перед гла-

³¹ Алексеев Д. А. Наречие в бурят-монгольском языке, с. 66—67.

голом в форме своей основы, то в данном случае речь может идти о нулевой дериватной форме наречия, которая соотносительна с ненулевой.

Таким образом, производные наречия состоят из неразложимого корня, т. е. они являются производными с точки зрения современного языка, хотя исторически не были таковыми. Рассматриваемые наречия представляют собой застывшие в глубокой древности слова различных частей речи, аффиксы которых, утратив свою грамматическую роль, стали составной неразложимой частью этих слов. В таких производных наречиях, как эртэ «рано», гентэ «вдруг» и ряд других, монголисты выделяют аффикс -тэ.³² Однако в настоящее время они являются неразложимыми и относятся к производным (корневым) наречиям.

Производные наречия.

К производным наречиям относятся такие, которые могут быть легко расчленимы на составные морфемы и производящие основы их часто употребляются в роли других частей речи. Так же, как и производные наречия, производные образованы путем выпадения из общей парадигматики имен существительных, прилагательных и других лексико-грамматических категорий. Аффиксы пространственных категорий падежей (иногда с притяжателем) слились с основой имени и воспринимаются нами как единое целое. Так, аффикс орудного падежа -ар//эр в наречиях образа и способа действия можно с полным основанием считать адвербиальным суффиксом, и он имеет устойчивое значение. Лишь некоторые имена существительные в орудном падеже осознаются то как наречие, то как имя в орудном падеже. В таких случаях различие устанавливается на синтаксическом уровне, исходя из контекста и окружения слов. Действительно, иногда очень трудно определить, что перед нами — имя в орудном падеже или наречие. Если для наречия образа действия показатель -ар//эр бесспорно является общим деривационным суффиксом и мы можем четко провести дифференциацию между

³² Дюндукэв У.-Ж. Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улап-Удэ, 1964, с. 114. Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка, с. 193.

классами слов — качественными прилагательными и образованными от них наречиями, то, к сожалению, в именах существительных, находящихся в орудном падеже и наречиях, образованных при помощи данного форманта, это не всегда возможно произвести.

Производные наречия достаточно многочисленны в современном калмыцком языке. В данном случае ограничимся перечнем некоторых производных наречий, которые наглядно свидетельствуют о том, что они представляют собой изолированные слова различных частей речи. Примеры: авгтан «сначала», альдас «откуда», аяртан «вечером», ардакшан «назад», адмтаһар «торопливо», байртаһар «радостно», болытан «во время», «к сроку», герэдэн «домой», гүүвэр «глубоко», һазакшан «на улицу», даруһас «скоро», дораһар «низом», (перен. незаметно), дорас «снизу», зөрмдэн «иногда», төндэн «напрасно», зөрмгтөһар «смело», «храбро», зулаһа «летом», зууран «в пути», ингэрэн «сюда», «в эту сторону», нааран «сюда», «ближе», нэрэр «тонко», намртан «осенью», кеерэгшэн «в степь», киндэн «напрасно», миннһар «по-моему», одахн «недавно», онданар «по-другому», өмнэс «спереди», «навстречу», өөрхид «рядом», «недалеко», тендәһә «недавно», уужмд «вдали», «в отдалении», уданар «долго», урдас «заранее», хамакшан «куда», хавраһа «весной», халунар «горячо», хэврһэс «сбоку», эртэс «заблаговременно», эргмдэн «вокруг» и другие.

Следовательно, наречия соотносительны с именами существительными, прилагательными, числительными, местоимениями и другими частями речи, от которых они образуются.

Переход одной части речи в другую — явление довольно распространенное, и «обусловленное закономерностями развития грамматического строя языка».

Так, А. М. Пешковский, рассматривая процесс взаимодействия наречий с другими лексико-грамматическими категориями и переход последних в наречия писал: «все наречия, кроме ... так называемых первообразных ... произошли сравнительно недавно ... из прилагательных и существительных. Процесс перехода заключается здесь в так называемой «изоляции» какого-нибудь одного падежа существительного из общей системы склонения. «Изоляция» эта протекала, понятно,

очень медленно». Далее: «Изолированный падеж», теряя свои нормальные связи в предложении, притягивался синтаксически исключительно к глаголу, начиная обозначать признак признака и делался наречием».³³

Таким образом, процесс адвербиализации характеризуется тем, что слова, перешедшие в наречия, отрываясь от общей системы склонения, утрачивают свое прежнее лексико-грамматическое значение и приобретают более отвлеченное содержание. По своему морфологическому составу адвербиальные слова представляют собой застывшие именные формы в пространственных падежах: дательном-местном, направительном, орудном и исходном, аффиксы которых выступают не как словоизменятельные, а как словообразовательные суффиксы.

Рассматривая способы образования наречий, Е. М. Федорук-Галкина напоминает, что «при этом надо различать образование диахроническое, то, что образовалось и застыло в своих формах до нас, это уже история образования наречий, а то, что совершается на глазах, это живой процесс языка, который осуществляется путем особых продуктивных форм образования».³⁴ Наглядно это можно проиллюстрировать на примерах калмыцкого языка. Например: энүнд «этому», «ему», «здесь», түүнд «тому», «там» и другие формы этих указательных местоимений (ср. энд «здесь», тенд «там», эндэс «отсюда», тендэс «оттуда», уже ставшие наречиями с более отвлеченным содержанием) еще не перешли в наречие места, лишь синтаксически, сочетаясь с определенными глаголами и отглагольными формами, становятся обстоятельством членом. Они двояко функционируют: бывают дополнением и обстоятельством места, но это устанавливается из контекста.

Любой части речи присущи определенные морфологические признаки, характерные только для слов данной категории, которые заметно выделяют ее на фоне других классов слов. Наречие не является исключением из этого общего правила, ему также присущи определенные морфологические признаки, свойственные только данному классу слов.

³³ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 4, М., Учпедгиз, с. 129.

³⁴ Федорук-Галкина Е. М. Наречие в современном русском языке. М., 1938, с. 44.

Обогащение лексики суффиксацией — явление исключительно важное, характеризующее непрерывный процесс развития языка. Для наречий калмыцкого языка характерна следующая особенность: морфологические средства, свойственные рассматриваемому классу слов, можно разбить на два основных вида. Если качественные наречия калмыцкого языка образуются от прилагательных посредством суффикса -ар//эр, (ср. гүн «глубокий» — гүүнэр «глубоко», амр «легкий» — ам-рар «легко»), то образование обстоятельственных наречий места и времени от имен существительных, прилагательных и др. частей речи осуществляется при помощи аффиксов (чаще с притяжением) различных пространственных падежей (дательного-местного, орудного, исходного, направительного), принципиально отличаясь от качественных наречий тем, что существительное, постепенно теряя свое предметное значение и функционально изменяясь, переходит в категорию наречия, приобретая более абстрактное значение.³⁵ Например, слова энүнд, энүнс, тенүнд и др. Формы могут быть указательными местоимениями в косвенных падежах и наречиями места, их внешние показатели не имеют существенного значения, а наречность обнаруживается иными признаками: примыканием непосредственно к глаголу и утратой реального, вещественного значения. Эти слова еще не порвали связь с прежним классом слов и могут двойко функционировать, т. е. представляют собой грамматическую омонимию. Например, имя существительное сүл «хвост» становится наречием времени сүүлднь «потом, после» только в том случае, если исходная форма в дательном падеже с притяжением утрачивает свое конкретное значение. Так, качественные наречия образа действия, пока за ними не закрепились адвербнальный суффикс -ар//эр, вызывали споры, т. к. они без -ар//эр, внешне совпадали с качественными прилагательными и поэтому считали их прилагательными, по различной синтаксической функции.

³⁵ Орловская М. П. Способы образования производных наречий в монгольском языке. — В кн.: Исследования по восточной филологии. М., 1974, с. 189. Суссева Д. А. Закономерности развития калмыцкого языка в советскую эпоху. Элиста. 1978, с. 184.

Слова, утратившие аффиксы местного падежа

В современном калмыцком языке нет местного падежа, но он имелся в классическом монгольском языке с аффиксом -а// -е и, по предположению проф. Г. Д. Санжеева, «некогда этот местный падеж употреблялся значительно шире».³⁶

Небольшая группа слов калмыцкого языка (өмн — өмн-е «вперед», дор — доур-а «вплзу», деср — дегер-е «вверху», кеер — кегер-е «в степи» и др.), относящаяся к наречиям места, в связи с редуциацией конечной гласной, утратила в современном калмыцком языке аффиксы местного падежа.³⁷ Однако падежное значение за ними сохраняется. В письменном же старомонгольском и современном бурятском аффиксы местного падежа на письме сохраняются в силу того, что они не подвергаются редукации. В современном калмыцком языке, особенно в разговорной речи, «исчезнувший» аффикс довольно ясно произносится. Кроме того, если выделенные слова присоединяют направительный суффикс -кшан// -гшэн, то в них восстанавливается так называемый редуцированный гласный. Например, кеэрэгшэн, доракшан, дээрэгшэн, өмнэгшэн и др.

Слово **кеер**: 1) необжитое место; 2) открытое поле, степь, в степи (см. Монгол-орос толь, Хальмг-орс толь) в современном калмыцком языке показывает место совершения действия. Например, кеер хонад — кец дерлэд. «Жить одиноко в степи» (досл. ночевать в степи, склонив голову на склоне холма.).

Лексема **кеер** обозначает необитаемое, незаселенное место, находящееся за пределами населенного пункта. Например, кеер одх — уйти туда, где никого нет. В последнее время слово кеер употребляется чаще со значением «в степи, в степь» и указывает место действия или направленность, и редко выступает оно в значении «открытое поле», т. е. происходит постепенная утрата основного значения. Интересно отметить, что в калмыцком языке параллельно со словом кеер существует тег

³⁶ Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. т. 1, М., 1953, с. 168.

³⁷ Санжеев Г. Д. Указ. соч., с. 198, Рамstedт Г. И. Введение в монгольское языкознание. М., 1957, с. 39—40.

«степь»,³⁸ семантика которых частично совпадает (речь идет не о полном совпадении, а о близости их по значению), но эти синонимические формы далеко не тождественны в своем употреблении. Очевидно, это связано с тем, что кеер более древнего происхождения, его значение намного шире, чем тег. Так, в калмыцком языке можно встретить сочетания **кеер, теегт ... кеер, ө-шуһу моднд ... кеер көдэд ...** с общим значением «в степи»..., в которых второй компонент уточняет, дополняет первый. Необжитым местом может быть и глухая тайга, и степь, и пустыня, на что указывает второй компонент. Например, **кеер, теегт һархла — толһад төрсн тоолвр жнвр зүүһэд, нарна ардас кннснэ, салькпла көөлдж цервнэ.** (З. ү., стр. 42). Если выйти в степь, мысли, рождающиеся в голове, облетая крылья, летят вслед за солнцем, споря с ветром. Бидн **кеер, ө-шуһу модн дотр көдлмштэн йовлавидн.** (Б. А., З. э. к., стр. 184). Мы находились на работе в глухой, безлюдной тайге.

Также существует табуированное выражение кеерин ноха «волк», в то время как со словом тег этого не происходит. Кеер может присоединить направительный суффикс-кшан//гшэн кеерэгшэн «в степь», например, услрин хөөн үлдж кевтсн хөөһэн босхад, Буган **кеерэгшэн көндрэж йовхла, Ошил хэрү ирв.** (И. Л., Б. з., стр. 45). Когда Буган направила в степь своих овец, лежавших после обеденного водопоя, Ошил вернулся назад.

Таким образом, кеер и тег в калмыцком языке имеют четкие смысловые границы, значение кеер намного шире и богаче, чем тег. Эти слова-синонимы (частично совпадающие по своей семантике), аналогично любым явлениям языка, находятся в постоянном развитии и в конечном счете из двух слов в системе языка одно из них должно быть более жизнеспособным, устойчивым, такой оказалась лексема тег. А слово кеер в результате переосмысления изолировалось в форме местного падежа и перешло в категорию наречия.

Наречие өми/өм+не «впереди», «раньше» обозначает не только местонахождение предмета, но и временное понятие, еще раз свидетельствующее о близости в

³⁸ Видимо, тег «степь, поле», произошло от глагола теех (те-хэ) «рыть ногами землю, отбрасывать ногами снег».

прошлом пространственно-временной категории. **Өмн** обозначает действие, совершившееся раньше события, переданного родительным и исходным падежами.

Примеры:

Ода Рубеженка гидг селэн өмн билэ. (Д. Б., М. о. стр. 80). Теперь впереди находилось село Рубеженка. **Өмннь** тату-тартг йовсн колхознь ода өөдэн харву? Харв. (Н. М., М. Ы., стр. 35). Ранее бедный колхоз сейчас поднялся? Поднялся.

В современном калмыцком языке уже наметилась тенденция, когда наречие **өмн** присоединяет притяжательную частицу **-нь**, то оно чаще всего становится наречием времени. Однако это явление еще не закрепилось и находится в процессе становления.

Наречие **деер** / **дегере** «вверх, наверху» (переносн. «лучше») указывает на место, где происходит действие.

Примеры:

Деер тотхар толһаһан шурулад орад ирв. (Х. т., стр. 16). Наверху, в отверстии двери показалась голова. Деер суусн һурвн өвгнэс негнь келжэнэ: «Йовхнас йовх, күцэх кергтэ тер керг, кен йовхм, кен чадхм — гихлэ. Бадмас нань күн чадшго, Бадм чадх». (Х. т., стр. 66). Один из трех стариков, сидевших наверху, говорит: «Дело не терпит отлагательства, кто пойдет, кто сумеет, кроме Бадмы, никто не сумеет, Бадма справится». Маңһурк өвкнэс эндрк оошк деер (пог.). Чем завтрашний жир, лучше сегодняшние легкие. (пер. В. Л. Котвича).

Образование наречий от имен существительных

В своем исследовании Д. А. Алексеев отмечал, что «образование наречий от имен существительных — явление мало распространенное».³⁹ Нам кажется, что этой точке зрения можно противопоставить другую, диаметрально противоположную.

Существительные, обозначающие временные понятия, примыкая к глаголу, могут быть обстоятельственным членом. К этим именам относятся следующие слова: **өдр** «день», **сө** «ночь», **хавр** «весна», **намр** «осень»

³⁹ Алексеев Д. А. Наречие в бурят-монгольском языке, 37.

и другие, т. е. слова с временным значением. Аналогичное явление наблюдается не только в монгольских языках, но также в языках тюркской группы.⁴⁰

*Наречия, образованные от имен существительных
в орудном падеже*

В современном калмыцком языке имена существительные в орудном падеже переходят иногда в наречия. Например, өгйәһәр «взаймы», хаврар «весной», хальмгар «по-калмыцки», селгәһәр «посмешино», орсар «по-русски»,⁴¹ өңгәр «напрасно», дараһар «по порядку», чеежәр «наизусть» и др. Этот способ образования наречия малопродуктивный. Перечисленные слова осмысливаются как имена существительные в орудном падеже и наречность устанавливается из контекста. Примеры:

Тингхд би хальмгаһар сәәнәр меддго биләв. (З. ү., стр. 61). «В то время я не очень-то знал по-калмыцки». Бәәхлә келх кергтә. **Өңгәр** цаг давжана, — гиж ахлач заки сурв: — не, кенд үг өгхмб? (Д. Б., Эзн, стр. 149). Если есть о чем сказать — надо выступить. Напрасно время проходит, так кому дать слово, — опять спросил председатель. Хәрнь тер, Люба. Чамаг **күчәр** дахулж чадшгов. (М. Д., Санл, стр. 5.). Так-то, Люба. Не могу увести тебя силой. Умшдгнь — умшдг болв чиги, **орсар** иег үг меддго нанд, терүнд юн гиж келгджәхнь меддг арһ уга болжана. (Д. Б., М. о., стр. 39). Хотя и читаю, однако мне, незнающему ни одного слова по-русски, нет возможности узнать, о чем же идет речь.

*Наречия, образованные от имен существительных
в дательном-местном падеже*

Наречия образуются от существительных при помощи аффикса дательного-местного падежа -д (-р). Обыч-

⁴⁰ Исхаков А. Наречие в современном казахском языке. Алма-Ата, 1950.

⁴¹ Существуют две формы, образованные от имен существительных при помощи -ар// -эр, которые в настоящее время не отграничиваются друг от друга. Например: орсар и орсаһар, хальмгар и хальмгаһар. Однако форма с «единительным -һ- это, бесспорно, наречие, и образуется оно не от всех имен существительных, и если такое образование возможно, то следует его относить к наречиям. Дифференциацию этих форм можно закрепить орфографическими правилами.

но эти наречия принимают частицу притяжания. Например, һацанднь «назло», намртнь (намртан) «осенью», киндэн «напрасно», айстап «машинально», болзгтнь (болзгтан) «в срок», аюдап «необдуманно», дурдан «опрометчиво», йосидан «по-настоящему», эйдэн «вширь»,⁴² сүүлднь «после» и др. Этот способ образования наречий более продуктивный. Наречность в перечисленных словах закрепляется наличием притяжательных частиц.

Примеры:

Намртан эн һазрт олн жилэ өвсн тэргдхмн. (Х. ү., 1972). Осенью на этих землях будут посеяны многолетние травы. Деернь, теңгрт, чирмлджэх одд хэлэхэд кевтжэхэд, **хэврһднь** кевтсн Лиж унтж одсиг медэд, Бадм босад, нимгн көнжл авч ирэд көвүг хуччад, хөөдэн эргв. (М. Д., Санл., стр. 68). Посмотрев на звезды, мигающие вверху в небе, и, поняв, что сбоку лежавший Лиджи уснул, Бадма встал и, взяв тонкое одеяло, укрыл им мальчика, и стал обходить овец. **Айстан бичэ хээкр**, бийэн бэрх кергтэ. (Н. М., Боова, стр. 12). Напрасно не кричи, нужно сдерживаться. Тосхлтын көдлшин йовудыг эс түргдүлхлэ, объект **болзгтан** элдврт орхнь маһд болжана. (Х. ү., 1972). Если не ускорить темпы строительства, то едва ли в срок сдадим объект в эксплуатацию.

Наречия, образованные от имен существительных в исходном падеже

В калмыцком языке имеется небольшое количество наречий, образованных от имен существительных при помощи аффикса исходного падежа -ас//-эс. Этот способ малопродуктивный. Например, күчнэс «насильно, силой», захас «с краю», хэврһэс «сбоку», хажуһас «со стороны», ормаснь «с места» и др.

Примеры:

Хэврһэснь хэлэхэд, баһ цаган санв! (Н. М., Боова, стр. 113). Посмотрев (на нее) сбоку, вспомнил свои молодые годы! **Хажуһас** соцсен күүнд, Манжин келсн үгмүд, Бакдгин келсиг эн соцсжахин докъя өггч темдг гнж сангдм билэ. (Д. Б., Ч. х., стр. 46.). Со стороны

⁴² В приведенных примерах Д. А. Сусеева выделяет суффиксы -ан//-, -он//-, -тан//-, -тон//-

слушающему человеку, слова, сказанные Манджи, казались сигналом к словам, произнесенным Бакдыком.

Наречия, образованные от имен существительных в соединительном падеже

Имеются единичные случаи образования наречий времени от существительных при помощи аффикса соединительного падежа *-ла//*-лэ. Данный способ малопродуктивный и представлен в калмыцком языке единичными примерами. Образуются в основном наречия времени. Например, цаглань «вовремя», болзглань «в срок», өрлэ «на заре», үдлэ «в обед» (последние два наречия употребляются без притяжания), бүрүллэ (хо бүрүллэ) «засветло», хар тацгла «с рассветом», шар тацгла «с рассветом» и др.

Примеры:

Кесг цагтан гүүлгәһэд, өрлэ күрэд прв. (Х. т., 1968, стр. 122.). Много времени проскакав, прибыл на заре. Яһад алдад оркочин терв, цаглань эс зәңглвч намд. (Э. Б. С., стр. 4.). Как же ты это упустил, почему же ты вовремя мне не сообщил. Мучра, бичэ зовад йовти, намаг үдлэ тенд күрхд эн-тер уга бәәихэлэ. (К. А., Н., т., стр. 49.). Мучира, не переживайте, когда я там был на обеденном перерыве, все было в порядке.

Наречия, образованные при помощи аффиксов

Наречия, образованные при помощи суффикса -аһа//-әһэ

Кроме перечисленных способов образования наречий путем «изоляции» имен существительных в пространственных падежах, в калмыцком языке имеется адвербиальный суффикс *-аһа//*-әһэ, при помощи которого образуются наречия времени от существительных, обозначающих временное понятие, исключением из этого правила являются наречия места и времени шидр «недавно», тенд «там», которые, присоединив суффикс *-аһа//*-әһэ, становятся наречиями времени (ср. тенд «там» и тендәһэ «недавно»). Например, асхнаһа «вечером», намраһа «осенью», үвләһэ «зимой», үдләһэ «в обед».

шонһә «почью», шидрәһә «недавно», экнәһә «в начале, раньше» и др.

Примеры:

Би өрүнәһә көдлмштән прж йовад, энүгити эрсин га-
сетд умшлав. (Э. К., II. х., стр. 58.). Когда я утром шел
на работу, об этом прочитал в стенной газете. **Шидрә-
һә** тингж оли заавр өгдгән уурв, юцгад гихлә: «Аңка
ода эврәннь кертән меднә, — гиж эцкнь ицдг болв.
(И. Л., Б., з., стр. 106.). Недавно (он) прекратил давать
также наставления, потому что его отец верил и гово-
рил: «Аңка теперь свое дело знает». Аңка эцкдән хойр-
дгч хөөчшь болж **ниднәһә** орла, түүнәс наараи нээми
сар болв. (И. Л., Б. з., стр. 106.). В прошлом году Аң-
ка стал работать у своего отца вторым чабаном, с тех
пор прошло восемь месяцев.

*Образование наречий при помощи
адвербиального суффикса
-кшан//-гшән*

Особо следует обратить внимание на тот факт, что
помимо «изоляции» * некоторых слов в пространствен-
ных падежах, в калмыцком языке наречия образуются
только от наречий места при помощи адвербиального
направительного суффикса -кшан//-гшән. Калмыковед
Д. А. Павлов рассматриваемый суффикс именуется на-
правительной частицей.⁴³ Показатель -кшан//-гшән мож-
но разложить на элементы: суффикс -кш//-гш, возврат-
ная частица -ан//-ән. Надо полагать, что последнее яв-
ляется более поздним присоединением. Ср Ууц бийнь
дегш, чееж бийнь **доркш** һарад одв. (Дж.). Верхняя
часть ее (старухи) поднялась вверх, а нижняя — ушла
вниз.⁴⁴ В настоящее время оба компонента прочно сли-
лись в единое целое и довольно активно участвуют в
образовании наречий места. Например, доракшан «в
сторону», деерэгшән (деегшән) «вверх», хажукшан «в
сторону», өмиэгшән «вперед», кеерэгшән «в степь» и
другие.

Примеры:

⁴³ Павлов Д. А. Современный калмыцкий язык. Элиста, 1970.
С. 66.

⁴⁴ Голалева Б. Х. Опыт лингвистического исследования эпоса
«Гышар». Элиста, 1976, с. 260.

Тегэд, Хожһра Борлг терүнэ хөөн ода күртл күүнлө чирэцж күүндхэс эмтнэс ичэд, **деегшэн** нисэд һарн гихлэ — тецгр хол болад, **доракшан** чивэд орн гихлэ — һазр хату болад, мел оньднн муулян эдлж зовад бээд-гиг, совхозин директор медж ухалдг болхий. (Д. Б., Эзн., стр. 38.). Знает ли директор совхоза, что (он) вечно страдает и поэтому Ходжигоров Борлык с того времени до сих пор избегает встречи с людьми, стыдясь их, и хочется улететь вверх, да до неба далеко, үйги вниз — да земля твердая. **Ардакшан, өмэрэн, хэврһшэн** салат һарад одон өргн зам хаалһин ааг болһнднь шини-шин совхоз-колхозмудын перд бичэтэ бахис торс-торс үзгдэд, хоцрад, үлдэд йовна. (Э. К., II, х., стр. 129.). Позади, спереди, сбоку на разветвлении широких расходящихся дорог мелькают и исчезают столбы с названиями новых совхозов и колхозов.

В калмыцком языке имеется довольно значительная группа наречий места, которая содержит непродуктивный суффикс -р с возвратной частицей -ан//-эн. Так, например, өмэрэн «вперед», «на юг», хооран «назад», зуур (ан) «в пути», альдаран «куда», һазаран «на улицу», нааран «сюда», цааран «дальше» и т. д. В приведенных примерах не совсем ясно происхождение -р. По-видимому, это законсервированный архаичный суффикс, указывающий на направление движения. Большинство наречий места с -р отвечают на вопросы альдаран? хамаран? куда? Однако в наречиях места значение -р довольно прозрачное: указывает направление движения. Характерной особенностью этих наречий является обязательное присутствие -ан/-эн, без этой возвратной частицы некоторые наречия вообще не образуются.

Изучая деловые бумаги и эпистолярное наследие на старокалмыцкой письменности, Н. Н. Убушаев следующим образом объясняет этимологию слов **нааран, цааран**: **нааран** образовался от наречия места наа плюс аффикс направительного падежа -ру и плюс окончание -н.⁴⁵

Аналогичным образом этимологизируется слово **цаа-**

⁴⁵ Убушаев Н. Н. Деловые бумаги на старокалмыцкой письменности как источник изучения истории калмыцкого языка. — В кн.: 320 лет старокалмыцкой письменности. Элиста, 1970, с. 124—125.

ран. Однако, к основе наа-, цаа- присоединяется и окончание -н, а возвратная частица -ан/-эн и в этих примерах нет аффикса направительного надежа ру. (Ср. на-ца болтл).

Таким образом, в образовании наречий места немаловажную роль играют частицы -ан (-эн) и -нь. В настоящее время функция их настолько расширилась, что иногда становятся суффиксами и наравне с последними участвуют в образовании новых слов. Например, в наречиях гедргэн «назад», өмэрэн «вперед», «на юг», тиггэрэн «туда», ниггэрэн «сюда», уралан «вперед» можно выделить суффикс -ан (-эн). Без частицы -ан (-эн) основы этих слов, омертвелые корни, вообще не имеют ныне самостоятельного лексического значения. Менее ощутимо их значение проявляется в наречиях эцдэн «вокруг», эргмдэн «кругом», өөдэн «вверх». Обычно имена существительные, прилагательные, числительные, присоединяя частицу -нь, выступают в качестве подлежащего и указывают на принадлежность последнего кому-нибудь. Роль притяжательной частицы -нь наглядно видна из следующих примеров. Например, в последовательных конструкциях гэрий нь дээр «наверху, на юрте», и гэрийн дээрнь «на верху юрты» в первом случае — наречие, во втором — имя существительное.⁴⁶ В современном калмыцком языке слово өмн может быть как наречием времени, так и места, но при присоединении притяжательной частицы -нь чаще всего становится наречием времени.

Примеры: Зууран хамаран чигн эргл уга, кенлэ чигн харһа уга йовад пинер Бовргаһур орад күрэд ирв. (Д. Б., Ч. х., II, стр. 174). В пути, никуда не сворачивая, ни с кем не встречаясь, писарь Ванька пришел к Бозрыку. Дэкж нам альдаран чигн одиго болж үгцэд, эн хойр шуд Бамбин гер орад һарад һовихав. (Д. Б., Ч. х., II, стр. 18.). Договорившись, что больше никуда не пойдут, эти двое прямо направились к дому Бамбы. Хөөдиг һазаран һарһдг арһ тасрв. (Д. Б., Эзи, стр. 37.). Не стало возможности вывести овец наружу.

Нааран хэлэнь,

Цаад далам жирмэгс тоолгдм.

⁴⁶ Бертагаев Т. А. Синтаксис современного монгольского языка. М., 1969, с. 77.

Цаарап хэлэхнь,
Наад далан жирмэгс тоолгдм.
(Дж., стр. 6)

Посмотрит туда,
Рыбок океана той стороны можно сосчитать.
Посмотрит сюда,
Рыбок океана этой стороны можно сосчитать.

*Образование наречий при помощи аффикса
предельного падежа
-ца//-цэ*

До недавнего времени в системе склонения имен существительных имелся в калмыцком языке предельный падеж с аффиксом -ца// -цэ.⁴⁷ Обычно имена в данном падеже обозначают глубину или высоту чего-либо, т. е. указанная форма сама по себе связана с пространственными представлениями. Например, өвдгцэ «по колено», бур. обдогсоо, белкүсцэ «по поясе», күзүцэ «по шею» и др.

Интересно отметить, что в образовании предельного падежа участвуют немногие слова, составляющие особый разряд лексики: название частей тела живых существ, отдельных частей сбруи оседланной лошади. У калмыков довольно четко прослеживается измерение глубины чего-либо по росту человека, и лишь изредка можно встретить измерение по некоторым наименованиям сбруи лошади, деталям юрты.

Форма предельного падежа малоупотребительна и в настоящее время она не входит в парадигму склонения имен существительных, хотя ее можно встретить в художественной литературе, в разговорной речи.

Проф. Г. Д. Санжеев о предельном падеже пишет: «Употребляется этот падеж весьма редко и в тех случаях, когда хотят определить толщину снежного покрова, уровень воды, наполнение чем-либо какого-нибудь сосуда, складского помещения (зерном, например) и т. д.».⁴⁸

⁴⁷ Дондуков У.-Ж. III. считает, что бур. саа является исторически послелогом соо, обозначающим нахождение предмета где-либо или направленность его куда-либо: в, по. См.: У.-Ж. III. Дондуков. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ, 1964, с. 119.

⁴⁸ Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, с. 175.

«Предельный падеж, — отмечает Б. Х. Тодаева, — образуется не от всех склоняемых имён, а от таких, которые по своему содержанию допускают такое образование».⁴⁹

А. Ш. Кичиков считает, что «предельный падеж указывает на предел распространения предмета по вертикали вверх, причем нижней границей обычно считается поверхность земли».⁵⁰

С мнением автора высказанных слов можно согласиться с определенной оговоркой. Действительно, когда мы говорили өвдгцэ цасн «снег по колено», күзүцэ усн «вода по шею» и др., то в данном случае очевидность измерения снизу вверх неоспорима. Однако выражения (сочетания) шаһаца бұшмүд «платье по щиколотку», кишцэ кишлг «рубашка по пупок» и т. д. опровергают точку зрения А. Ш. Кичикова: измерение производится не снизу вверх, а наоборот. Аналогичные примеры он считает оттенками основного значения предельного падежа, указывающего «на длину одного предмета относительно другого».

Нам кажется, в предельном падеже измерение осуществляется по вертикали вообще. Например, монг. хөлгүй далай глубокий океан (ср. калм. көл уга усн).

В современном калмыцком языке можно встретить слова дееврцэ «на уровне крыши», шкoлца «на уровне школы» и др., но эти примеры единичны.

Таким образом, слова, находящиеся в предельном падеже, выполняют в предложении синтаксическую функцию определения. В семантическом плане слова типа шаһаца, белкүсцэ и др. лишь в переводе с калмыцкого сближаются с наречиями русского языка. Однако, некоторые имена в предельном падеже, чаще с притяжанием, могут сочетаться с глаголом-сказуемым, прилагательным и в этих случаях сталкиваемся с окказиональным переходом их в наречия.

Өмшнь юми үзгдл уга,
Арднь Жаңһрин шар-цоохр бээшн
Ээмцөһөн үзгдл. (Дж., стр. 163).

Впереди ничего не видно.
Позади Джангара желто-пестрый дворец
Показался на уровне плеч.

⁴⁹ Тодаева Б. Х. Канд. диссертация, с. 28.

⁵⁰ Кичиков А. Ш. Дербетский говор. Элиста, 1963, с. 41.

Петя тедн тал хэлэхлэнь, нэгнй уульсн күзүцэһэн книги болын уснд бээнэ, наадкнь — гүүхэри герэн тэмцж йовна. (М. Д., Санл, стр. 52). Когда Петя посмотрел в их сторону, одна (девочка) находилась в холодной воде по шею, другая — почти бегом направлялась домой.

О роли двойных падежных форм в образовании наречий

Подарляющее большинство исследователей отмечает наличие так называемого двойного склонения в монгольских языках.⁵¹ Своеобразие данного явления заключается в том, что к основе одного и того же имени присоединяются аффиксы двух падежей. Обычно основой двойного склонения оказываются формы родительного, совместного и реже дательного падежей. Основы перечисленных падежей простого склонения, присоединяя аффиксы, расширяют свое грамматическое и лексическое значение. Вероятно, в прошлом двойные падежные формы составляли строгую падежную систему и считались достаточно развитой и продуктивной формой, особенно они были характерны для разговорного языка, но со временем некоторые формы выпали и остались наиболее жизнеспособные, являющиеся в настоящее время одним из способов не только формоизменения, но также и словообразования. Однако круг имен, участвующих в образовании двойных падежных форм, по мнению многих монголоведов, довольно ограниченный. Отмечая своеобразие интересующего нас вопроса, Б. Х. Тодаева и другие исследователи к именам, изменяющимся по двойному склонению, относят: 1) собственные имена; 2) имена, указывающие на родственные отношения; 3) имена, указывающие на профессию.⁵²

Оставляя в стороне те формы, которые не участвуют в образовании наречий, рассмотрим модель: имя существительное + аффикс р. п. -ил+аффикс оруд. п.

⁵¹ Двойное склонение в достаточной степени освещено в грамматиках монгольских языков, поэтому подробно останавливаться на этом вопросе не будем, а обратим внимание на те формы, которые участвуют в образовании наречий.

⁵² Тодаева Б. Х. Грамматика современного монгольского языка. М., 1951, с. 74. Бадмасв Б. Б. Грамматика калмыцкого языка, с. 41. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, с. 177.

-ар//эр, которая образует наречную форму. Имена Манджи, ах, эмч и др., т. е. слова, обозначающие в основном живые существа, образуют наречия путем слияния аффиксов родительного и орудного падежей со значением уподобления, которые по своему значению совпадают с аналитической формой типа имя существительное (из указанной группы) плюс служебное слово (кевэр «по образу» или «наподобие»). Так, например, наречия ахинэр (кех) ах-ин-эр «поступать, как брат», артистинэр (дуулх) — артист-ин-эр «петь как артист» и другие, образованные двойным склонением, синонимичны аналитическим формам ахин кевэр (кех), артист мет (дуулх).

Особо следует обратить внимание на тот факт, что помимо перечисленных двойных падежных форм (им. сущ. + ин + эр), в современном калмыцком языке параллельно существуют формы ахинэһэр / ах-ин-э-һ-эр, артистинэһэр / артист-ин-э-һ-эр, Манжинэһэр / Манж-ин-э-һ-эр и др., в которых между аффиксами двойного родительного (ин-э) и орудного (-ар) падежей появляется соединительный -һ. Видимо, форма с -һ- более онареченна, чем формы ахинэр, артистинэр. В современном калмыцком языке формы ахинэр и ахинэһэр не ограничены друг от друга, те и другие в настоящее время являются наречиями. Между тем, эти слова различны по своей семантике.⁵³ Слова ахинэһэр, Манжинэһэр и др. всегда бывают наречиями, а ахинэр, Манжинэр в зависимости от контекста и выражаемой мысли не всегда могут быть ими.

Проф. Д. А. Павлов считает, что падежные аффиксы -инэр//инэһэр ... в известной мере могут уже рассматриваться как суффиксы, образующие наречия».⁵⁴

Упомянутые выше слова относим условно к первой группе.

Примеры:

Зер-зевэр болш уга болад,
Хараданаһар шүүрдэд (Дж., стр. 35).

⁵³ Бадмасев Б. Б. рассматривает их как диалектные варианты, являющиеся «основами двойного склонения, но почти без изменения в значениях».

⁵⁴ Павлов Д. А. О системе склонения имен существительных в калмыцком языке. — В сб.: Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка. М., 1976, с. 36.

Не выяснив (победителя) оружием,
Схватились, словно ласточки.

Үр маршал, танд эрул-дорул дурджанав, — болж занчта күн цергинэһэр чөсть өгв. (Т. г., № 4, 1972, стр. 87). Товарищ маршал, желаю вам здоровья, — по-военному отдал честь человек в бурке.

Ко второй группе относятся слова, которые в результате слияния аффиксов совместного и орудного падежей образуют наречия образа действия.⁵⁵ Комплекс-та-һ-ар является средством словообразования и может наращиваться только к именам существительным, выражающим отвлеченные понятия. Наречие образуется при наличии аффикса орудного падежа, например: янзта-һар / янз-та-һ-ар «оригинально», зөвшэтэһэр / зөвш-этэ-һ-эр «одобрительно», зовлицтаһар / зовлиц-та-һ-ар «мучительно», байртаһар / байр-та-һ-ар «радостно», күчтэһэр / күч-тэ-һ-эр «сильно, мощно», адһмтаһар / адһм-та-һ-ар «торопливо» и др. На русский язык эти наречия переводятся иногда с предлогом с плюс имя существительное в творительном падеже.

Интересно отметить, что в бурятском языке между аффиксами совместного и орудного падежей часто появляется суффикс -шаг// -шэг (такого явления в калмыцком не наблюдается), который Д. А. Алексеевым именуется суффиксом сравнительной степени прилагательных⁵⁶ и переводится на русский язык с -овато, -евато. Например: бур. хабатайшагаар «усиленно» (сильновато), нүгэлтэйшэгээр «хитровато» и др.

В калмыцком языке наречия, образованные сочетанием -та-һ-ар в отличие от слов первой группы, не присоединяют лично-притяжательные и возвратные частицы, но они могут усиливаться как прилагательные и наречия словами берк, дегд, улм и др. с общим значением «очень», «весьма». Этот способ продуктивный.

Примеры:

Эннэ кен болхув, — гиж мама Ютта өвдкртэһэр келэд, зургиг нанас бултулж оркв. (Б. А., З. э. к., стр. 53) Кто же это, — болезненно произнесла мама Ютта и

⁵⁵ Бертагаев Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969, с. 36.

⁵⁶ Алексеев Д. А. Наречие в бурят-монгольском языке, с. 98.

спрягала от меня фотографию. Невчк турд гижэти, хөн хурһлжах бээдлтэ, би түргн ирнэв, — гиж тер келэд, **адһмтаһар** йовж одв. (З. ү. стр. 23). Повремените немало, кажется, овца ягнится, я скоро вернусь, — сказав, он торопливо вышел. Цэкрэ, Бадм, тер хойрас талдан бичг-тамһ **арһтаһар** меддг күн тенд уга. (Д. Б., х. II, стр. 28). Кроме Цякры и Бадмы других, сносно знающих грамоту людей там нет. Зэрмсьн хувцан бийлэһэн **таастаһар** өмсж чадхш. (Б. А., Э. в., стр. 8). Некоторые даже не могут со вкусом одеться. **Кучтэһар** цоксн мяч штанг деегүр давж һарв. (Х. ү., 27. 5. 1972). Сильно пробитый мяч пролетел выше перекладины. Мана совхозин күч-көлсчнр хаврин эн өдрмүдт ик гидг **чинртэһар** көдлжэпэ. (Х. ү., 27. 3. 1971). Трудящиеся нашего совхоза в эти весенние дни работают очень напряженно.

Наречия образа действия, образованные путем слияния аффиксов совместного и орудного падежей, достаточно многочисленны и этот способ является одним из продуктивных в современном калмыцком языке.

Таким образом, к наречиям, образованным путем наращивания двух падежных аффиксов, относятся две группы слов, резко отличающиеся друг от друга по своей семантике: первую группу составляют слова, обозначающие в основном живые существа; вторую — слова, обозначающие отвлеченные понятия. Наречия той и другой группы всегда выступают в функции обстоятельства образа действия и обстоятельства со значением уподобления.

В заключение хотелось обратить внимание на местоименные наречия, этимологически восходящие к указательным и личным местоимениям, которые, по сути дела, снабжены аффиксами двух падежных форм. Так; например, слова, уже ставшие наречиями, эндэс/эн-дэс «отсюда», тендэс/тен-д-эс «оттуда», миннһэр/минн-һ-эр «по-моему», чиннһэр/чини-һ-эр «по-твоему», по-видимому, теперь нельзя рассматривать как двойные падежные формы, так как основы выделенных слов в настоящее время не имеют самостоятельного употребления и значения. Если бы мы эти слова приняли за формы двойного склонения, то аналогичных фактов набралось бы в языке в достаточном количестве и тогда понятие «двойное склонение» было бы весьма условное

и расплывчатое. Так, калмыцкое өрүи «утро» (ср. монг. үр), принимая аффикс дательного-местного падежа -д с притяжением, становится наречием времени: өрүиднь «утром». Слово это состоит из следующих компонентов: өр — основа, үн — исчезнувший аффикс древнего родительного падежа, -д аффикс дательного-местного падежа, -нь- частица притяжения. В таких сочетаниях, как өр цээх, өрэн гегэн орх, лексема өр имеет самостоятельное значение.

Например:

Мана хан өр цээтл
Күүид авгдхи уга, — гнһэд
Бээшцгин ирг тал һарад кевтв. (Дж., стр. 147).

Наш хан до утра
Непреодолим никем, — сказыв,
Улегся у стены дома.

Образование наречий от местоимений

Наречие представляет собой не только изолированные падежные формы имен существительных, прилагательных с пространственными значениями, но также падежные формы местоимений.

Прежде чем перейти к вопросу об образовании наречий от данной грамматической категории, кратко рассмотрим, что представляют собой указательные местоимения, т. к. в основном, за счет последних полагается наречие.

Как известно, в современном калмыцком языке существует два указательных местоимения: эн «этот» и тер «тот». Двухсистемное противопоставление этих основных указательных местоимений разграничивает степень отдаленности от местонахождения говорящего: эн «этот» — указывает на предмет близкий, находящийся рядом и видимый; тер «тот» — указывает на отдаленный, находящийся на значительном расстоянии от говорящего и чаще невидимый предмет.⁵⁷

В монгольских языках от этих двух указательных местоимений образуются наречия места. Они как бы «застыли» и воспринимаются нами в настоящее время

⁵⁷ Котвич В. Л. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, с. 140. Майтинская К. Е. Местоимения в языках разн. систем. М., 1969, с. 78.

как неразложимая частица и функционируют как обстоятельство места. Так, в дательном падеже энд/эн-д «здесь», тенд/тен-д «там» указывают на местонахождение предмета, основы их не имеют самостоятельного значения.

Примеры:

Зуг асхиднь энд ирж уитна. (А. Б., А. ш. д., стр. 262). Только по вечерам приходит сюда спать. Үгүй, үгүй. Энд хоол идэхгүй. монг. Нет, нет. Здесь нельзя обедать.

В своем дальнейшем изменении⁵⁸ к форме дательного падежа наращиваются аффиксы исходного и направительного падежей. И, таким образом, образуются новые наречия, с иной лексической нагрузкой.

Примеры:

Эндэс одхч, тендэс ирхи угач. (Х. т., 1961). Отсюда уйдошь, но оттуда не вернешься. Хишигт яавч эндээс ирэх учиргүй. монг. Хишигт никак не должен был приехать оттуда. Тенд, дорнь одад тиим хөөчирт дөцгэн күргэхмн. (К. А., Н. т., стр. 54). Там, на месте надо оказать помощь таким овцеводам. Не, Увша, чи тер гер тал одад хэлэжэ, би эндэхүр эргнэв. (Э. К., Н. х., стр. 28). Ну, Убуши, ты иди к тому дому и наблюдай, а я здесь обойду. Би тендэхүрн хэрнэв. (Э. К., Н. х., II, стр. 103). Я по тому месту вернусь (домой).

Рассмотренные наречия энд, тенд, эндэс, тендэс, эндэхүр, тендэхүр этимологически восходят к былым указательным местоимениям э-, те- и порвали связь с последними.⁵⁹ Они не могут быть ни определением к имени, ни дополнением в предложении. Становясь наречием, они функционально изменились, приобрели более отвлеченное значение.

Кроме двух основных указательных местоимений эн «тот» и тер «тот» в калмыцком языке имеются две поздние формы үүн «этот» и түүн «тот», которые, начиная с родительного падежа, «служат аффиксами первой основы и вторыми основами этих указательных ме-

⁵⁸ Присоединение аффиксов дательного-местного, исходного, направительного падежей рассматриваем не как словоизменение, а как один из способов образования наречий.

⁵⁹ Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953, с. 152—158.

стоимений». ⁶⁰ В местоимениях **үүн**, **түүн** -үн является древним аффиксом родительного падежа, который сохранился еще в слове өрүн / өр-үн «утро». В форме дательного падежа үүнд / үүн-д «этому», «ему», «здесь», түүнд / түүн-д «тому», «там» эти указательные местоимения часто становятся наречиями места.

Примеры:

Эдн үүнд удан кевтдг болхий? — гиж хэрү эргж чаң дууһар шоферасн эн сурв. (Д. Б., Эзн, стр. 93).
Долго ли они здесь лежат? — громко спросил он у своего шофера, обернувшись назад.

Түүнд тави зун күүкд
Шулме бээхми,
Чирэһинь чиклж бичэ хэлэ. (Дж., стр. 188).

Там должны быть
Пятьсот молодух-ведьм,
Не смотри им прямо в лицо.

Та үүндэн кесг жил көдлжэх күн эсийт? (Д. Б., Эзн, стр. 96). Вы ведь здесь несколько лет работаете?

Указательные местоимения энүнд / эн-үн-д «этому», «ему»; «здесь», терүнд / тер-үн-д «тому», «там» в форме дательного падежа часто бывают в предложении наречиями места, которые показывают место действия.

Примеры:

Одал энүнд үкнэ гидг эн. (Т. М., Ц. н.). Теперь-то здесь и погибну. Энүнд, чини орн деер наа-дий, — гиж келв. (Шүүвр, стр. 10). Здесь, на твоей кровати поиграем, — сказала.

Аналогичная картина наблюдается в исходном падеже, когда местоимения **үүн**, **түүн**, **энүн**, **терүн**, принимаемая аффикс -ас// -эс, указывают на исходную точку действия.

Примеры:

Үүнэс һарад хар-цоохр тугин
Шү татад хавтхлад,
Пайн һольн экид шуура хазгси
Нээмн жова адунастн
Нээмн түмн хар һалзи агтиг авч һархла...
(Дж., стр. 75).

⁶⁰ Бадмаев Б. Б. Грамматика калмыцкого языка Элиста, 1966, с. 73.

ным, не придает им новое значение, а участвует в образовании уменьшительно-ласкательных форм. Например, арһулхн «тихонько», эрэхн «чуть-чуть», эртхн «ранехонько». и т. д. Однако местоимения эдү, тедү «столько» при помощи суффикса -хн (-кн) часто переходят в наречие места, т. е. -хн (-кн) становятся не только словоизменительным средством, придающим словам отдельные оттенки, но являются одним из способов словообразования. Это наглядно видно из следующего примера: наречие времени ода, «сейчас», «теперь», когда присоединяет суффикс -хн(-кн), образует новое понятие: одахн «недавно».

Примеры:

Тенд — эдүкн күриси өндр толһа дээр шовун, ханширэдэи суусниш, делгр теегэн харвад, живрэн сэвэн сууна. (Н. М., X. к. т., стр. 3). Там, в отдалении, на высокой горе, словно хан, восседая на тропе, сидит птица, встряхивая свои крылья и смотря на раскиснувшую степь. Харла күүкн эи цагла тедүкн, хойр мөрэн сөөһэд, холвад уйчкад, ташмгарн өвснэ толһа шэввад зогжана. (Н. М., X. к. т., стр. 4). В это время девушка Харла, привязав поводья у лука седла, стала плетью хлестать головки трав.

В калмыцком языке часто после суффикса -хн (-кн) наращивается аффикс дательного падежа -д/-т, и тогда слово (независимо от того прилагательное ли оно или местоимение) становится наречием места и реже времени. Например, уухнд «в отдалении», тедүкнд «поодаль», өөрхнд «вблизи» и др.

Примеры:

Өөрхнд олад өгч чадх болхла, өгйөһөр мөнг өгнэв. (Н. М., X. к. т., стр. 43). Если сумеете в скором времени вернуть, то могу дать деньги взаймы. Мана өми, түдүхнд өнчрэд үлдсн хурһн мет, нег хар юми бээһэд бээнэ. (Б. Б., Ө. ц. ү., стр. 36). Перед нами, в отдалении, словно сиротливо оставленный ягненок, виднеется нечто черное. Уухнд зогсжасн нег панур, нег Цаһан Бадмаевнүр Лена хэлэцэн соляд бээнэ. (Шүүвр, стр. 14). Лена то посмотрит на меня, стоящего поодаль, то на Цаган Бадмаевну.

К корневым морфемам э-, те- восходят наречия места иигэн (иигэрэн) «сюда», тиигэн (ттигэрэн) «туда» (ср. монг. ийш, тийш). Сюда же относятся отглаголь-

ные формы нигж, иигэд «так», тиигж, тиигэд «этак» (соединительное и разделительное деепричастия), которые часто бывают наречиями образа действия, иногда они выполняют в предложении служебные функции, т. е. союзов и союзных слов.⁶¹

Помимо всего этого слова иигэд, тиигэд нередко могут быть наречиями причины.

Образование наречий от возвратного местоимения

От возвратного местоимения эврэн «сам» образуется наречие при помощи аффикса орудного падежа. Например, эврэхэрн «по-своему» является единственной формой, выступающей в качестве обстоятельства способа действия. Частица притяжания -нь постоянно присутствует.

Примеры:

Күүкд хооридан хэлэлдчкэд, мусг инэлдэд, директорин эн үгиг бас **эврэхэрн** медж байрлцхав. (Д. Б., Эзн, стр. 131). Девушки, посмотрев друг на друга, усмехнувшись, слова директора поняли по-своему и обрадовались. Болв Ольдан келсн үгиг энүнэ дү Манж **эврэхэрн** медсн бээдлтэ. (Д. Б., Ч. х., стр. 74). Однако слова, сказанные Ольдой, его младший брат Манджи, вероятно, понял по-своему.

Образование наречий от личных местоимений

Личные местоимения би «я» 1-го лица единственного числа и чи «ты» 2-го лица единственного числа в родительном падеже имеют основы -чин-⁶². Наречиями становятся только в том случае, если к форме родительного падежа присоединяется аффикс орудного падежа. Например, чиниһэр — чини-һ-эр «по-твоему», мииниһэр — миини-һ-эр «по-моему».

Аналогичным образом происходит образование наре-

⁶¹ Грамматика бурятского языка. Под ред. Г. Д. Санжеева, Т. А. Бертагасва, Ц. Б. Цыдендамбаева. М., 1962, с. 328—329. См.: Бертагасв Т. А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. М., 1964, с. 210, 218. Пюрбеев Г. Ц. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис сложного предложения. Элиста, 1979, с. 30.

⁶² Грамматика бурятского языка. Под ред. Г. Д. Санжеева, Т. А. Бертагасва, Ц. Б. Цыдендамбаева. М., 1962, с. 139.

чий от личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа. Например, манаһар — мана-һ-ар «по-нашему», танаһар — тана-һ-ар «по-вашему». По сути дела, перечисленные слова представляют собой формы двойного склонения. Они употребляются без частицы возвратного и личного притяжания.

Примеры:

Миниһэр эс болхла эврэн мед. (Т. г., № 1, 1970, стр. 154). Если по-моему не сделаешь, дело твое. Чиниһэр болхла мини өөр тана колхозин хөөнд чон орхла, би мана биш гиһэд хэләһэд суухмби? (И. Л., Б. з., стр. 92). По-моему, если в моем присутствии на колхозные овцы нападет волк, что же я должен сидеть и смотреть на это, говоря, что это «не мое»? Танаһар болхла, Бамб Федор Иванович хойр чик юм кеж йовна гиж санжанд? (Д. Б., Ч. х., II, стр. 37). По-вашему Бамба и Федор Иванович все правильно делают? Не, Бүүрч, одак домбрчи манаһар болж йовшиг. (К. А., Н. т., стр. 49). Ну, Бюрчи, не будет по-нашему, этот негодник нас не слушается.

Образование наречий от неопределенных и вопросительных местоимений

Неопределенное местоимение в калмыцком языке представлено словом зэрм «некоторый», обозначающим часть целого. Оно переходит в наречие времени тогда, когда присоединяет аффикс дательного падежа -д и возвратную частицу -эн. Например, зэрмдэн «иногда».

Примеры:

Ода нам зэрмдэн Бамбин чирэг чиклж хэлэхэси эмәнэв. (Д. Б., Ч. х., II, стр. 189). Теперь я иногда смущаюсь смотреть прямо в лицо Бамбы.

Вопросительное местоимение али? аль? какой? который? становится наречием места в форме дательного падежа с притяжением. Однако иногда местоимение али без каких-либо внешних изменений может быть наречием.

Примеры:

Чи аль орхар седжәнэч? — болж Баазр сурна (Н. М., Х. к. т., стр. 34). Ты куда задумал идти? — спрашивает Базыр. Альднь һар тәвхмб энүндчнь? — болад,

писер Ванькин өми кевтен үзг шүүрэд авб. (Д. Б., Ч. х., II, стр. 52). Где же расписываться здесь? — сказав, взял ручку, лежавшую перед писарем Иваном.

Образование наречий от числительных

Среди лексико-грамматических категорий имя числительное занимает особое место не только своеобразием грамматических признаков, но и тем, что в синтаксическом плане оно может быть в предложении любым его членом. По своей морфологической структуре разряды имен числительных оформляются различными суффиксами.

Наречия образуются не от всех разрядов числительных.

1. Образование наречий от количественных числительных в сочетании с **дэжж** (**дажж**). Числительное негн «один» при сочетании с омертвевшей деепричастной формой **дажж** (**дажж**) теряет конечный согласный **-н**, остальные числительные также не сохраняют. Например, нег **дэжж** (**дажж**) «однажды», тав **дажж** (пять раз) и др. Эти наречия показывают, сколько раз или в который раз совершается действие.

Примеры:

Нег **дэжж** хальмг дуудин хурацну тер авч ирэд, кергтэһэн бичж ав гинэд, Бугант үлдэв. (И. Л., Б. з., стр. 40). Однажды он принес сборник калмыцких песен и оставил Буган, чтобы (она) выписала нужные (песни). Талын һазр жилд нег көкрхлэ, хальмг тег **хойр дажж** көкрнэ: хаврт болн намрт. (Н. М. Боова, стр. 5). Если иные земли зеленеют только раз в году, калмыцкая степь зеленеет дважды: весной и осенью.

Калмыковед Б. Б. Бадмаев сочетания нег **дажж**, тав **дажж**, кесг **дажж**, ол **дажж** и др. рассматривает как «опареченные сочетания».⁶³

2. Наречия, образованные сочетанием числительного нег (**и**) и имени существительного (отвлеченного) в орудном падеже.

Указанный способ наиболее продуктивный в калмыцком языке. Образуются в основном наречия образа

⁶³ Бадмаев Б. Б. Грамматика калмыцкого языка. Элиста, 1966, с. 103.

и способа действия и отвечают на вопрос *яһж?* как?: *нег кийһэр «залпом», нег һазр «одновременно, вместе», нег дууһар «единогласно», нег зергэр «одновременно»* и др.

Примеры:

Тиим, тиим,—гиж **нег дууһар** теднь хэрү өгв. (Д. Б., Эзн, стр. 123). Верно, верно, — ответили они одновременно. Ард керг дала, — болж эдн **нег зергэр** келцхэв. (Д. Б., Ч. х., II, стр. 20). Много еще оставшихся дел,—сказали они одновременно. Хулд-хулд зальгад, цалд-цалд цальгрулад, **нег кийһэр** ууһад оркв. (Б. Б., Ө. и. ү., стр. 25). Выпил залпом, звучно глотая и расплескивая (по телу). Кезэдчи нульмсан үзүлдго күн, **нег угаһар** һундси уга боллта. (М. Д., Санл, стр. 45). Человек, у которого никогда не видели слез, вероятно, не мог беспричинно обидеться.

Таким образом, *нег* (н) очень активная форма, участвующая в усеченном виде не только в образовании наречия, но и неопределенного местоимения. Она также выражает неопределенность места и времени.

3. Образование наречий от разделительных числительных при помощи аффикса творительного падежа **-ар/-эр**. Наречие в этой форме имеет более дистрибутивное значение и отвечает на вопрос *кедүдэр?* по сколько? Кроме того, наречия образуются путем повторения числительных с оформлением второго компонента аффиксом творительного падежа.

Примеры:

Удлго дуудулси улс **нежэдэр-хошадар** сельсоветүр ирцхэв. (К. А., Н. т., стр. 41). Вскоре вызванные люди по-одному, по-двое пришли в сельсовет. Хөөдөн хайчкад цугтан **нег һазр** одхм биш, **нежэдэр** одх болввидн. (Т. М., Ц. һ., стр. 20). Так как невозможно всем одновременно уйти и оставить овец без присмотра, поэтому решили уходить по-одному. Хотна захд күрн, энүнд һовсен улс **хошад-нежэдэр** суһрж салат, тус-тустан гермүдүр тарад һарцхав. (Д. Б., Ч. х., стр. 34). Добравшись до окраины хотона, шедшие здесь люди, отделившись по-одному, по-двое, направились каждый в отдельности по домам.

Д. А. Алексеев справедливо считает, что «распределительные числительные в различных контекстах могут обозначать приблизительность («около», «прибли-

зительно»). Едва ли их можно называть наречиями, так как они не выражают признака или качества действия». ⁶⁴

4. Образование наречий от количественных числительных при помощи суффикса **-ули//ули**. Наречия, образованные от этих числительных отвечают на вопрос кедүли? скольким? и уточняют количество лиц, совершающих действие, и приобретают значение «совместности». ⁶⁵

Примеры:

Миниһэр болхла, ода хоюрн одад күүндхмн. (М. Д., Санл, стр. 11). По-моему, сейчас вдвоем пойдем и поговорим. **Һурвули** ирtn гиж Николай Семенович келв. (З. ү., стр. 3). Николай Семенович сказал, чтобы втроем пришли.

5. Образование наречий от количественных числительных посредством суффикса **-двар//двэр**. Например, негдвар «во-первых», хойрдвар «во-вторых», һурвдвар «в-третьих» и т. д. указывают на порядок протекания действия.

Примеры:

Негдвар, би мел эркжән уга маши авхм гижэхшив, үлгүрнй келүв, **хойрдвар**, би һанцарн машинһэр йовад бәэхм бцш, чи бас йовховч, дэкэд чи нам бийчинь маши йовулдг дасад авчкхч. (И. Л., Б. з., стр. 91). Во-первых, я ведь не говорю, что надо непременно купить машину, к примеру это сказала, во-вторых, я ведь не одна буду ездить на ней, ты тоже будешь, еще ты сам научишься водить машину.

6. Наречия, образованные сочетанием количественного числительного и слов **дамар** и **холван**.

Редко, но все же встречается в калмыцком языке способ образования наречий сочетанием количественного числительного и слов **дамар** и **холван**.

Например, хойр холван «вдвое», һурви дамар «втрое» и др.

Примеры:

Ялинь хойр холванар өгхмт, алжт, — гихэс даву юм тер медж өгхш. (Д. Б., М. о., стр. 36). Кроме как «за-

⁶⁴ Алексеев Д. А. Наречие в бурят-монгольском языке. Улан-Удэ, 1941, с. 101.

⁶⁵ Сусеева Д. А. Указ. соч., с. 140.

резали», «будете платить в двойном размере», — ничего признавать не желает.

Тана эцкти танд орхнь
Хойр холван үлү армч билэ. (Дж., стр. 98).
Ваш отец по сравнению с вами
Вдвое проворнее был.

Образование наречий от прилагательных

Принято считать, что в монгольских языках наречия формально не отличаются от существительных и прилагательных, и эта тесная связь между упомянутыми частями речи обуславливает такие взаимопереходные явления, как субстантивация, адъективация и адвербиализация. Внешнее совпадение слов этих грамматических категорий послужило основанием различного рода толкования данных частей речи. Начиная с А. Бобровникова (1849), вплоть до 50-х годов 20 столетия среди монголоведов не было единого взгляда на имена существительные, прилагательные и наречия. Лишь в 1953 году усилиями бурятских ученых, когда проблема частей речи в монгольских языках стала наиболее актуальной и требовалось ее скорейшее решение, было наконец-то достигнуто относительно единое мнение.⁶⁶

Простое соположение имен существительных (или изафет), например, төмр хаалһ (дословно означающее железо—дорога) «железная дорога», модн гер (дерево—дом) «деревянный дом» и многие другие свидетельствуют о том, что в глубокой древности таким способом проявлялось понятие о качестве.⁶⁷ Для выявления природы этих слов и отнесения их к какому-либо определенному классу слов следует исходить из таких соображений.

Во-первых, в диахроническом плане слова, обозначающие разные грамматические понятия, как имя существительное и прилагательное (төмр, модн, чолун) должны рассматриваться как существительные, «принимая во внимание первичность предмета субстанции и

⁶⁶ См.: Материалы научной конференции..., с. 12.

⁶⁷ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. т. III, Харьков, 1899, с. 43.

вторичность признака».⁶⁸ Во-вторых, в синхроническом плане эти же слова следует рассматривать как грамматическую омонимию, например, чолун «камень», «каменный», моди «дерево», «деревянный» и др.

Одним из спорных вопросов монголоведения является отграничение наречий от слов других частей речи, в частности от качественных прилагательных. Наречия образа действия «комплекуются» за счет качественных прилагательных. Внешнее совпадение ряда качественных прилагательных и наречий вполне закономерное явление, обусловленное развитием языка, прежде всего общностью семантической подосновы обоих подразрядов — выражением качества. Существование грамматической омонимии не отрицается ни в монголоведении, ни в тюркологии, и признается в последнем, как явление временное, которое «отражает лишь определенный исторический этап в становлении (формировании) новых частей речи. Непризнание омонимии приводит к крайним точкам зрения, что не поможет разрешению проблемы частей речи».⁶⁹ В монголоведении раньше существовало довольно противоречивое отношение к словам данных классов. А. Л. Каляев пишет: «Имеется группа слов, стоящих на различной ступени перехода прилагательного в наречие. Отсюда одно и то же слово можно употреблять в двух функциях — функции прилагательного как части речи и определения как члена предложения и функции наречия — обстоятельства».

Имена прилагательные в современном калмыцком языке способны выступать в предложении в функции «обстоятельства».⁷⁰ Это наглядно видно на уже ставшем традиционным примере: Сэн көвүн сэн сурна. «Хороший мальчик хорошо учится». Исходя из слов, процитированных выше, слово сэн «хороший» в обоих случаях является именем прилагательным, но в разных синтаксических функциях. Таким образом, слова сэн «хороший», му «плохой», пл «открытый», чацц «крепкий», хурдн «быстрый» и др. относятся по своим семантическим и морфологическим признакам к прилагатель-

⁶⁸ Мусаев К. М. Грамматика карайского языка. М., 1964, с. 169.

⁶⁹ Указ. соч., с. 170.

⁷⁰ Каляев А. Л. Имя прилагательное (современный калмыцкий язык). Элиста, 1979, с. 92.

ным, но по синтаксическим признакам (в зависимости от характера сочетаемости) они могут стать наречием — обстоятельством образа действия, т. е. эта группа слов перед глаголом несет иное функциональное задание. Однако определенная часть монголоведов (среди которых Д. А. Алексеев) считает, что эти слова разной грамматической категории.

Однако картина резко меняется, если качественное прилагательное перед глаголом принимает аффикс орудного падежа. Лексически оно становится самостоятельным, синтаксически сочетается с глаголами, наречиями и прилагательными. Морфологически является новообразованием. Оно уже не может быть определенным при имени и не мыслится в этой функции. Семантически показывает не качество, а состояние.

В предлагаемом разделе отграничения наречий от качественных прилагательных предлагается проводить на морфологическом уровне — на основе соотносительности ненулевой (оформленной) формы и нулевой (неоформленной). В трудах 40—50 гг., а также последующих лет, исследователи монгольских языков отмечали, что винительному, дательному и другим падежам соответствует беспадужное имя. Например, калм. мөр бөрх, мөриг бөрх «ловить коня», бур. Москва очхо, Москваад очхо «ехать в Москву». Параллельно употребляются обе формы. Наличие или отсутствие показателей винительного и дательного падежей в приведенных примерах не играет существенной роли и, очевидно, употребление их вызвано стилистической необходимостью.

Понятие нулевой грамматической формы в языках индоевропейской системы было разработано известными учеными Ф. Ф. Фортунатовым, Ф. де Соссюром и др.

Впервые в монголоведении это новое понятие было введено в научный оборот Т. А. Бертагаевым и подробно освещено в его трудах. Эти суффиксально-маркированные образования, которые соответствуют немаркированным, составляют своеобразную систему дифференциальных признаков в стилистическом аспекте и оттенков значений.⁷¹ Напр. калм. герэр дүүрц и гер дүүрц.

⁷¹ Бертагаев Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969, с. 47—48. Он же. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. М., 1964, с. 231—233.

«Падеж основы» или «общий падеж» (нулевая форма) всегда семантически и функционально противопоставлен аффиксально-оформленному падежу (ненулевой форме). Именно поэтому принцип оппозиции, т. е. соотносительность нулевой и ненулевой формы, рассматривается нами как один из дополнительных критериев отграничения наречия образа действия от качественных прилагательных. Нам кажется, что в этом частном случае данное явление охватывает всю систему качественных наречий. Например, в сочетаниях сэн кэдлх и сээнэр кэдлх «хорошо работать», му умшх и мууһар умшх «плохо читать» и в других подобных параллелях мы находим соотносительность нулевой и ненулевой формы, которые взаимозаменяемы и синонимичны при любых условиях и в любом широком контексте.

Возможность употребления качественного прилагательного в форме орудного падежа и без падежного оформления отмечают многие монголоеды, и, как в живой речи, так и в литературе — старой и современной.⁷² Приведем несколько примеров. Манд гиси — кенд болжахмб? — гиж Үрвжр төвшүнэр сурв. (Д. Б., Ч. х). Кому же это «нам?» — спокойно спросил Урубджур Би дарандь келж өгсв, — гиж Цаһан келчкэд, өөдэн ора хэлэнэд, гүүнэр саналдчкэд, — пойхи орад хонв. (Б. Б., Ө: ц. ү.). Я по порядку расскажу, — сказала Цаһан, посмотрев вверх на потолок и глубоко вздохнув, продолжила, — во сне мне дочь моя приснилась. Сээнэр хаһлад, удобреняр теткэд, сээнэр асрхла — урһх зөвтө. (Д. Б., Эзн). Если хорошо вспахать, добавить удобрения и хорошо присматривать — должно вырасти. Уга, уга, тингж илэр келхми биш. (Б. А. Э. в.) Нет, нет, нельзя так открыто говорить. Чамаг тиним амрар тэвх гиж санжахшв. (Б. А., Э. в.). Я не думаю, чтобы (он) тебя так легко освободил.

Из приведенных примеров видно, что мы ограничились текстами с ненулевой формой и ее можно безболезненно заменить нулевой формой. Например, ил келх, илэр келх, төвшүн сурх, төвшүнэр сурх, сэн келх, сээнэр келх и др.

Следует отметить, что в современном калмыцком и

⁷² Санжеев Г. Д. Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л., 1941, с. 34.

реже в других монгольских языках. формант орудного падежа -ар//эр стал деривационным суффиксом наречия образа действия и приобрел, таким образом, определенную самостоятельность. В предложении нулевая форма наречия в большинстве случаев бывает расположена непосредственно перед глаголом и отглагольными формами, но не исключена возможность, когда это наречие, будучи в ненулевой форме, может находиться на определенной дистанции от глагола. Вероятно, подобное явление связано с тем, что данное слово, приобретая морфологическое средство выражения, становится более свободным в своих позиционных возможностях, и поэтому оно может находиться в любой части предложения перед глаголом.

При оформлении наречия словообразующим суффиксом -ар//эр оно может находиться в постпозиции.

Критерий соотносительности нулевых и ненулевых форм может также быть применен и в таких случаях, когда аналитическая форма типа сэн кевэр, сэн болдгар, сэн метэр, шулун кевэр, шулун болдгар, коммунистическ кевэр, ударн кевэр и другие, часто встречающиеся в калмыцком языке и совпадающие по своему основному значению с ненулевой формой сээнэр «хорошо», шулунар «быстро», коммунистическэр «по-коммунистически», ударнар «по-ударному» являются также ненулевой формой наречия, с той лишь разницей, что в данных сочетаниях оформлены служебные элементы кев, мет и вспомогательный глагол болх. В большинстве случаев любое качественное наречие в нулевой форме, если оно выражает качество действия, может иметь при себе один из трех вышеупомянутых компонентов, оформленных аффиксом орудного падежа -ар//эр. Например, Балта, шулун болдгар эн хорад ор. (Б. А., У. э. б.). Балта, быстро войди в эту комнату. Сочетание шулун болдгар синонимично с ненулевой формой шулунар «быстро». Значения полностью совпадают. (Ср. сээнэр — сэн болдгар, чаннар-чанн кевэр и т. д.).

Использование перечисленных форм со вспомогательным компонентом в основном зависит от передачи отдельных нюансов речи.

Принцип соотносительности может быть применен и при удвоении. В современном калмыцком языке в достаточном количестве имеются различного рода удвое-

ния. Так, удвоение основ качественных наречий используется для усиления их значений: баһ-баһар «попемпогу», ик-икәр «помногу», бички-бичкиәр «помалу» и т. д. При удвоении обычно второй компонент принимает суффикс -ар//-әр, но он также может быть перед глаголом без указанного суффикса, т. е. в нулевой форме. Например: Дааһнашь өөр күрэд ирхлә, дааһшь бөөрдәд киңсч оден, шулун-шулуһар киһиән авад, шуукрад кевтнә. (Б. Б., Ө. ц. ү.). Когда приблизился к своему жеребенку, то он, лежа на боку, часто-часто дышал (букв. быстро-быстро вбирал воздух). Күн чаһ-чаһар үүд цокпа. (Б. А., Э. в.). Человек сильно стучит в дверь. (Ср. шулун-шулун шуукрх и шулун-шулуһар шуукрх, чаһ-чаһ и чаһ-чаһар цокх и др.).

Таким образом, суммируя изложенное, можно констатировать следующее: качественные наречия, образованные от имен прилагательных, имеют одно общее внешнее оформление -ар//-әр, которое, находясь непосредственно за основой, закрепилось за этим разрядом слов, и стало средством словообразования в современном калмыцком языке. Если раньше вопрос отграничения решался на синтаксическом уровне и аффикс -ар//-әр только в единичных случаях участвовал в образовании наречий образа действия, то в настоящее время он стал наречным суффиксом. Встречающиеся еще в предложении качественные наречия в форме своей основы, стоящие перед глаголом, рассматриваем не как качественное прилагательное в обстоятельственной функции, а как качественное наречие, морфологически правомерное, как нулевую форму, соотносительную с ненулевой — с показателем -ар//-әр.

Для отграничения наречий образа действия от качественных прилагательных целесообразно принять морфологический принцип соотносительности нулевых и ненулевых форм, и вопрос дифференциации слов этих двух грамматических категорий, по нашему мнению, получает иную интерпретацию. Наличие грамматической омонимии — явление временного характера, неизбежное при адвербиализации. Существование нулевой и ненулевой деривационной формы наречий — это последующий этап переходного периода, когда, с одной стороны, четко прослеживается морфологическое оформление слова, а с другой — наречие в нулевой

форме несет ту же функциональную нагрузку и имеет то же значение, но становится менее употребительным в языке. Думается, что это явление также временного порядка, т. к. ненулевая форма наречий станет постепенно все более и более употребительной и закрепится за наречиями образа действия, а нулевая форма, естественно, отпадет, сыграв свою роль в образовании наречий.

Образование наречий от прилагательных при помощи аффикса дательного-местного падежа

Помимо аффикса орудного падежа -ар//эр, который активно участвует в образовании наречий, последние образуются также от качественных прилагательных при помощи аффикса дательного-местного падежа -д (-т), часто с возвратным и личным притяжением. Например, илднь «открыто», hoodан «прямо», бүкдльнь «целиком», шуудтнь «напрямик», эгиднь «прямо», мөцкинд «вечно» и др. Этот способ образования малопродуктивный.

Примеры:

Машинд зууран альд чиги торч зогелго, hoodан совхозин центр хэлэж хурдлв. (Д. Б., Эзн, стр. 164). Машины в пути нигде не останавливаясь прямо поехали в центр совхоза. Ода эн конференци трибуни деерэс hoodнь, илднь, чикднь келж, хурцар шаллж бөөхинь эн. (Д. Б., Эзн, стр. 64). Вот теперь с трибуны этой конференции прямо, открыто, правильно и остро критикует ... нань чиги улсин нерд советск межэн цэргүдин подразделеньсин спискд мөцкинд орулдв. (X. ү., 1972, 27 мая). И имена других людей навечно включены в списки подразделений советских пограничных войск.

Образование наречий от глаголов

Небольшая группа наречий образуется от глаголов. По мнению Д. А. Алексеева, не от всех глаголов образуются наречия, а участвуют ... «только те, которые, обозначая действие, могут выступать в качестве признака другого действия». По участию глаголов в образовании наречий он делит их на «два крупных семантических подразделения».

Особо следует обратить внимание на наречия, обра-

зованные путем «усечения» основы глаголов (по терминологии Д. А. Алексеева), т. к. среди монголоведов по отношению к словам типа **невт, шүвт, мулт, алс, кү, тоңна, тас, балт, бут, хамх, суһа** и др. нет единой точки зрения. Эта группа слов интересна как по своей морфологической структуре, так и по значению. Они, действительно, внешне похожи на основы глаголов, но это обстоятельство еще не дает основание приравнять их к повелительной форме второго лица и именовать усеченной основой глагола.⁷³

Они — подлинные основы глаголов — не только внешне совпадающие, даже более того, первичные основы, вернее, корни. Поэтому их лучше именовать корневыми элементами. Ср. основа (повел. накл.) глагола мулт-л-х / мулт-л, а наречие мулт, -л- глагольный суффикс.

Примечательно, что А. Бобровников одним из первых отметил особенность этих слов и относил их к корневым частицам, которые придают глаголу значение «усиленного до последней возможности, или совершенно законченного действия».⁷⁴ Не обошел молчанием эти слова В. Л. Котвич, выделив их в особую группу, которая обозначает «быстрое изменение нормального состояния предмета».⁷⁵ Б. Х. Тодаева рассматривает их как наречия в составе сложных глаголов, от которых «могут быть образованы новые, самостоятельные глаголы».⁷⁶ В грамматиках бурятского языка они рассматриваются как наречия. Несколько иного мнения придерживается М. Н. Орловская, отмечая, что эта группа слов стоит как бы на грани категорий морфологических и синтаксических. «Поэтому, — продолжает М. Н. Орловская, — мы не можем относить их к наречиям, а предпочли бы выделить в особую группу и рассматривать с глаголами».⁷⁷ Сочетание **невт, мулт, тас** и др. с

⁷³ Алексеев Д. А. Указ. соч., с. 92.

⁷⁴ Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, с. 183.

⁷⁵ Котвич В. Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка, с. 211.

⁷⁶ Тодаева Б. Х. Грамматика современного монгольского языка. М., 1951, с. 151–156.

⁷⁷ Орловская М. Н. О непронизводных наречиях в монгольском языке. — В сб.: Монголоведение и тюркология. М., 1964, с. 24.

глаголами, по мнению калмыковеда Б. Б. Бадмаева, образует идиомы.⁷⁸

Рассматриваемые слова Т. А. Бертагаев именуется префиксоидами и мотивирует это следующим образом: «В монгольских языках, — писал он, — аффиксы расположены в слове за основой и являются, главным образом, суффиксами. Но наблюдаются и образования, напоминающие префиксы. Они являются формализованными словами, первоначальными корнями слов, утратившими в значительной степени связь с производными словами, или повторениями начального слога слова. Они употребляются обычно с ограниченным кругом слов и полностью не формализованы, как аффиксы. Поэтому такие префиксоподобные образования будем называть для краткости префиксоидами».⁷⁹

По своей морфологической структуре и происхождению префиксоиды подразделены Т. А. Бертагаевым на три группы:

- 1) сформированные или омертвевшие слова, типа **уга кех** и др.;
- 2) корни, оторванные от слов, или корневые элементы типа **тас цокх** и др.;
- 3) слоговые элементы слова.⁸⁰

Префиксоиды второй группы, относящиеся к интересующему нас разряду слов, в плане морфологическом всегда препозитивны, постоянно и тесно связаны с довольно широким кругом глаголов. Вероятно, последняя особенность имеет прямое отношение к валентности префиксоидов. В синтаксическом плане эти коренные элементы выполняют функцию обстоятельства образа действия и отвечают на вопрос **яж?** как? каким образом?

Бурятский ученый Ц.-Ж. Цыдыпов относит их к разряду лексикализованных, словообразовательных.⁸¹

Таким образом, в современном монголоведении в отношении слов **невт, мулт, тас, алс, бут,** и т. д. нет еди-

⁷⁸ Бадмаев Б. Б. Грамматика калмыцкого языка. Элиста, 1966, с. 99.

⁷⁹ Бертагаев Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969, с. 24.

⁸⁰ Он же. Указ. соч., с. 24.

⁸¹ Цыдыпов Ц.-Ж. Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ, 1972, с. 257.

ного мнения среди ученых. Одни относят корневые элементы глаголов к наречиям, другие же рассматривают их вместе со сложными глагольными формами.

По нашему мнению, они сближаются с наречиями по своим признакам, определяющим данную грамматическую категорию: морфологическим, семантическим и синтаксическим. По своим значениям корневые элементы глаголов усиливают действие с определенными результатами, подчеркивают завершенность действия и в какой-то степени совпадают по семантике с наречиями **берк**, **йир**, **дегд** и др. со значением «очень, весьма». В синтаксическом плане они выполняют функцию обстоятельства образа действия. Поэтому их относим к наречиям.

Примеры:

Алти жолаһан деегшөн авад,
Алдр богдиннь сәкүснд зальври
Әв балтан авад эргж ирэд,
Одн Цаһаниг цокад,
Хацһа нәәмн сееринь мөлт цокад,
Күдр хар хавсинь кү цокад. (Дж., стр. 77).

Взяв золоченные поводья,
Помолившись богу-хранителю великому Богдо,
Схватил луноподобную секиру и
Ударил Одон Цагана так,
Что выбил совершенно его восемь огромных
шейных позвонков
И совсем разбил его крепкие ребра.

Барун һараснь шүүрч авад,
Деегүри цокад,
Үй яснь хамх цокв. (Дж., стр. 94).

Схватив за правую руку
И кинув его через себя,
Вдребезги разбил его кости и суставы.

Байран гер шатва ... ху мулт күртлән. (Т. г., № 2, 1970, стр. 109). Дом Байры сгорел до основания. Манжука баатр утхан һарһж авад, гесинь шу цокад утлв. (X. т., стр. 56). Богатырь Манжука, взяв нож, резко разрезал живот. Эн шивә кү тусв. (Д. Б., М. о. стр. 110). Эта крепость совсем развалилась.

Образование наречий от деепричастий

Категория наречия пополняется также за счет деепричастных форм. Д. А. Алексеев отмечал, что «только

некоторые слитные и разделительные деепричастия, уже потерявшие облик глагола и получившие другое значение, могут быть причислены к наречиям».⁸² Переход ряда слитных деепричастий в разряд наречий объясняется, вероятно, их уточняющей и поясняющей функцией. По некоторым признакам деепричастия сближаются с наречиями. Деепричастия определяют глагол и соединяются с последним способом примыкания.

Ряд деепричастных форм проявляет наречные качества (например, разделительные, соединительные). В силу определенных условий наречные качества проявляются весьма выпукло, и в таких случаях оттенок глагольного значения не ощущается.

*Наречия, образованные от предельных,
соединительных и разделительных деепричастий*

Целый ряд деепричастных форм функционирует в роли наречия.⁸³ Однако это происходит при следующих обстоятельствах: если деепричастия утрачивают глагольные (видо-временные) признаки, а предельное деепричастие присоединяет возвратную частицу -ан//-эн. Например, үктлэн, цадтлан, үрвэд, живэд, ширтж (хэлэх) и др.

Примеры:

Минь ода Лавга Матвеевичи кабинетэс нарч ирв, — болж экрн бээж Ольга Андреевна келв, — дуудулж авад. келсн үг сонсл уга, үктлэн хээкрв. (Н. М., Боова, стр. 113). Только что вышла из кабинета Лавги Матвеевича, — всхлипывая, сказала Ольга Андреевна, — вызвав к себе и не выслушав меня до конца, накричал. Нүдэн тэвлго ширтж хэлэв. (Д. Б., Ч. х., II, стр. 97). Пристально посмотрел, не спуская глаз.

СЛОЖНЫЕ НАРЕЧИЯ

Кроме непронизводных (корневых) и производных наречий в калмыцком языке имеется ряд наречий, которые именуется сложными.

⁸² Алексеев Д. А. Указ. соч., с. 91.

⁸³ Сусеева Д. А. Указ. соч., с. 186. Бадмаев Б. Б. Указ. соч., с. 99.

В данном разделе нами рассматриваются наречные образования, не сходные по своей семантике и способу образования. Дело в том, что в группу «сложных наречий» объединены наречия, образованные путем словосложения, удвоения одного и того же слова, а также парные наречия, фразеологические единицы, являющиеся наречиями по значению, фразеологизованные наречные сочетания. Перечисленные типы сложных наречий изобилуют в калмыцком языке и составляют неотъемлемую часть словарного состава языка, имеют свои характерные особенности и отличаются от иных образований не только по своей лексико-грамматической структуре, но и семантике.

Образование наречий путем словосложения

Вопрос о сложных словах калмыцкого языка специально никем не рассматривался, однако в имеющихся калмыковедческих работах о них часто упоминается.

Слова, образованные путем слияния двух или нескольких компонентов, — явление довольно часто встречающееся в монгольских языках. Сложение различных по-своему составу частей речи нередко вызывает разнообразные фонетические изменения (чередование, выпадение звуков и т. д.), происходящие на стыке сливающихся слов. Очевидно, в прошлом данный способ словопроизводства был продуктивным, т. к. во многих частях речи имеются слова, образованные словосложением. По мнению Т. А. Бертагаева, сложные слова образуются пятью способами.⁸⁴ Однако в его последующей работе различного рода сращения рассматриваются в разделе «Фузия», различаются по структурному составу следующие виды фузий: 1) аффикс — аффикс; 2) аффикс — частица или служебные слова; 3) служебное слово — служебное слово; 4) знаменательное слово — служебное слово или частица; основа — аффикс; 5) знаменательное слово — знаменательное слово.⁸⁵

Сращение «знаменательное слово—служебное слово или частица» характеризуется тем, что к основе имени или глагола наращивается служебное слово или части-

⁸⁴ Бертагаев Т. А. О морфологическом строе бурятского языка. М., 1961, с. 21.

⁸⁵ Он же. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969, с. 54

ца отрицания уга «нет», при этом срачиваемые слова претерпевают незначительные изменения. Например, гемго — гем уга «ничего, неплохо» (букв. вина не), эвго—эв уга «неудобно, неловко» (букв. ловкость не), тудлго — тудл уга «незамедлительно» (букв. задерживать не), удаго — удл уга «вскоре» (букв. медлить не), ср. монг. удахгүй «скоро», удснго — удсн уга «незамедлительно» (букв. замедлять не), ср. монг. удсангүй «вскоре», эрвжго — эрвж уга «немного», (букв. экономить не), кезэдчн — кезэ (д) чиги «постоянно» (букв. когда хотя) и др.

Интересно отметить, что частица уга «нет» при сращении с предшествующим словом, независимо от сингармонической принадлежности этого слова, употребляется в одной и той же форме -го (уга) и срачивается вследствие выпадения первого слога и может присоединяться к словам как переднего, так и заднего вокалического ряда. «Слово үгүй, — писал Т. А. Бертагаев, — употребляясь в качестве частицы отрицания, находится за словом и нередко переходит в суффикс: усгүй «безводный», тусгүй «беспомощный».⁸⁶ Однако частица уга (монг. үгүй) не «абстрагировалась до уровня суффикса», т. к. не утратила в языке свое лексическое значение и «поэтому эти элементы могут быть названы полуаффиксами».⁸⁷

Примеры:

Көвүмн удлго хөр орхмн. (З. т., стр. 6). Скоро моему сыну исполнится двадцать (лет). Эн нер сөссн Цаган эрвжго зуур үүмсн бээдл нарчкад, дотран: «Ирхий аль угай», — гнж санв. (З. т., стр. 219). Услышав это имя, Цаган немного смутилась и подумала про себя: «придет или нет». Деерк хучлһнь эрвго орнась увж, терүгинь аюлад хучкув. (З. т., стр. 124). Покрывало немного сползло с кровати, я его поправил.

К наречиям, образованным путем слияния знаменательного и служебного слова, относятся сращения энтл/эн+тал «на этой стороне» (букв. этот к), тентл/тен+тал «на той стороне» (букв. тот к), делтр/тер+тал «на той стороне» (букв. тот к). В образовании этих

⁸⁶ Бертагаев Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969, с. 24.

⁸⁷ Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ. 1972, с. 384—385.

словосложений участвуют указательные местоимения эн, тер и послелог тал «к». Интересно, что наречие телтр «на той стороне» образовалось в результате метатезы.

Д. А. Павлов в своем орфографическом словаре дает слитное написание слова энжл / эн + жил «в этом году», «нынче» (букв. этот год), однако этой нормы придерживаются не все.⁸⁸ Очевидно, существование в языке двойного написания сложных слов типа невчкн (нег бички) «немного», энжл (эн жил) «нынче», энтл (эн тал) «на этой стороне», гемго (гем уга) «неплохо», удлго (удл уга) «скоро» и др. можно объяснить существованием «этимологического и морфологического принципа в орфографии». Однако существенную роль в образовании новых единиц при сращении играет ударение. Перечисленные примеры свидетельствуют о том, что вторые компоненты словосложения утратили собственное ударение.

Примеры:

Энжл биди тиигж чадш угавидн. (Н. М., М. Н., стр. 20). Нынче мы так не сумеем. Эн жил урһц ямаран болв. (Э. К., Н. х., II, стр. 12). Какова в этом году урожайность. Тентл хаанахи хойрдгч марһа, йилһж болш уга нар толһата моһа илгәнә. (Э. К., Н. х., стр. 19). Живущие на той стороне для второй разгадки послали двух неотличимых друг от друга желтоголовых змей. Энтл хан саак кевтәп цуг алвтиннь цецн ухата улс цуглулһа. (Э. К., Н. х., стр. 19). Хан, живущий на этой стороне, по-прежнему собрал всех мудрецов своего государства.

Более многочисленную группу составляют наречия, образованные при сращении знаменательного слова плюс вспомогательный глагол бәэх «есть», «быть». Многие деепричастные формы калмыцкого языка, сливаясь в одно целое со вспомогательным глаголом бәэх, указывают на временное значение.

Например, тиигжәһәд / тиигж + бәәһәд «потом» (букв. так бывая), тиигжәтл / тиигж + бәәтл «в это время» (букв., так пока бывая), нигжәһәд / нигж + бәәһәд «позже» (букв. эдак бывая) и др. Все эти сложные об-

⁸⁸ Павлов Д. А. Современный калмыцкий язык. Элиста, 1971. С. 150.

разования представляют сочетание деепричастных форм, которые отдельно употребляются и имеют самостоятельное лексическое значение. Однако при сращении они образуют новое понятие и относятся к другому классу слов. Эти сращения характеризуются следующими фонетическими особенностями: во-первых, у второго компонента выпадает начальный слог; во-вторых, вспомогательный глагол бээх «быть», «есть», сливаясь с предшествующей деепричастной формой, подчиняется закону гармонии гласных. Подобное явление получило широкое распространение в калмыцком языке.⁸⁹

Примеры:

Тиигжэтл кевтсн хөөдин цаад бийднь гентки хойр күн шовлзад йовж йовснь үзгдв. (Э. К., II, х., II, стр. 26). В это время за лежавшими овцами вдруг показались украдкой идущие два человека. **Харжахар** чамла шүднэннь завг харххар тогльжанав. (З. ү., стр. 12). От нечего делать провожу с тобой время.

Менее многочисленны, но интересны в структурном отношении наречия, образованные путем словосложения знаменательных слов. Так, для всех монгольских языков наречия времени «сегодня», «завтра» и ряд других образованы сращением двух компонентов. Например, эндр/эп+өдр «сегодня» (ср. монг. өнөөдөр/өнө+өдөр) манһдур/манһар+өдр «завтра» (ср. монг. маргаа-өдөр/маргар+өдөр или маргаш/маргаа+ш), нөкэдүр/нөкэ+өдр «послезавтра» (ср. монг. нөгөөдөр/нөгөө+өдөр), өцклдүр/өцк+өдр «вчера» (ср. монг. өнөгдөр/өсхөдөр+өдөр), уржөдр/урж+өдр «послезавтра» (ср. бур. уржадэр/урда+үдэр). Во многих перечисленных наречиях времени довольно прозрачно сохранился общий компонент өдр «день», хотя в некоторых из них довольно сложно раскрыть этимологию сложного слова. При этом в сращиваемых словах наблюдается выпадение звуков, в результате которого происходят такие сложные фонетические явления, как сращение, чередование и др., которые зачастую осложняют этимологию сложного слова.⁹⁰

Нужно отметить, что многие из этих слов могут при-

⁸⁹ Бертагаев Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969, с. 67—68.

⁹⁰ Бертагаев Т. А. Лексика современных монгольских литературных языков. М., 1974, с. 240.

нимать аффикс дательного-местного падежа -д (-т) иногда с лично-притяжательной частицей.

Примеры:

Эцнйь — нисси шовун мет кун, эндр энд, маңдур альдараи эрлхйь темдг уга. (Д. Б., Ч. х., II, стр. 152). Да он же человек, словно перелетная птица, сегодня — здесь, а завтра — неизвестно, куда (он) исчезнет. **Өцклдур би холд цармуд услж йовлав.** (И. Л., Б. з., стр. 77). Вчера я отводил волов на водопой к реке. **Нөкэдүртнь Угаи бичсн статья эрси газетд һарх.** (Э. К., I, х., II, стр. 55). Послезавтра статья, написанная Утой, появится в стенной газете.

Интересно отметить, что в современном монгольском и бурятском языках имеется небольшая группа сложных наречий места, образованная при сращении двух знаменательных слов. Так, монг. зүүнш / зүүн + тийш «налево», баруунш / баруун + тийш «направо», бур. эншаа / энэ + тушаа «здесь, рядом», в которых выпал первый слог второго компонента. Аналогичное явление в калмыцком языке не отмечается.

Более сложную картину с этимологической точки зрения представляют сращенные слова **ноднин / ноди + он** «прошлый», **уржнан (г) / урьд + он** «позапрошлый год» и др., где вторым компонентом является он «год». В калмыцком языке, в отличие от монгольского и бурятского, перечисленные слова становятся наречиями при наличии адвербиального временного суффикса -аһа//эһэ.

Примеры:

Ииднэһэ хаврин тэрэнэ көдлмшин цагла тана колхозни нег тракторист мапа колхозд ирэд, хойр хонгтан согту бээв. (И. Л., Б. з., стр. 92). В прошлом году, во время весенне-полевых работ, какой-то тракторист нашего колхоза, прибыв в наш колхоз, два дня был пьяным. **Зунаһа Кермниг зервк үзхлэри, Сарц нег бички зуур күүндхэс биш, хөөнш теднэ тал оч чадсн уга билэ.** (М. Д., Сайл., стр. 20). Когда Саранг летом встретил Кермен, лишь немного времени поговорил с ней, после не смог к ним попасть.

В современном калмыцком языке имеются сложные

⁹¹ Бертагаев Т. А. О морфологическом строе бурятского языка. М., 1961, с. 73—74. См. также: Бертагаев Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969, с. 73—74.

слова, как невчк / нег(н) + бичкн «немного» (букв. один маленький), санамр(ар) / сана + амр(ар) «спокойно», «равнодушно» (букв. мысль легкий). (Последний пример взят из словаря Г. И. Рамстедта). Они составлены из знаменательных частей речи: числительного и прилагательного, существительного и прилагательного. В сочетающихся словах выпал конечный согласный н, в результате произошло стяжение, последнее вызвало смещение ударения со второго на первое слово.

Примеры:

Көвүн келж бээнэ: Аавир, невчк түрд гитн, амрцахтн, би иилэн үүкн одад ирнэв, — гиж келэд йовад одв. (X. т., IV, 68). Юноша говорит: Вы, старцы, немного отдохните, я вот сюда схожу, — с этими словами исчез. Арднь үлдсн улс санамрар кийһэн авад, сулдсн, төвкнсн болад одв. (Д. Б., Ч. х., стр. 32). Оставшиеся (после него) люди, спокойно вздохнув, почувствовали себя освобожденными и успокоенными.

Таким образом, сращение довольно распространенное явление в монгольских языках, и слово образуется из двух и более основ, которые имеют самостоятельное значение. Однако, срачиваясь в единое целое, они до неузнаваемости меняют свой внешний облик и передают иное лексическое понятие, т. е. сращение следует рассматривать как один из способов словообразования.

Словосложение возникло на базе словосочетания, последнее является его отправным пунктом. Следует заметить, что сращение — это прежде всего продукт разговорной речи, а затем оно постепенно просачивается в литературный язык и становится его нормой.

Важное значение имеет при этом явлении изменение семантики срачиваемых компонентов, звукового состава, утрата ударения или его перемещение. В некоторых случаях при словосложении сингармонизм не играет существенной роли. Наречия, образованные сращением, четко противопоставляются словосочетаниям и аналитическим формам. Сращение — это цельнооформленная новая лексическая единица, частично утратившая разложимость или восстанавливаемая до исходной формы после тщательного этимологического анализа.

Фразеологизованные наречные сочетания

В предлагаемом разделе рассматривается один из неразработанных вопросов современного калмыцкого языка: фразеологизованные наречные сочетания, которые в достаточном количестве имеются не только в калмыцком, но и в монгольском и бурятском языках. К сожалению, вопрос о фразеологизованных наречных сочетаниях не был предметом специального исследования. Между тем, рассматриваемые сочетания занимают важное место в лексико-грамматической структуре монгольских языков.

Следует четко разграничивать устойчивые сочетания (фразеологизм) от фразеологизованных наречных сочетаний, характеризующихся не только своеобразной лексико-грамматической структурой, но и способом образования. Если для большинства фразеологизмов характерна образность, переносность значений, постоянный состав компонентов и они выступают как единое неразложимое целое, то фразеологизованные наречные сочетания не имеют твердо установившейся структуры, многовариантны по своему составу, обладают способностью к синонимическим заменам, и один из компонентов сочетания постоянно присутствует. Так, например, сочетания **агчмин зуур**, **үчүкн зуур**, **бичкн зуур**, **невчкн зуур**, **цаг зуур**, **дав зуур**, **тер зуур**, **эрвжго зуур** обозначают временное понятие с общим значением «ненадолго», «временно». Эти наречные сочетания синонимичны, но каждый из них вносит определенный оттенок в выраженные продолжительности действия.

Таким образом, фразеологизованные наречные сочетания — это двухкомпонентные сочетания, выполняющие в предложении функции обстоятельства образа действия и времени.

Многие наречные сочетания группируются вокруг одного стержневого слова — наречия или омертвевших деепричастных и именных форм; последние не имеют самостоятельного употребления. Так, значительная часть фразеологизованных наречных сочетаний сосредоточена вокруг наречия времени и места: **авгтан** «сперва», **хооран** «назад», **хоорнд** «между», **нааран** «сюда», **зуур** «в пути», а также омертвевших деепричастных форм прошедшего времени **дуусн** от глагола **дуусх** «за-

вершить», имени существительного **саамла** от **саам** «отрезок времени», застывшего в форме соединительного падежа.

Грамматически разнородные слова, составляющие фразеологизованные наречные сочетания, не допускают вклинивания, присоединения слов, а также различных притяжательных частиц, так как малейшее нарушение структуры сочетаний повлияют на его смысловое содержание.

Интересно отметить, что часть рассматриваемых сочетаний с отрицанием **уга** реализуется в определенном контексте и нередко в зависимости от интонации, места в предложении имеет иное функциональное значение. Часто один из компонентов полностью или частично утрачивает свое лексическое значение. В структурном отношении фразеологизованные наречные сочетания состоят из двух компонентов. Они сочетаются, как и наречия, с глаголами и отглагольными формами.

1) с **уга**:

- а) **ге м уга** «ничего, хорошо» (букв. вины нет);
- б) **эн-тер уга** «хорошо; в порядке» (букв. без этого того);
- в) **на-ца уга** «без обиняков, напрямик (-ую)» (букв. на этой, на той стороне нет).

Сэн, сэн. **Гем уга** бичдг күн болад бээжт. (Э. К., II, х., I, стр. 104). Хорошо, хорошо. Оказывается, вы уже неплохо пишете. Если сочетание **гем уга** находится в начале или в середине предложения и интонационно выделяется, то оно выражает обычно различные модальные отношения. Например: **Гем уга**, «малыш шарх элдэм». (Э. К., II, х., II, стр. 148). Ничего, «рана, напесонная илетью, заживает». Көвүн күүкн хойрчн эн-тер уга бээнэ. (К. А., II, т., стр. 37). Сын и дочь твои живут неплохо. Угин заагт, Бадм, Делгр янж көдлжэнэ, күүкдн эн-тер уга бээнү? (К. А., II, т., стр. 13). Между прочим, Бадма, как работает Делгер, хорошо лиживают дети?

Сюда же относятся слова типа темдг угаһар «незаметно», э угаһар «бесшумно», адһм угаһар «неторопливо», э-чимән угаһар «безмолвно», эв угаһар «неловко, неуклюже» и др., представляющие собою сочетание отвлеченного имени и отрицания **уга** в орудном падеже. Они интересны тем, что наречность (закрепляется) осу-

шествляется только оформлением отрицания уга аффиксом -ар// -эр. Необходимо отметить, что рассматриваемые сочетания часто сращиваются. Например, темдгоһар / темдг угаһар, эгоһар / э угаһар, адһмгоһар / адһм угаһар, эвгоһар / эв угаһар и др.

Тернь цаасиг адһм угаһар, удан онһж умшв. (Д. Б., Ч. х., II, стр. 10). А он неторопливо, долго и внимательно стал читать бумагу. Яман чиги э угаһар ормаси бо-сад, ардаснь дахв. (Д. Б., Ч. х., стр. 32). И Яман бесшумно встал с места и пошел вслед за ним. Асхи ора күртл, төрүц керг угаһар селэ эргэд йовж-йовж хэрж ирв. (М. Д., Санл, стр. 46). До позднего вечера совершенно без дела бродил по селу и вернулся домой.

Рассматриваемый способ наиболее продуктивный. Образуются наречия образа и способа действия и отвечают на вопросы яһж? как? ямаран кевэр? каким образом?

2) с дуусн:

а) өдрин дуусн «весь день» (букв. дня завершая);

б) сөөни дуусн «всю ночь» (букв. ночи завершая).

Второй компонент сочетания представляет собой омертвевшую деспричастную форму прошедшего времени, которая не имеет самостоятельного употребления, а имя, сочетающееся с **дуусн**, находится в форме родительного падежа. Слово **дуусн** лишь в сочетании с отвлеченными временными понятиями суммарно выражает продолжительность во времени.

Өцкүлдүр Ядмин эцкинд өдрин дуусн түүдг түүдгүж өгэд сурж авлав. (Э. К., II, х., стр. 7). Вчера весь день у отца Ядмы делала кудели и выпросила. Би өдрин дуусн көл деерэн. (Т. г., № 4, 1970, стр. 79). Я весь день на ногах. Эрднь Бадм хойр селгэдэр баз дотр сөөни дуусн хөөдлэ ноолда бөөв. (К. А., II, т., стр. 49). Эрдни и Бадма всю ночь по очереди провозились с овцами на базу. Жилин дуусн эдннг дахад даарад, көрэд, өлсэд үкэд йовхми биш гиж зуухин амнд тэмж тач суусн Цернэ хөөч Мөңкэ келв. (Э. К., II, х., стр. 40). Неужели весь год замерзая, живя впроголодь, идти за ними, — сказал чабан Церена Менкя, сидя у очага и раскуривая трубку.

3) с дэкж:

а) нег дэкж «однажды» (букв. один);

б) кесг дэкж «многokратно» (букв. много).

Неопределенные числительные одн «много», цөн «несколько», кесг «много» и др., сочетаясь с дэжж (дэ-ки), выражают многократность действия. Некоторые исследователи считают их адвербиальными сочетаниями.⁹²

Примеры:

Нег дэжж шалһар өвс хадхар эцкм намаг дахулад кеерэгшэн һарв. (Д. Б., М. о., стр. 32). Однажды мой отец взял меня с собой, чтобы накосить трав в степи. **Урднь үвлэц эргхлэрн Бата эн һазрар кесг дэжж йовж бэсс.** (М. Д., Санл, стр. 38). Раньше, когда Бата посещал зимние стойбища, в этих местах он бывал несколько раз.

4) с **нааран**:

- а) **терүнэс нааран** «с тех пор» (букв. с того сюда);
- б) **кесгэс нааран** «с давних пор» (букв. с много сюда).

Эти примеры представляют собой сочетания, в которых первый компонент ставится в форме исходного падежа, и суммарно обозначают начало действия. Обычно употребляются указательные местоимения и неопределенные числительные. Эти сочетания показывают определенный отрезок времени, после которого начинается основное действие.

Примеры:

Терүнэс нааран зурһан-долан сар болв. (Э. К., II, х., II, стр. 110). С тех пор прошло шесть-семь месяцев. **Гем уга, кесгэс нааран ирэд угат, тертн үпн.** (К. А., II, т., стр. 20). Ничего, вы у нас давно не были, это правда. **Цаһан залуһан ним бээдлтэг ики кесг цагас нааран үзэд уга.** (З. т., стр. 280). Цаган давно не видела своего мужа в таком состоянии.

5) с **хоорнд (хооран)**:

- а) **энүнэс хооран** «впредь» (букв. с этого назад);
- б) **агчм хоорнд** «вмиг» (букв. миг между).

Чамд энүнэс хооран дару-дарунь ингж бичг иржэтхэ. (Э. К., II, х., II, стр. 54). Пусть тебе и впредь часто-часто приходят письма. **Эн сурвриг түрүн экнэс ави күлэжэсн улс, агчмин хоорнд тагчг болад, цэргэс ирсн көвүн тал хэлэнэд орж одцхав.** (Т. г., № 3, 1970.

⁹² Бадмаев Б. Б. Грамматика калмыцкого языка. Элиста, 1966, с. 98.

стр. 115). Люди, ожидавшие этого вопроса с самого начала, на мгновение успокоились и усталились на демобилизованного (парня).

6) с биш (бишэр):

а) юм биш «ничего не стоит, легко» (букв. нечто не);

б) цаг биш «не вовремя, некстати» (букв. время не).

Жигтэ юмн, цаг биш цагла яһад хуцж бээх нохасв? (К. А., Н. т., стр. 21). Страшно, почему собаки некстати залаяли? Налхад болхла тер зокал кергтэ юмн биш. (Т. г., № 3, 1970, стр. 108). Для Налхи то правило — суший пустяк. Юмнд бичэ од, эрк биш энүнд күлэжэ, — гиж заквш. (Э. К., Н. х., II, стр. 62). Никуда не уходи, жди непременно здесь, — так ведь приказала. Ута му биш келдг күн бээж. (Э. К., Н. х., II, стр. 96). Оказывается, Ута неплохо говорит. Нурһнь урдк кевтэн бички болвчн, дөрви пуд ордг мишгиг юмн бишэр үүрэд йовж одна. (Т. г., № 4, 1972, стр. 116). Хотя ростом он оставался по-прежнему небольшим, но легко расправлялся с четырехпудовыми мешками.

7) с кевтэн (кевэрн):

а) саак кевтэн «по-прежнему» (букв. прежний форме);

б) урдк кевтэн «по-прежнему» (букв. ранний форме).

Энтл хан саак кевтэн цуг медрлтэ цецн улсан цуглулад сурна. (Э. К., Н. х., I, стр. 15). Хан этой стороны по-прежнему собрал мудрецов своей страны. Күүкн ду һархш, урдк кевтэн цааран хэлэхэд зогсад бээнэ. (Т. г., № 3, 1970, стр. 122). Девушка молчит, по-прежнему стоит отвернувшись. Мөридэн одак кевэр келж бээнэ. (Х. т., 1968, стр. 98). Своему коню по-прежнему говорит. Болв, көл-һарнь урдк кевэрн ода чиги чаңи: жирс-жирс гисн болад бээнэ. (Т. г., № 1, 1970, стр. 130). Однако руки, ноги его по-прежнему до сих пор сильны: так и мелькают.

8) с зуур:

а) невчки зуур «немного» (букв. немного в пути);

б) агчмин зуур «мгновенно» (букв. миг в пути).

Дэкэд нег бички зуур бээжэ, одак күүкд ирх, би тандиг күргчкнэв, — гиж Бата сурв. (Э. К., Н. х., стр. 127). Побудь еще немного, придут те девушки, я вас провожу, — сказал Бата. Экиннь көшсн бээдл, ца-

наж одсн үсинь үзэд, би агчмин зуур Зандан тускар мартж оркув. (Т. г., № 3, 1970, стр. 105). Увидев утомленный вид матери, ее поседевшие волосы, я на мгновение забыл о Занде. Эн нер соцсн Цаган эрвжго зуур үүмсн бөөдл харчкад, дотран: «Ирхий аль угай?» — гиж санв. (З. т., стр. 219). Услышав это имя, Цаган немного смутилась и подумала про себя: «Придет или нет?». Очр Бадм хойр өөрдж ирэд мөндлэд, баахн зуур күүкдлэ хамдан зогсв. (З. т., стр. 220). Очир и Бадма приблизившись поздоровались и немного постояли вместе с девушками. Аль Манж цаг зуур гертэн бөөлхэр дахулж ирсмб? (З. т., стр. 281). Или Манджи привел, чтобы (он) временно пожил в его доме?

Фразеологизованные наречные сочетания с компонентом **зуур** выполняют в предложении функцию обстоятельства времени, а сочетающееся слово может находиться как в форме своей основы, так и форме родительного падежа.

9) с **авгтан** (эшиндэн):

а) түрүн авгтан «сперва» (букв. первый сначала);

б) эки авгтан «сначала» (букв. начало сначала).

Түрүн авгтан тер намаг муудулад ирв. (Бадмин А., У. э. б., стр. 18). Сначала он стал меня одолевать. **Эки авгтан** күн ду харчахш. (Д. Б., Ч. х., I, стр. 196). Сначала люди молчали. **Түрүн эшиндэн** дегд ээмшгтэ болж медгдв. (Т. г., № 3, 1970, стр. 100). Сперва мне стало очень страшно. **Эшн-эшни авгтан** элсн дотр бээсн бички селэн. (З. т., стр. 15). В самом начале это было небольшое село среди песков.

10) с **саамла**:

а) эн саамла «в это время» (букв. этот период);

б) нег саамла «в одно время» (букв. один период).

Гентки эн саамла нег күн мини нер дуудв. (Т. г., № 4, 1970, стр. 65). Вдруг в это время какой-то человек назвал мое имя. **Дэкэд нег саамла**, эвинь хархулад. Уланд үзүлл уга Савхра Шура өргэрн докъя өгз: тер йовна. (Т. г., № 4, 1970, стр. 80). Как-то однажды, при удобном случае, незаметно Улану Савграева Шура подала сигнал: вон идет. **Минь эн саамла** би көнжл дер хойран авад орнаси шувтрж буунад назр дээр кевтэд авчкв. (Э. К., II, х., II, стр. 185). Как раз в это время, взяв одеяло и подушку, сполз с кровати и улегся на земле.

11) с туршар (т):

- а) насни туршарт «всю жизнь» (букв. возраста в течение);
б) сөөни туршар (т) «всю ночь» (букв. ночи в течение).

Сөөни туршар, кинтид, отарин ард йовад, ямаран ик зован үзсичнь келвр угаһар меджәнэв. (И. Л., Б. з., стр. 122). Без слов понимаю, как всю ночь, на холоде, следуя за отарой, какие переносишь невзгоды. Тийм болхла, **наснани туршарт** гилтэ мел даң эдл-аху һардад дасчкен Әәрснә Сокту яһад хажһринь эс меджәх болна тегәд? Раз так, то почему же Арсинов Сокту, почти всю жизнь постоянно руководивший хозяйством, не видит недостатки?

Фразеологизмы в роли наречий

Разработанная академиком В. В. Виноградовым структурно-семантическая классификация фразеологических единиц русского языка применима и к монгольским языкам.⁹³ Так, в исследованиях Т. А. Бертагаева, Г. Ц. Пюрбеева и др. находим ту же классификацию, те же системно-организующие свойства фразеологических единиц.⁹⁴

Некоторые фразеологические обороты выступают в роли наречия. По своей структуре они представляют разные типы устойчивых словосочетаний: Сюда относятся именные и глагольные фразеологизмы, ставшие по значению наречиями. Эти структурные разновидности весьма продуктивны и потребительны в языке. Например, элкән өвдтл (хаттл) инәх «смеяться до коликов в животе», үки хурдарн гүүх «бежать что есть мочи», дурта дурго хойрин заагар келх «говорить нехотя», му нүдәр хэләх «сердито смотреть», наар уга одх «уехать

⁹³ Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. — В кн.: А. А. Шахматов. М.-Л., 1947. Он же. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М.-Л., 1947.

⁹⁴ Бертагаев Т. А. Об устойчивых фразеологических выражениях (на материале современного бурят-монгольского языка). — «Сб. трудов по филологии». Вып. II, Улан-Удэ, 1949. Будаев Ц. Б. Фразеология бурятского языка. Улан-Удэ, 1970. Пюрбеев Г. Ц. Глагольная фразеология монгольских языков. М., 1972. Он же. Краткий калмыцко-русский словарь фразеологизмов. Элиста, 1971.

навсегда», амр-таварн бээх «жить без забот и хлопот». элк түргүр кевтх «лежать ничком» и др.

Перечисленные фразеологизмы имеют наречное значение и употребляются обычно в предложении в качестве обстоятельства.

Примеры:

Хоюри элкэн хаттл инэлдж бээснь үзгднэ. (Н. М., Х. к. т., стр. 45). Видно, как вдвоем смеются до коликов в животе. Ээ, тегэд, ма хойрин кень туула болжана? кень һардвн? — гиж Бадм унтсн серүн хойрин заагар ухална. (Т. г., № 1, 1970, стр. 143). Итак, кто же из нас двоих заяц? кто орел? — размышляет Бадма в полудремотном состоянии. Зуухин һалын өөр хойр баахахн залус элк түргүр кевткэд, Булһниг соньмссн дүртөһөр хэлэлдэд бээцхэнэ. (Б. Б. Ө., ц. у., стр. 22). У очага на свету двое мужчин, лежа ничком, с интересом рассматривают на Булгун. Юнгад гихлэ, мөртэ күн тер малыг зөвөр хурдар көөж залад, нүдн чирмх хоорнд цааран бултулж оркна. (И. Л., Б. з., стр. 32). Поэтому всадник быстро направил лошадей и мигом спрятал их. Иван Иванович яһж шулун машинэсн һарла, тер кевтэн нүд чирмтл машиндэн суучкад наадксан дуудв. (Б. А., А. ш. д.) Иван Иванович насколько можно было быстро выскочил из машины и тут же мигом усевшись, позвал остальных.

Наречия с пространственно-временными значениями

В калмыцком языке имеются такие слова, которые в одной и той же форме могут выступать в предложении как со значением времени, так и места. Например, слова өмн «вперед», «раньше», шидр(т) «недавно», «вблизи», «рядом», хөөн «после», «позади» и т. д. Вероятно, эти наречия в далеком прошлом составляли одну пространственно-временную категорию, но затем постепенно произошла дифференциация внутри этого класса слов, где определенная часть распалась на слова с обозначением пространственных понятий. О близости наречий места и времени акад. В. В. Виноградов писал: «Современный русский язык очень богат наречиями, обозначающими пространственные и временные отношения. Между этими двумя группами наречий тесная связь и постоянное семантическое взаимодействие».

Многие наречия места совмещают свое пространственное значение с временными (как многие имена существительные и прилагательные, а также предлоги).⁹⁵

В последние годы наречия времени калмыцкого языка стали оформляться при помощи адвербиального суффикса -аһа//эһэ: шидр «близко, недалеко» — шидрэһэ «недавно», өмн «вперед» — өмнэһэ «раньше», сө «ночь» — сөөнэһэ «ночью», тенд «там» — тендэһэ «тогда» и т. д.

Таким образом, в настоящее время происходит четкое разграничение наречий, обозначающих пространственные и временные понятия, это наглядно видно из приводимого ниже материала.

Примеры:

Шидрэһэ Адуч ним күүндвр ондан чигн улсас соңсад бээв. (Бадм. А.). Недавно Адучи такие разговоры слышал даже от других людей. Би **өрүнэһэ** көдлмштэн прж йовад, энүгитн эрсин газетд умшлав. (Э. К.) Когда я утром шел на работу, об этом прочитал в стенгазете. Аав Булһнчнь **тендэһэ** халун гемэр үкж одв гинэ. (Б. Б.) Бабушка говорит, что Булгун недавно умерла от тифа.

Выражение неопределенности места

В современном калмыцком языке имеются наречия, указывающие на неопределенное место действия. Обычно эти наречия образуются из сочетания 2-х и более слов, где один из компонентов часто является наречием места и времени. Например, альд болв чигн (альд болвчн, альд чигн), хама болвчн, хама чигн «где-нибудь», «где угодно», альдаран болвчн, хамаран болвчн «куда-нибудь», «куда угодно», эн шидрт «где-то поблизости», эн алднд «где-то рядом». Последние два сочетания часто употребляются со значением времени: «в это время».

Примеры:

Альд болв чигн хатяр, кемжөһөр эдлх кергтэ. (К. А.) Где бы то ни было, нужно употреблять изредка и в меру. Хамр дор амн харадан бээһэд бээхмн биш гинэд,

⁹⁵ Виноградов В. В. Русский язык. М., Учпедгиз, 1947. с. 375—376.

алд болв чигн үгэн орлцуад йовдг Янхл эмгнэ бийн
ода, көвүпэнь кежэх керг-төрт орлцган бас хайв.
(Д. Б.). Теперь даже старуха Янхал, которая считала,
что не напрасно существует язык и где угодно, читала
наказания и та перестала вмешиваться в дела сына. Эн
шидрт хөөнэ, эс гиж үкрин хош бээдг болвза? (Т. М.).
Может быть где-то поблизости находится хош (коша-
ра) для овец или коров? Эн алднд Бакдгин герги Ке-
мэ, хувцан сольж өмсэд, толһаһан самлж ... (Д. Б.). В
это время жена Бакдыка — Кемя переделалась, приче-
сала волосы ...

Сочетание **нег тал** «куда-нибудь» также выражает
неопределенное место. Например: Үкс гиж шулуһар за-
рһ болж, **нег талакшан йовулж**, көдлмш келгһнь болх
билэ, көдлмш уга яһж түүнд суухв? (З. т., стр. 66). Хо-
тя бы быстро суд состоялся и отправили бы куда-ни-
будь на работу, как же я здесь буду сидеть без работы?
Эн кишго доскин яси деер бээһэд бээхм биш, **нег тал**
эрт нүүх кергтэ. (Б. Б., Ө. ц. ү.). Не будем же нахо-
диться на могиле этого негодника, надо куда-нибудь
переехать.

Часто неопределенность в калмыцком языке выра-
жается удвоением наречий места и имени существитель-
ного с отрицанием уга. Так, например, элд-тендго «вез-
де и всюду», деер-дорго «наверху и внизу», нүди-амнго
(цокх) «всюду» и др. В этих парных образованиях отри-
цание -го, объединяя в одно целое, как бы суффикси-
ровалось. Неопределенность образуется также удвое-
нием наречий без отрицания **уга**.

Примеры:

Багшиг **иигэн-тиигэн** кергәрн йовси цагтнь, көвүдиг
Якш сурһдг билэ. (Н. М., X. к. т., стр. 38). Когда учи-
тель уезжал куда-нибудь по своим делам, учил детей
Якша. Тинм улс деер-дормди дала. (Д. Б., II, стр. 4.).
Таких людей повсюду (вверху-внизу) много.

О некоторых диалектных особенностях наречий

Диалектные различия калмыцкого языка довольно
выпукло проявляются в оформлении наречия места и
образа действия. Так, например, в торгутском говоре
менее употребителен аффикс направительного падежа
-ур// -эр, но он успешно заменяется формантом -ар// -эр:

деегүр (дерб.) — деегэр (торг.) «поверху», ардахур (дерб.) — ардахар (торг.) «задами», холахур (дерб.) — холахар (торг.) «подальше».⁹⁶ Исключением из этого правила является слово гер «дом». Если представители дербетского говора произносят герүр «домой», то торгуты обычно говорят герэдэн «домой».⁹⁷

Примеры:

Нэ, Увша, чи тер тал одад хэлэжэ, би эндэхүр эргэв. (Э. К., II, х., II, стр. 28). Ну, Убуши, ты иди к тому дому и присматривай, а я по этому месту поброжу. Ханцхи бички баран эдннг үзл уга өөгүр харч йовна. (Н. М. Боова, стр. 39). Лишь маленький силуэт, не заметив их, проходит рядом. Хойрдгч фермд күцц күрлго директор, тагчгар машинэ терзин шил батцас холур ширтж хэлэж йовад, тегш теегин дунд, тенд, холд үзгдсн кошар зааһад: «Альков, Николай, тер хошур машинһэн эргүллч» — болв. (Д. Б., Эзн, стр. 82). Не доезжая до второй фермы, безмолвно сидевший директор, пристально всматриваясь через окошко машины вдаль, и показав на появившуюся там, далеко, среди ровной степи кошару, сказал: «Ну-ка, Николай, заверни машину вон к тому кошу». Герэдэн төрүц адһдго билэ. (З. т., стр. 228). Домой совершенно не спешил.

Диалектные различия также прослеживаются в наречных местоименного происхождения. Так, наречные местоимения дербетского говора иигэн (ииглэн) «сюда», «в эту сторону», тиигэн (тииглэн) «туда, в ту сторону», указывающие на направления движения, несколько иначе звучат в торгутском говоре: нигэрэн, «сюда, в ту сторону», тигэрэн «туда, в ту сторону» и др.⁹⁸

Примеры:

Би чамаг иигэрэн харһчкэв, — гиж тергнэ бөөрүр өөрдв. (Д. Б., Ч. х., стр. 22). Я тебя сюда проведу, —

⁹⁶ Кичиков А. Ш. Дербетский говор. Элиста, 1963, с. 40—41.

⁹⁷ Слово герэдэн можно разложить на следующие элементы: гер-эд-эн, гер дифтонг, ай аффикс дательного падежа, эд возвратная частица -эн. Однако, по мнению Н. Н. Убушаева, рассматриваемое слово является сложным: гер «дом»+өөдэн «вверх», на, в, к, герэдэн «домой», где өд (эн)—өөдэн впоследствии направление вообще, а не только «вверх». Нам кажется, что точка зрения Н. Н. Убушаева более убедительна, чем скажем А. Ш. Кичикова, который -ад//-эд считает аффиксом дательного-местного падежа.

⁹⁸ Кичиков А. Ш. Указ. соч., с. 56.

сказал и приблизился к телеге. Гем уга, **тииглэн** Геннадий Петрович Дорж хойр одв. (Шүүвр, стр. 47). Ничего, туда отправились Геннадий Петрович и Дорджи. Хар наврас харси мал **тиигэн** прж йовна. (Н. М., М. Г., стр. 6). Скот из Черных земель направляется в ту сторону. **Тиигэрэн** күрсн болхла Мучраи хүв. (К. А., Н. Т., стр. 48). Если добрался туда, счастье Мучры.

На различия много характера указывает Н. Н. Убушаев,⁹⁹ который на материале зая-пандитской письменности выявляет наречия синонимичного характера, так, например: гедргэн (торг.) — хооран (дерб.) «назад», уралан (торг.) — өмэрэн (дерб.) «вперед», «на юг», альд (торг.) — хама (дерб.) — «где» и др. При этом Н. Н. Убушаев не оспаривает принадлежность тех или иных особенностей только тому или иному говору, по его мнению, говоры чаще отличаются более активным или менее активным употреблением отдельных форм.

Примеры:

Келтэнь уралап,
Кели угань—хооран. (Х. ү., боли т. т., стр. 40).
Красноречивый — впереди,
Неискусный в речах — позади.
Өвгиг теврж авад:
Хааран, хааран йовх юмб? — гиж сурв.
(Дж., стр. 57).
Обняв старика, спросил: «куда, куда идет».

Одак мана күүкн хама йовдг болхв, — гиж Бадм зервк ухалв. (И. Л., Б. з., стр. 59). Где же наша дочь пропадает, — мельком вспомнил Бадма.

Альд эс асхрен ааһ цусмб,
Альд эс өгрси нээми чимгмб. (Дж.,)
Где ни проливалась чаша крови,
Где ни выгорали наши восемь костей
Ха бисэс ним эмти прэд
Нанд килцэн халдадгнь яахв, — гиж
Аңһр-аңһр наад бэрж инэж бээнэ. (Дж., стр. 34).
Широко раскрывая рот и насмехаясь
(над ними), говорит:
Откуда прибывают такие люди,
Что же будет, если грех их ко мне перейдет.

Көвүн хааһас хааран йовж йовнач. (Х. т., стр. 22).
Мальчик, откуда и куда идешь. Көвүн келжэнэ: «Ииг-

⁹⁹ Убушаев Н. Н. Торгутский говор и его отношение к калмыцкому литературному языку. — «Ученые записки». Элиста, вып. 7, 1969, с. 191.

лэн нарн орх талакшан йовад, далад күрхч, тер дала-
нас захс бэрж идэд, хотан тежәһэд бәэхч». (X. т.,
стр. 137). Мальчик говорит: отправляясь сюда, в сторо-
ду захода солнца, дойдешь до океана, и прокормишься
рыбой из того океана.

Таким образом, диалектные различия калмыцкого
языка прослеживаются и в наречиях, что было нагляд-
но проиллюстрировано вышеприведенными примерами.
Однако выделенные диалектные особенности скорее все-
го носят лексический характер, нежели грамматичес-
кий.

Интересно, что слово өмн «вперед» имеет значение
«юг», уралаан (ср. монг. өмнө «юг») «вперед», хооран
(ср. монг. хойно, бур. хойно «север») «назад» и др.
В калмыцком языке слово ар обозначает «север», од-
нако в последнее время стороны горизонта отмечаются
сочетанием: ар үзг (бий), өмн үзг (бий) и т. д. К со-
жалению, термины ориентации в монгольских языках
слабо исследованы. Специальное изучение этой неза-
тронутой темы дало бы, очевидно, много интересного в
отношении проблемы миграции и расселения родопле-
менных групп.

Парные и удвоенные наречия

Парные слова (или биномы, по терминологии Т. А.
Бертагаева) — это одна из многочисленных групп, со-
ставляющих своеобразный пласт в лексике монгольских
языков. Они представляют собой сочетание грамматиче-
ски однородных слов. Хотя они в калмыцком языке
не подвергались специальному исследованию, однако
привлекали внимание монголоведов. В частности, воп-
рос этот рассматривался некоторыми исследователями
в ряде синтаксических и лексических работ.¹⁰⁰

¹⁰⁰ Санжеев Г. Д. Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л., 1941, с. 122. Бертагаев Т. А. Лексика монгольских языков. Докт. диссертация. 1946, с. 663—686. Он же. Сочетание слов и современная терминология. М., 1973, с. 11—19. Дарбсеева А. А. Повторы и удвоения в бурятском языке. — В сб.: К изучению бурятского языка. Улан-Удэ, 1969, с. 91—99. Она же. К вопросу о парных словах в бурятском языке. — В сб.: Вопросы литературного языка. Улан-Удэ, 1963. Абашеев Д. А. Об образовании парных слов в бурятском языке. — В сб.: К изучению бурятского языка. Улан-Удэ, 1969, с. 88.

В работе Г. Д. Санжеева парные слова классифицируются по смысловым признакам на: 1) смежные: нам холбоо «партия и союз» и т. д.; 2) контрастные: эх эцэг «мать и отец» и др. При изменении только второй компонент принимает падежный аффикс. Парные слова, по мнению автора, выражают собирательные понятия, иногда неопределенность, а также «самостоятельность значений слов в паре сохраняется», и интонационно они произносятся слитно. Семантика слов, составляющих пары, также безразлична.¹⁰¹

Образуются парные слова от всех без исключения частей речи: имен существительных, прилагательных, глаголов, числительных, местоимений, наречий и т. д.

Вслед за Г. Д. Санжеевым парные слова, или биномы на основе широкого лексического материала были рассмотрены в исследованиях Т. А. Бертагаева. Он классифицирует парные слова: 1) по их значениям; 2) по структурным признакам. Примечательно, что автор тонко подметил стилистическую функцию отдельных биномов. Например, байан бүдүн «богатый», составленный из байан «богатый» и бүдүн «толстый», последний как бы усиливает значение первого и подчеркивает его характерные особенности.¹⁰²

Отмечая своеобразие парных слов, Т. А. Бертагаев пишет: «некоторые из этих пар, выражающих отвлеченные или обобщенные понятия, часто употребляются для выражения чего-то неопределенного, утерьявшего свою определенность, точность и конкретность. Поэтому они обозначают иногда наречия или местоимения с наиболее неопределенным, общим значением...¹⁰³ Например, такие парные слова, как деер-дор «вверху-внизу» — «езде», герт-һаза «в юрте-во дворе», «езде» и др.

Таким образом, парные слова, по мнению Т. А. Бертагаева, являются одним из способов выражения неопределенности, обобщенных понятий.

Особенностью некоторых парных слов, обозначающих более общие понятия, чем их отдельно взятые компоненты, является то, что в них невозможно перестав-

¹⁰¹ Санжеев Г. Д. Указ. соч., с. 122.

¹⁰² Бертагаев Т. А. Лексика монгольских языков. Докт. диссертация, 1946, с. 667.

¹⁰³ Бертагаев Т. А. Указ. соч., с. 160.

лять слова, так как это повлечет за собой изменение не только структуры, но также и значения. Например, в таких парных словах, как эк-эцк «родители», ах-дү «братья», эрэ-керэ «едва, чуть» и др., нельзя компоненты переставить.

В своих последующих исследованиях Т. А. Бертагаев обращает внимание на номинативные сочетания слов, которые делятся на два типа: 1) сочинительные; 2) подчинительные. Если первое представляет собой сочетание «двух морфологически и семантически однородных слов на равных синтаксических началах», то второе — сочетание «разнородных, синтаксически неравноправных» слов, где одно подчинено другому.¹⁰⁴

Установление и разграничение типов номинативных сочетаний на материале монгольского и бурятского языков является значительным вкладом в монгольское языкознание.

В последнее время часто упрекают наших писателей в злоупотреблении парными словами. Однако последние реализуются в определенном контексте, при необходимых речевых ситуациях, когда нужно передать отдельные нюансы, стилистическую особенность. Поэтому нет надобности утверждать, что в синонимных парных словах иногда второй спаренный компонент оказывается пустым, «ничего не значащим повторением». Биномы обладают большой гибкостью, а второй компонент усиливает значение и вносит поворот. По своему значению парные слова более обобщенные, абстрактные, чем его отдельные компоненты.

Определяя структурно-грамматическую природу парных слов, Т. А. Бертагаев выделяет четыре типа: 1) парные слова, состоящие из знаменательных слов; 2) парные слова из изобразительных и звукоподражательных слов; 3) парные слова, состоящие из незнаменательных слов, из слов зависимых, несвободных и архаизированных или омертвевших; 4) парные слова с формализованными компонентами.¹⁰⁵

В образовании парных слов — наречий в монгольских языках известная роль принадлежит именам су-

¹⁰⁴ Бертагаев Т. А. Сочетания слов и современная терминология. М., 1972, с. 11.

¹⁰⁵ Он же. Указ. соч., с. 19.

ществительным, прилагательным, числительным, наречиям и т. д.

*Удвоенные наречия, образованные
от имен существительных*

От данной части речи образуется сравнительно небольшое количество наречий. Образуются они почти стереотипно: чаще удвоением одного и того же существительного, где второй компонент принимает аффикс творительного падежа -ар//эр (баг-багар, өнг-өнгэр и др.) или аффикс дательного падежа -д (-т) с притяжанием (үзг-үзгтэн, дара-даранднь и т. д.). Однако в редких случаях эти аффиксы могут отсутствовать (нулевая форма) перед глаголом.

1. Наречия, образованные удвоением основы, со вторым оформленным элементом в орудном падеже.

Примеры:

Хэврһднь **үй-үйэр** чанчкн махн тэвүрт тэвэтэ. (Н. М., X. к. т., стр. 92). Сбоку на подносе лежит разделенное по суставам сваренное мясо. Теднн **мөч-мөчэр** салһад авч одхмн. (Э. К., Ш., к. болн т., стр. 197). Они должны взять (мясо) по целым конечностям.

Алсн күн муусмудин махинь **цэкүр-цэкүрэр** чавчж хайчкад, хэрү эгчүрн ирнэ. (X. т., 1972, 3, стр. 122). Одолев чудище и разрубив его на мелкие кусочки, вернулся к своей сестре. Сүүлин цас олзлад, дэкж үвл иртл хантлан наадж авх кергтэ гисн кевтэ, тедн **баг-багар** хурлдад, нег-негэн цанд суулһад, чирэд чигн хурдлна, ардаснь түлкэд чигн гүүлднэ. (Т. г., № 4, 1972, стр. 90). Воспользовавшись последним снегом и будто задумав до унаду поиграть до следующей зимы, они собрались группами, и, посадив друг друга на сани, спешат и бегут, подталкивая сзади, таща за веревку.

2. Удвоенные наречия со вторым оформленным элементом в дательном падеже с притяжанием. Этот способ менее продуктивный, чем предыдущий.

Примеры:

Хойр көвүн тал-талдан һарад, гер-малан, өгсн отг-алтан, эмтэн авад, тал-талдан нутглад бээв. (X. т., стр. 175). Оба сына его, определившись каждый в отдельности, получив хозяйство, часть владения и людей, стали жить в отдельности. Тедн **үзг-үзгтэн** тарлдад,

үдин хотдан харцхав. (З. т., стр. 233). Они разошлись по сторонам на обеденный перерыв. Цуһар бээр-бээрндэн орад кевтцхэв. (Т. г., № 4, 1972, стр. 101). Все расположились по своим местам.

Иигэд директор ю кехиг дара-даранднь келхэс биш, юуни төлэ, яахар седэд, кезэ болзгт кеж күцэх зөвтэг келж, цээлж өгсн уга. (Д. Б., Эзн, стр. 41). Директор сказал, что нужно выполнить по порядку, однако он не объяснил, для чего, из каких соображений, и срок выполнения.

3. Наречия, образованные удвоением двух близких по значению имен существительных.

Им-жим уга болж одх. (КРС). Исчезнуть бесследно. Наадн-инэдэр көдлмшэн күцэх. (КРС). Легко завершить свою работу.

Наречия, образованные удвоением основы прилагательного

В современном калмыцком языке часто образуются наречия образа и способа действия удвоением основы прилагательного. Например: бүкл-бүклэр «целиком», бичкн-бичкнэр «помалу», пэр-нэрэр «тонко», ахр-ахрар «коротко», баһ-баһар «понемногу» и др. Часто второй компонент может находиться в нулевой форме. Образование наречий удвоением основы прилагательного наиболее продуктивный способ словообразования.

Примеры:

Тегэд чиги Коля танд бичкн-бичкнэр кеж өгвиш, — гиж Сима һочкнад инэв. (Э. К., II. х., стр. 70). Вот поэтому Коля вам налил понемногу, — звонко засмеялась Сима. Ноонь эркэсн кеһэд гүн хооларн гүүлгчкэд, өли чоһ мет махиг шуучад-самчад бүкл-бүклэр зальгад сууна. (Э. К., II. х., стр. 31). Ноони отлив водки и сразу выпив, словно проголодавшийся волк стал целыми кусками рвать и есть мясо. Нулмтын өөр суусн залус мах ик-икэр ишкэд, өөки, бөөринь холяд, ааһ-ааһар тэвж өгчэвэ. (Н. М., X. к. т., стр. 91). Мужчины, сидевшие у очага, нарезав мясо большими кусками и смешав сало с почками, стали накладывать в чашки. Йир сээнэр машинэһи залдг бээжт, түргн-түргн иржэтн... (З. т., стр. 178). Оказывается, вы очень хорошо водите машину, прнезжайте почаще. Эдр ирвэс нарна толь баах-баа-

хар күч авад, кесг сарин туршарт көрт хуврсн. цасиг медмжэн угаһар эклэд хээлүлв. (Т. г., № 4, 1972). С каждым днем лучи солнца, набираясь понемногу силы, стали незаметно в течение многих месяцев подвергать снег таянию.

*Наречия, образованные удвоением прилагательного
с изменением начального согласного*

Данным способом образуется небольшое количество наречий. Например, баһ-саһар «понемногу», бички-сичкэр «помалу», иногда второй компонент представляет собой трансформированный повтор, лексически ничего незначащий. К этой группе относим парные слова кинзц-каазц «вкривь и вкось», илд-далд «тайно, скрытно, незаметно» и др.

Примеры:

Хэлэхэд бөөхнь учр-утхнь **баһ-саһар** йилһрж йовна. (Х. ү., 7/ХН-72 г.). Смотрю, суть дела понемногу стала проясняться. Увшин самһрта Ольда, онц **цевр-цеврэр** бийән бэрэд, оли хурсн нэр-иаадна сүүрт икэр орлицж хутхлддо, олмһаһар **эмтид** өгсн ухаһ... (Д. Б., Ч. х., стр. 27). Ольга, имевший сан убаши, держался благочестиво и в меру участвовал в мирской суете...

*Наречия, образованные от парных прилагательных,
сближающихся по своей семантике*

Второй компонент такого образования имеет аффиксы двух падежей: совместного и орудного. Например: ни-негтәһэр «сплоченно, дружно», дуту-дундтаһар «с недостатками», кевтә-янзтаһар «впору, аккуратно» и др. Этот способ малопродуктивный.

Примеры:

Целинн района «Ленинский» совхозд тосхгдсн мал бордлһна комплекс боли клуб зөвэр ик дуту-дундтаһар күцэгдв. (Х. ү., 27/III-71 г.). В совхозе «Ленинский» Целинского района построенный животноводческий комплекс и клуб сдали с большими недостатками. Ямаран чиги көдлмшиг **дигтә-даратаһар** кедг дасцхати. (М. Д., Санл, стр. 85). Учитесь аккуратно выполнять любую работу. Үүлн өцгтә цемгн өрмг түүнә далта-ээмтә. цог-

цд йир **кевтэ-янзтаһар** ирлж. (Т. г., № 4, 1972). Армяк из сукна светлого цвета впору на его фигуру.

Наречия, образованные от парных числительных

Единичны случаи, когда образуются количественные наречия удвоением числительных. Например, арвадар-хөрэдэр «по десять-двадцать», хошадар-хошадар «по-двое» и другие.

Примеры:

Цуһар **хошадар-хошадар** сууцхав. (З. т., стр. 129). Все сели по двое. Тер өдр болһн, хажар хадси мет, **арвадар-хөрэдэр** бичкдүдиг, көгшдүдиг авч одна. (Т. г., № 4, 1972). Каждый день (болезнь) словно косою срезает и уносит по десять, двадцать малышей и стариков. Багшвр **нежэд-хошадар** һарлдад, классмудар орлдад бөөцхэв. (М. Д., Санл, стр. 48). Учителя, выйдя по-одному, по-двое, разошлись по классам.

Наречия, образованные удвоением наречия

Значительное количество наречий образуется удвоением основ наречий. Обычно второй компонент принимает аффикс *-ар//-эр*, однако присоединение последнего наблюдается не во всех наречиях. Например, улм-улмар «еще и еще», дэки-дэки «еще и еще», эрэ-эрэ «едва-едва». Иногда второй компонент присоединяет аффикс *-эс//-эс* с притяжением: ард-ардасн «сзади», дэки-дэкиэс «снова», дор-дорасн «снизу», деер-деернь «друг на друге» и др.

Примеры:

Күүки шугцдган уурад, цогцларн наалдси кофтан **дэки-дэки** хэлэхэд, бийэси зааглад тагчг суув. (И. Л., Б. з., стр. 37). Девушка перестала всхлипывать и, часто посматривая на прилипшую к телу кофту, сидела тихо. Семен Буденный, Ока Городовиков, Хартн Кануков, Василий Хомутников ахта баатр улси нерд чигн **улм-улм** икэр оля-эмти дунд делград һарад бөөцхэв. (И. Л., Б. з., стр. 68). Имена славных героев Семена Буденного, Оки Городовикова, Хартн Канукова, Василия Хомутникова стали все больше популярны среди народа.

Арша тал эи көвүн **хая-хая** иржэлэ. (И. Л., Б. з., стр. 4).

стр. 59). Этот юноша иногда приходил к Араши. Турва урдклаһан эдл эрэ-эрэ көндрнэ. (Т. г., № 3, стр. 92). Труба по-прежнему едва-едва трогается (с места). Керг-төр гисн чидлгэ, дор-дорасн һарад, үүдэд бээдг зөвтэ юмнж. (Д. Б., Ч. х., II, стр. 222). Дела (повседневные) нескончаемы, они, оказывается, должны возникать друг за другом. Дэһн-дэһнэс шинжлэд хэлэтн. (Д. Б., Ч. х., II, стр. 21). Все заново взвесется.

*Наречия, образованные удвоением основы
с изменением начального звука*

Единичны случаи образования наречий указанным способом. Наречия места и времени при удвоении выражают неопределенность места и времени, отвечают на вопросы альд? «где?», кезэ? «когда?». Например, альд-яльд «где», кезэ-язэ «когда», эрэ-керэ «когда-когда» и др.

Примеры:

Тер учрар, кезэ-язэ хэрү ирхэн эврэн меджохми угав. (Д. Б., Ч. х., II, стр. 4). Поэтому сам не знаю, когда вернусь назад. Хойр халхнь альми болж уласн, хойр хар нүднь бүрнэһи альд-яльд бээхэн мартж... (Н. М., М. Н., стр. 33). Обе щеки румяны, словно яблоко, черные глаза полузакрыты и, не зная, где находится... Дэһнэ матьхр-һотьхр хаалһин тускар сананд орсннь кесг жилд хама-яма йовсан күүндвди. (И. Л. Б. з., стр. 63). Поговорили по душам о трудных дорогах войны, о том, где были в течение этих нескольких лет.

*Наречия, образованные от двух противоположных
по значению наречий*

Образование наречий путем удвоения двух противоположных по значению наречий — один из продуктивных способов в калмыцком языке. Обычно эти наречия выражают неопределенность места и времени. Например, энд-тенд «везде», һаза-дора «всюду», нигэн-тигэн «туда-сюда» и др.

Примеры:

Көндэ гер, һарад нигэн-тигэн хэлэхлэ — эдн альд чиги үзгдхн. (З. т., стр. 273). Пустой дом, и когда вышел и посмотрел по сторонам, их нигде не было видно.

Долаи хонгт
Арзин сүүрт сууж бээхэд,
Эрүн цагаан мөчги ширэн өмн бийэр
Нааран-цааран хойр йови
Хавтхдан харан дүрн бээхэд, кели бээнэ.
(Дж., стр. 73).

Семь дней за арзой восседаея,
Перед священным серебряным престолом
Назад и вперед прохаживаясь,
Держа руки в карманах, говорит.

Дүгэр **ийш-гийшээ** харан байв. монг. Дүгэр посматривал туда и сюда. Теегин хар керэс **тенд-эндэс** нислдж прэд, тедүки трактормудин ард нисж буулдад, юм чоцкень үзгдиэ. (Э. К., Н. х., II, стр. 130). Степные черные вороны, прилетев со всех сторон, сели в отдалении за трактором и стали что-то клевать. Герчи өөрхи, **өрүн-асхид** прэд ора-һара бээхч. (Э. К., Н. х., I, стр. 10). Дом твой недалеко, будешь по утрам, вечерам наведываться. Маңһдур-пөкөдүрэс та, аав, эс гиж одак күн Батаг нег цөөки хонгар сольхити. (Э. К., Н. х., стр. 31). Завтра-послезавтра, вы, дедушка, или муж, подмените Бату на несколько дней.

Наречия, образованные удвоением близких по значению причастий

Причастие прошедшего времени, образующееся при помощи суффикса -си, выражает действие, совершившееся в прошлом. По мнению некоторых монголоведов, причастие не участвует в образовании наречий, однако материалы калмыцкого языка убеждают нас в обратном. Наречия, образованные удвоением причастий, представляют в количественном отношении немногочисленную группу. При этом конечный -н утрачивается, а второй компонент принимает аффикс -ар//эр с притяжением.

Примеры:

Адһм угаһар, **болс-бүтсэрнь** эс кеж бээхлэ, чини цогц түүнд күрдми биш. (Н. М., X. к. т., стр. 97). Если не делать по возможности и петоропливо, то ведь тебя самого не хватит на это. ... дээснэ баатрмудыг **ирс-ирсэри** цокж уһаһад, һанзһлад, олзд авад йовла ... (X. ү., 16/V-1972 г.). Раскидав в разные стороны вражеских богатырей и привязав за тороки, брали в плен.

Күүкн баһасн авн берин зовлд орлдад **чадс-чидсэри** дөң-нөкд болад йовдг. (Н. М., X. к. т., стр. 9). Девушка, с малых лет разделяя страдания снохи, по возможности оказывала (ей) помощь.

Наречия и послелогои

«Наречие в современном русском языке выступает как широкая, богатая значениями и пестрая категория, которая при всей ее грамматической определенности включает в себе сложную систему довольно далеких друг от друга типов слов и является сферой взаимодействия между частицами речи».¹⁰⁶

Целый ряд наречий места, внешне не претерпевая каких-либо изменений, выступает в роли послелогов.

Наречие является самостоятельной лексической единицей с присущими ей морфологическими, семантическими и синтаксическими признаками, которые характерны только для данной грамматической категории. Послелогои не являются семантически полноценными словами, их роль и значение проявляются в предложении и выражают различные синтаксические отношения. Они не могут быть самостоятельными членами предложения.

Поэтому они являются служебными словами, выступающими в качестве уточнителя при имени. Например, герин ца «за домом», нуурин өмн «перед озером», хотна ард «за хотоном» и др. В приведенных примерах особенно выпукло вырисовывается их значение в предложении: указывают на то, что некто или нечто находится рядом, внутри чего-либо и т. д.¹⁰⁷

Если наречия сочетаются с глаголом, прилагательным, наречием, то послелогои — с именными словами и произносятся в едином потоке; между этими двумя компонентами гетавка других членов предложения невозможна, ибо это приведет к бессмыслице.

С послелогоами соотносятся в основном обстоятельственные наречия места и времени, и это объясняется тем, что у отмеченных наречий связь с глаголом исключительно слабая, слабее, чем, скажем, у качественных:

¹⁰⁶ Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.-Л., 1947, с. 397.

¹⁰⁷ Тодаева Б. Х. Послелогои в калмыцком языке. — «Записки», вып. 2. Элиста, 1962, с. 134.

«обозначая нечто внешнее по отношению к процессу, а не те или иные качества, ему присущие, эти наречия не примыкают собственно к глаголам и не образуют с ними тесно связанного и внутренне объединенного сочетания слов ...; они вообще не имеют специфической связи ни с каким словом и не имеют в предложении какого-либо определенного, закрепленного за ними места».¹⁰⁸

Послелог в современных монгольских языках по своей связующей роли в предложении во многом сближается с предлогами русского языка. В тех и в других языках их место в предложении твердо закрепленное: предлоги находятся в препозиции, послелог — в постпозиции. Так же, как и предлоги, послелог калмыцкого языка не имеют самостоятельного лексического значения и указывают на синтаксические отношения их к глаголам, существительным, прилагательным, местоимениям и т. д. Выполняя служебную функцию в предложении, послелог не является членами предложения.

В современных монгольских языках ряд слов регулярно выступает то в качестве наречий, то в качестве послелогов и представляет собой одно и то же слово, но различно функционирующее в предложении. Например, дотр существительное «внутренность», послелог «в, во», дээр наречие «наверху», өөр «вблизи», «около», ца «дальше», «из» (ср. русск: вблизи, рядом, около и т. д.).

Двойственный характер этих слов объясняется тем, что постепенно связь наречия с глаголом все более ослаблялась, и тем самым оно утрачивало способность выполнять присущее наречию обстоятельственную функцию. Вместе с тем усиливалась связь с предшествующим именем, и тем самым оно приобретало качественно иную функцию — быть связующим средством при имени.

Поэтому наречные послелогии обладают определенной спецификой, которая заключается в том, что имена, ставшие служебными словами, со всеми присущими им признаками, проходят ступень онаречивания, т. е. переход от имени к послелогу происходит по схеме: имя существительное — наречие — послелог, например, до-

¹⁰⁸ Смирницкий А. И. Морфология английского языка, с. 171.

-р (существительное «внутренность, подкладка»), (наречие «внутри») дотр (последлог «в»).

Выражая различные пространственно-временные и др. отношения, последлоги, в отличие от именных форм, утрачивают категориальное значение предметности и способность иметь при себе определяющее слово. Для этих последлогов категория наречия служит источником постоянного пополнения, так как эта часть речи по своей семантике содержит «элемент релятивности, который заключен, по всей видимости, не только в корневой, но и в суффиксальной морфеме».

Т. А. Бертагаев писал, что для перехода знаменательного слова в служебные, в частности последлоги, «требуется изменение хотя бы одного из трех признаков, каким обладает то или иное слово».¹⁰⁹ Например, деере бээнэ «находится сверху» и герин деер «на юрте». Последнее последлогное сочетание произносится, сливаясь с существительным герин, спайка между этими словами довольно значительна; они являются одним членом предложения, отвечают на один вопрос альд? герин деер.

В русском языкознании бытовало широко распространенное мнение, что «ступень наречия» является обязательной для тех форм полнозначных слов, которые перешли в предлоги. Так, А. А. Шахматов по этому поводу писал: «Все вообще предлоги по своему происхождению должны быть возведены к наречиям».¹¹⁰ Однако акад. В. В. Виноградов придерживался иной позиции: «необходимо отказаться от распространенного предрассудка, — писал он, — будто имена существительные и прилагательные на пути к деноминализации и к превращению в связочные слова непременно проезжают через станцию наречий».¹¹¹

Кроме последлогов наречного характера в современных монгольских языках имеются отыменные и отглагольные последлоги (в незначительном количестве), об-

¹⁰⁹ Бертагаев Т. А. О спорных вопросах грамматики (из материала монгольских языков). — В кн.: Вопросы составления описательных грамматик. М., 1961, с. 94.

¹¹⁰ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.-Л., 1941, с. 357.

¹¹¹ Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.-Л., 1947, с. 380—381.

разованные минуя ступень онаречивания. Например, тал «к», «по направлению», күртл «до», һатц «через», амнд «у», «около», төлә «для», туск (ар) «о», «по поводу» и т. д. К этим послелогам можно отнести мет, **чингэ**, **эдл**, **кевэр**, которые по своему значению выражают сравнение с кем или чем-либо и соответствуют в русском языке словам «словно», «подобно», «как».

Классифицируя послелогии по семантике, обычно выделяют следующие группы:

1. пространственные: тал, дсер, һаза, дор, дунд, хоорид и т. д.;
2. временные: урд, турш(арт), дару, зуур;
3. совместные: хамдан;
4. сравнения: мет, чингэ, эдл;
5. целевые: төлә, туск (ар);
6. замыслы и противопоставления: ормд, үлү.¹¹²

Послелогии -наречия

Послелог **ца** имеет пространственное значение и управляет родительным падежом. Иногда к этому послелогу наращивается притяжательная частица -нь, аффиксы орудного и исходного падежей: худгин цань, худгин цааһас, худгин цааһар (-ур).

Примеры:

Чи зууран Лижд худгин ца хотхрт тэрси мод үзүл. (З. т., 17). В пути покажи Лиджи посаженные за колодцем в низине деревья. Эмд бһинь өцклдүр партын цааһас һарч ирлэхи. (Т. А., Ч. ө., 88). Да он сам только вчера из-за парты встал.

Послелог **өөр** «возле, рядом, около, у» управляет родительным падежом.

Примеры:

Көөһин өөр — кө, өөкнэ өөр — өөкн (фольк.) Вблизи сажн — сажн, вблизи жира — жир. Ааку хэрү эцкиннь өөр суув. (Т. г., № 4, 1972, стр. 98). Аку опять сел возле отца.

Так же, как и большинство пространственных послелогов, **өөр** присоединяет аффиксы исходного, орудного

¹¹² Годасева Б. Х. Послелогии в калмыцком языке. — «Записки». Вып. 2, Элиста, 1962, с. 134—135.

го и направительного падежей, которые вносят иные синтаксические отношения.

Послелог өми «перед, до» управляет родительным падежом, выражает пространственно-временные отношения. Присоединяет аффиксы исходного, орудного и направительного падежей, притяжательную частицу -нь, иногда суффиксе -хи.

Примеры:

Уден уга, кесг нохас мана өмиэс хуцлдад, гүүлдэд ирцхэвэ. (Т. г., № 8, 1960, стр. 64). Вскоре несколько собак с лаем выбежали нам навстречу.

Послелог һаза «вне, за» управляет родительным падежом. Имя, находящееся перед этим послелогом, иногда принимает частицу -нь.

Примеры:

Удл уга хотид ирэд, гериннь һаза арһсан асхцхав. (Н. М., X. к. т.). Вскоре добравшись до хотона, высыпали кизяк около своих домов. Ар-ардасн гүүлдэд машинд горсоветни һаза оч зогсцхав. (Т. г., № 1, 1961). Идущие друг за другом машины остановились у горсовета.

Послелог ард «сзади, за» управляет родительным падежом. Часто употребляется в форме исходного и орудного падежей.

Примеры:

Хэрүд цергин ард, йовуд цергин өмн йовдг, дали негн бум цергин өңгвч болдг юмн. (Дж.) За войском отступающим, впереди войска наступающего семидесяти одной стотысячной рати краса. Кошарин ард-һар тәрсн модд бас хэләти. (X. т., 1961, № 1.) Посмотрите на деревья, посаженные за кошарой.

Послелог тус «напротив, у» часто управляет родительным падежом и реже неопределенным. К форме основы наращиваются аффиксы исходного и орудного падежей.

Примеры:

Лена эмгин өөрәһүр ирэд, эмч тус суув. (Ш., 7). Лена прошла около старухи и села напротив врача. Герин эзн гергин минн ардас орж ирэд үүдиэ тус суув. (М. Д., Сапл., 33). Хозяйка дома, войдя вслед за мной, села напротив двери.

Послелог деер «на, над» имеет пространственное значение. Этот послелог один из распространенных и

употребляется в самых разнообразных значениях:

а) указывает на местонахождение предмета на поверхности чего-либо. Например: Трибун деер хархла, мини толһа терүнэс дора болв. (Д. Б., М. о., стр. 67). Когда поднялся на трибуну, моя голова оказалась ниже ее. Эн толһа деер харч оркад, энд-тендэн хэлэхлэ, хама һазрт бээсн юмн, юн болв чигн үзгднэ. (М. Н., К. х., стр. 17). Когда поднимешься на эту гору и посмотришь по сторонам, видно все, что угодно.

б) указывает на место, куда направляется предмет. Например: Худг деер ирхлэ, саалин үкрмүд ирчкэн, хоосн оцнц шинжлэд бээнэ. (Н. М., Х. к. т., стр. 96) Когда подошли к колодцу, дойные коровы уже пришли и смотрели на пустой желоб;

в) указывает на место, где должно происходить действие. Например: Сеер багш бригад деер бичг-тамһ меддо залусиг полинь хэлэжәһэд, асхиднь суулһад үзг бичдг, умидг дасха. (Т. А., Ч. ө., стр. 46). Учитель Се-нер время от времени по вечерам неграмотных мужчин обучал алфавиту и чтению;

г) послелог деер иногда вносит значение добавления, прибавления. Например: Бадм деер хойр залу өгв. (Х. т., стр. 66). К Бадме дали еще двух мужчин.

Послелог деерэс «с» кроме своего основного значения употребляется в причинном значении. Например: Тегэд, юн деерэс авн өөцлджэхмб? (М. Д., Санл., стр. 7). Так из-за чего рассорились?

Послелог деерәһүр (-әр) «по, через» указывает на направление действия. Например: Савк, Очр, эзн хөөч һурвн һал деегүр һәрэдж одад, хөөдиг нежэдәр нурһн деерән үүрч һарһв. (З. т., стр. 62). Савка, Очир и хозяин чабан, перепрыгнув через огонь и взвалив по одной овце на спину, стали их вытаскивать.

Послелог деер «на, над» в сочетании с некоторыми наречиями времени, как ода, эндр, а также со словом дав образует наречные сочетания со значением, ограничивающим во времени. Например: ода деерән «пока что, в данный момент», дав деерән «пока что», эндр деерән «на сегодня».

Если рассмотреть ряд слов с корневой морфемой де: деер, деегүр, деерэс, дееж, деевр, деедк, деед, деедс, деежлх, деерлх и др., то во всех перечисленных словах, принадлежащих к различным частям речи, имеется

корневая морфема **де-** и кроме этого их сближают значения, которые тесно переплетаются между собой, обозначая нечто лучшее, или выражают они нечто, находящееся наверху, т. е. **де-** имеет пространственное значение.

В роли наречия **деер** «наверху» выполняет обстоятельственную функцию, участвует в образовании сравнительной конструкции. Часто употребляется в переносном значении. Например: **чамас деер** «лучше тебя», **деегур кун** «высокомерный человек».

Помимо перечисленных значений, послелог **деер** в исходном падеже употребляется в книжном языке со значением «от имени кого-либо». Например: Хальмг республикин 50 жилин өөллэ Бурятии номгирин перн дээрэс ах-дү хальмг оln-эмтиг седклэрн йөрэжэнэв. (Х. ү., 1970). От имени ученых Бурятии сердечно поздравляю братский калмыцкий народ с полувекowym юбилеем республики.

Послелог **хөөн** «после» управляет родительным падежом. В отличие от бурятского **хойно**, выражающего пространственно-временные отношения, в калмыцком языке послелог **хөөн** имеет лишь временное значение.

Примеры:

Цуг эн күүндврин хөөн залу аш сүүлднь, альк чиги төринь медж хаһлж чадшго болж харв. (Д. Б., Ч. х., стр. 18). После всего этого разговора в конце выяснилось, что мужчина не сможет решить ни одного дела. Эндир ирсн болх гийһэд, чамаг үдин хөөн гертэн бээх гиж медэд ирлэв, — болжана Дүүдэ. (Т. А., Ч. ө., стр. 41). Я пришел полагая, что ты выписался и находишься после обеда дома, — сказала Дюдя.

Послелог **дор** «под» с пространственным значением управляет родительным и именительным падежами.

Примеры:

Үүнэс үнтэ алтн һазр дор бөөнэ, — гиж эн келв. (Т. г., 1961, № 1). Дороже этого есть золото под землей, — сказал он.

Послелог **дор** в форме орудного падежа указывает на неопределенное направление, например, **уулын дор-һар** «под горой», а присоединяя **аффикс** исходного падежа, указывает на исходную точку действия чего или кого-нибудь, например: **герин дорас** «из-под избы», **һазр дорас** «из-под земли».

Кроме перечисленных основных пространственных значений, послелог **дор** выражает дополнительные оттенки значений. Так, в сочетании с причастием прошедшего времени обычно переводится словом **чем...** и этот послелог часто присоединяет суффикс **-хи** и частицу притяжания **-нь**: **авен дорхиь...** «чем брать»..., **үксень дорхиь...** «чем умереть...».

Послелог **дор** имеет переносное значение, например, **куунае дор** «хуже человека», **чамас дор** «хуже тебя» и т. д.

Таким образом, послелог по своему происхождению соотносится с именными, отглагольными и наречными словами. Количественное пополнение этих слов от различных частей речи происходит весьма интенсивно. Выполняют в предложении служебную функцию, выражая различные синтаксические отношения. Послелог, обозначающие пространственные и временные связи, не ограничиваются двумя-тремя значениями, а их гораздо больше и выявляются они только в контексте. Особенно это характерно для послелогов **дор**, **деер**, **өмн** и др.

КЛАССИФИКАЦИЯ НАРЕЧИЙ ПО ЗНАЧЕНИЮ

Выделение наречия в самостоятельную грамматическую категорию затруднялось отсутствием морфологических средств выражения, общих для всех разрядов наречий. Поэтому большинство монголоведов не выделяло наречие в самостоятельную категорию, а относили его чаще всего к служебным словам. Ошибочность такого подхода к классификации частей речи, основанного только на морфологических признаках, очевидна. Справедливо упрекая авторов грамматик, Д. А. Алексеев пишет: «Исследование частей речи, в частности наречия, при углублении только в знание его формы, в ущерб пониманию его значения, его роли в предложении является основной методологической ошибкой старого монголоведения».¹¹³ Нельзя не согласиться с автором вышеуказанных строк, так как признаки, определя-

¹¹³ Алексеев Д. А. Наречие в бурят-монгольском языке. Улан-Удэ, 1941, с. 60.

ющие и характеризующие наречие, далеко не однородны: «Категория наречия определяется совокупностью морфологических, синтаксических и семантических признаков». ¹¹⁴

Стало быть, учет формальных признаков, лексического содержания и функции слова — необходимое условие при характеристике наречия, именно при таком подходе раскрываются его особенности. Однако, в своем исследовании Д. А. Алексеев, не придавая должного внимания морфологическим признакам, которые, по мнению автора, недостаточно развиты и «находятся на стадии своего оформления», исключительно важную роль придает синтаксическим признакам, именно таким путем восполняется категория наречия, и, выражаясь словами Д. А. Алексеева, «наречиями становятся те или иные слова не по их только форме, а по их функции ... по их роли в предложении». ¹¹⁵

До недавнего времени в тюркологии под «синтаксической функцией» определенная часть лингвистов понимала «возможность» употребления частей речи в роли членов предложения, другие под этим термином «понимали омонимичность частей речи». ¹¹⁶

Таким образом, становится очевидным, что характер сочетаемости, их функции служили единственным и решающим фактором при отнесении слова к той или иной части речи. Надо признать, что чрезмерное увлечение Д. А. Алексеевым синтаксическим принципом и переводческим подходом не только не устанавливает границы между морфологией и синтаксисом, а наоборот, создает определенное затруднение при отнесении слова к той или иной лексико-грамматической категории. Точка зрения Д. А. Алексеева подверглась резкой критике. Г. Д. Санжеев по этому поводу высказался следующим образом: «Переводческий подход к явлениям бурят-монгольского языка и голый синтаксический принцип определения частей речи совершенно очевидны». ¹¹⁷

¹¹⁴ Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.-Л., 1947, с. 338.

¹¹⁵ Алексеев Д. А. Указ. соч., с. 60.

¹¹⁶ Ширалнев М. Ш. О синтаксической функции частей речи. — В кн.: Структура и история тюркских языков. М., 1971, с. 176—177.

¹¹⁷ См.: Материалы научной конференции по вопросам бурят-монгольского языка. (26—31 января 1953), Улан-Удэ, 1955. с. 7.

Если для наречия русского языка их неизменяемость является важным морфологическим признаком и это, в свою очередь, дает основание для их выделения в особую часть речи, то упомянутая особенность для монгольских языков также может служить одним из критериев, но с определенной оговоркой, так как в этих языках, помимо наречий, имеются другие классы слов, являющиеся неизменяемыми, в частности, имена прилагательные, которые, к тому же, по некоторым своим морфологическим признакам сближаются с наречиями. Это еще раз подтверждает существующее положение, что недостаточно одних морфологических признаков для выделения наречий в отдельную лексико-грамматическую категорию. Поэтому следует еще учитывать семантические и синтаксические особенности.

О неприемлемости односторонней функциональной характеристики частей речи в монгольских языках проф. Т. А. Бертагаев пишет: «При классификации частей речи невозможно ограничиться односторонним подходом и руководствоваться одним каким-нибудь признаком: морфологическим или функциональным, или только семантическим. Слово многогранно, и оно является средоточием всех, указанных здесь, существенных признаков. Поэтому его надо брать во всем комплексе присущих ему основных признаков, если мы хотим определить его место в ряду грамматических классов слов. Какой из этих признаков займет в таком комплексе основное место, зависит от структуры данного конкретного языка».¹¹⁸

Именно такая комплексная характеристика с учетом всех трех признаков — морфологических, синтаксических и семантических — создает все условия правильной и всесторонней классификации частей речи.

Однако в последнее время эти слова в значении наречия употребляются в оформленном виде, так, при помощи адвербального суффикса *-аһа//-эһэ* они становятся только наречиями времени: *өрүнэһэ* «утром», *асһаһа* «вечером», *үвлэһэ* «зимой», *зунаһа* «летом» и др.

¹¹⁸ Бертагаев Т. А. О комплексной характеристике частей речи. — Вопросы теории частей речи. Л., 1968, с. 241. Севортян Э. В. К проблеме частей речи в тюркских языках. — Вопросы грамматического строя. М., 1955, с. 188.

Кроме того, они оформляются аффиксами пространственных падежей чаще с притяжанием. Наличие различных форм (асхнаһа «вечером», асхар «по вечерам», асхдан «вечером», асхлад (асхлжаһад) «под вечер, вечерком» и формы от других слов), очевидно, связано со стилистическими оттенками значений аффиксов.

Известно, что морфологические признаки далеко не одинаково развиты у частей речи в различных языках. Даже среди родственных языков монгольской группы можно отметить некоторые особенности: 1) наличие суффикса -аһа//эһэ, который отсутствует в бурятском и монгольском языках; 2) более ускоренное закрепление аффикса -ар//эр за наречиями образа действия по сравнению с другими монгольскими языками и др. — все это вызвано, вероятно, своеобразием окружающей среды, в которой калмыцкий язык в течение вот уже нескольких столетий идет по иному пути развития, чем бурятский и монгольский языки.¹¹⁹

Слова энд «здесь», теид «там», өми «вперед» урд «раньше», ставшие уже наречиями, морфологически представляют собой омертвевшие формы дательного падежа, основы которых не имеют самостоятельного употребления и значения, как бы изолировались в данной падежной форме, выпали из парадигмы того класса слов, к которому раньше относились, и «застыли», превратившись в неизменяемые слова.

Однако ряд монголоведов считает наречие именами «дефектными» и «неполного склонения», тем самым не признает неизменяемость как один из критериев выделения слов данного класса, оперируя следующими примерами: деер «вверх», деерэс «сверху», энд «здесь», эндэс «отсюда»; альд «где», альдас «откуда», альдаһур «по какому месту», альдаран «куда» и т. д.¹²⁰ На наш взгляд, данное явление следует рассматривать не как словоизменение, а как один из способов образования наречий, где аффиксы дательного, направительного и исходного падежей выполняют не словоизменятельную функцию, а словообразовательную, получив

¹¹⁹ Сусеева Д. А. Указ. соч., с. 14.

¹²⁰ Илншкпи И. К. Сопоставительная грамматика русского и калмыцкого языков. Элиста, 1969, с. 219. Бадмаев Б. Б. Грамматика калмыцкого языка. Элиста, 1966, с. 97.

при этом новое значение более обобщенного характера. Сравните, слова үдлэ «в обед», үд+аффикс соедин. п.-лэ. Все эти формы выпали из парадигмы, изолировались и перешли в наречия времени.

Следовательно, основным морфологическим признаком наречия является неизменяемость формы. Критерий неизменяемости наречий понимается нами следующим образом: так как наречия в большинстве случаев внешне представляют собой «омертвелые» формы именных и глагольных основ, неизменяемость устанавливается на основании соотносительности наречия с соответствующими именными и глагольными формами с обязательным учетом значений (реального и обобщенного). Обособившаяся наречная форма мыслится независимо от исходной формы, превращаясь в новую самостоятельную лексему, т. е. выпадение одной падежной формы из падежной системы имени.¹²¹ Например, өр «рассвет» — өрлэ «на рассвете», сүл «конец» — сүүл-днь «после», «потом».

Не менее важным морфологическим признаком является и то, что они соотносительны с 1) существительными: күчнэс илгэх «отправить насильно», хавраһа тэ-рх «сеять весной», өрүһэр одх «ходить утром» и др.; 2) прилагательными: төвшүнэр келх «говорить спокойно», мууһар күцэх «плохо выполнять», шинэс бэрх «заново отстроить» и др.; 3) числительными: негдвэр «во-первых», дөрвүлн «вчетвером», нежэдэр «по-одному» и т. д.; 4) местоимениями: миннһэр «по-моему», таһа-һар «по-вашему» и др.; 5) глаголами и отглагольными формами: таастаһар «со вкусом» от таасх «нравиться», үктлэн «до смерти», адһн-шидһн «торопливо», цадтлан «досыта» и т. д.

Таким образом, соотносительность наречия с другими частями речи показывает, что этот класс слов образуется и пополняется за счет других частей речи при помощи различных суффиксов от застывших падежных форм, адвербиализации и т. д., а также свидетельствует, что наречие, по сравнению с вышеуказанными категориями, является относительно поздней частью речи, которая постоянно количественно пополняется за счет имен существительных, прилагательных и т. д.

¹²¹ Тихомирова Т. С. К вопросу о переходности частей речи. — Филологические науки № 5, 1973, с. 83.

Примеры:

1) Эди цуһар эвртэ биһлицхэнэ, — орсар чигн, хальмгар чиги. (И. Л., Б. з., стр. 77). Все они прекрасно пляшут и по-русски, и по-калмыцки. Папа, эмти чамаг өңгөр орм эзлжэнэ гиһэд келэд бээнэ. (Б. А., Э. в., стр. 73). Папа, люди ноговаривают, что ты напрасно занимаешь место. Ода Зандаг чеежэр зурнав. (Т. г., № 4, 1970, стр. 76). Сейчас нарисую Занду по памяти.

2) Эврэннь көдлмшин тускар ахрар кел, — гиж директор эврэнһи некв. (З. ү., стр. 16). Кратко расскажи о своей работе — потребовал директор. Экинм зүс-зүркнь минн нүднэ өмн барлгдад, тодрхаһар үзгдэд һарч ирнэ. (Б. А., Э. в., стр. 39). Образ моей матери отчетливо представился перед глазами.

3) Гурвули иртн, — гиж Николай Семенович келв. (З. ү., стр. 3). Приходите втроем, — сказал Николай Семенович. Удлго дуудулси улс нежэдэр-хошадар сельсоветур ирцхэв. (К. А., Н. т., стр. 41). Вскоре вызванные люди по-одному, по-два пришли в сельсовет. Талин һазр жилд нег көкрхлэ, хальмг тег хойр дэжж көкрнэ: хаврт боли намрт. (Н. М., Боова, стр. 5). Если в иных местах земля раз зеленеет, то калмыцкая степь дважды зеленеет: весной и осенью.

4) Ольда орст ирэд эврэнһэрң келэд үкрэн сурна. (Э. К., Н. х., I, стр. 67). Ольга приходит к русскому и по-своему (на родном языке) просит освободить корову. Минниһар болхла, хургин шнидвр һарһад, Делэг һар дээрэн даалһж авхми. (З. т., стр. 69). По-моему, определив решение собрания, Делю нужно взять на поруки. Таһаһар чиги болг, — гиж келэд, үүднэ өөр йовси Иванг татж зогсав. (З. ү., стр. 11). Пусть будет по-вашему, — сказав, остановил Ивана, находившегося около двери.

5) Хойр шүдим кү тусва. (Т. г., № 1, 1970, стр. 163). Два моих зуба совершенно выбыл.

Хойр һардж цокв.

Таш гиж онтрһуд һал задрад,

Арви: хойр ирһи кү тусв (Дж., 104)

Ударив двумя руками,

В небе вспыхнул огонь,

И двенадцать лезвий вдребезги разлетелсь.

Эн жолмиг би үкн-үктлэн мартш угав. (Б. Б., Э. ц. ү. Эту жоломейку я до смерти не забуду. Адһм-шидһм ху-

стган хусад, үлдсн бичкн цаасндай һал орулад, бээсн чйдлэри чацг гидгэр хээкржэнэв. (Т. М., Ц. һ., стр. 35). Торопливо чиркнув спичкой, поджег оставшуюся бумагу и что есть мочи стал сильно кричать.

Основная синтаксическая функция наречия — быть в предложении обстоятельством. Примыкая к глаголу, наречие выражает функцию различных обстоятельств, а именно:

а) функцию обстоятельства образа действия. Например: арһул орх «тихо зайти», сээнэр көдлх «хорошо работать», байртаһар тосх «радостно встретить», чацһар келх «громко говорить» и др.

Примеры:

Не хэрти, — гиж күүкн арһул, ахрар келв. (И. Л., Б. з., стр. 35). Так вы идите, — тихо и кратко сказала девушка. Даалгдсн керг мууһар күцэгдж йовна гиж бас келж болшго, яндг болв чиги, ямаран эв-арһ олзлдг болв чиги, эн хойр сельсоветд эмти нк зуудад колхозд орулгдв. (Д. Б., Ч. х. II, стр. 3). Нельзя сказать, что порученное дело выполняется плохо, чтобы там ни было, какие бы методы и средства не использовались, в этих двух сельских советах большая часть людей уже в колхозе. «Айджа, сээнэр ухалх кергтэ, шинжлх кергтэ», — гиж эцкнь келв. (И. Л., Б. з., стр. 57). «Подожди, нужно хорошо обдумать, взвесить», — сказал (его) отец.

б) Функцию обстоятельства меры и степени: баһар өгх «мало дать», таг сохр «совершенно темно», эрэ күрх «еле добаться» шал согту «совсем пьяный» и т. д.

Примеры:

Школдан олна төрт баһар орлцдг болв гиж зэңг чиг ирв. (М. Д., Санл., стр. 30). Пришло известие, что в общественной работе школы принимает мало участие. Сальки улм шүрүдэд, кинти улм чацһрад бээв. (Б. Б., Ө. ц. ү., стр. 55). Ветер все усиливается, мороз еще крепчает. Цадтдан у, үктлэн бичэ март. (Х. ү. боли т.т., стр. 85). Досыта ешь, до смерти не забудь.

Үзнь алдр хана бийнь
Һурви зун шавта
Эрэ һарси билэ. (Дж., стр. 97).
Даже великий хан Узен
С тремястами ранами
Еле вырвался.

в) Функцию обстоятельства места: ормдан суух «сидеть на месте». өмнэснь нарх «выходить навстречу» и др.

Примеры:

Одн Цаһан хэрү

Ормдан сууһад:

Жацһрад арслнгни арг улан Хоцһр

Гидг баатр бөөнэ гилэ.

Наид орхнь ямр жүчтэ тер,—гив. (Дж., стр. 74).

Одон Цаган, усевшись снова на место:

У Джаңгара богатырь по имени Храбрый Лев

Улан Хонгор есть говорят,

По сравнению со мной, каков он силюю?

Эргндэн — тег, эднэд — сад. (Б. А. Э. в., стр. 62).
Кругом — стень, у них — сад.

Өмнэснь нари-сар болгсн сээхн бер

Пири йиси күчи төгсгсн идәһән авад,

Мана ах ундасж, өлсж йовх гиж

Дуули аашхнь үзгдв. (Дж., стр. 69).

Навстречу луноликая девушка, распевая песню, идущей показалась, держа в руке еду: «Наш брат, быть может, испытывает жажду и голоден», — решив.

г) Функцию обстоятельства времени: асхнаһа «вечером», өцклдүр «вчера», тингхд «тогда» и др.

Примеры:

Ахлачһр район орад хургт одла, асхндан оратж ирихэхми. (К. А., Н. т., стр. 17). Начальство уехало на собрание в район, прибудет поздно вечером. Өцклдүр зам билэв, эидр лам болв. (Д. Б., М. о., стр. 22). Вчера был поваром, сегодня стал ламой.

д) Функцию обстоятельства причины и цели: согтуһар «спьяна», зөрц «назло» и др.

Примеры:

Согтуһар би таид өцклдүр хажһр үг келжүв. (Н. М.) Спьяна у вчера вам наговорил неприятные слова. Юцгад гихлэ, эднэ үвлзигүдһь нег-негнэсн зөвэр уужмд бөөнэ. (З. ү., стр. 14). Потому что их зимовки расположены друг от друга довольно далеко. Тингхлэ немшир самолете тэвэд, ман деер бомб хайв. (Н. М., Боова, стр. 8). Тогда (потом) немцы направили самолеты и сбрасывали на нас бомбы.

Не менее важную роль играют синтаксические осо-

бенности наречий — характер сочетаемости их с другими частями речи.

Наречие, обозначающее признак действия, чаще сочетается с глаголом и отглагольными формами. Так, например: хурдар йовх «быстро идти», чаңһар келх «громко говорить», мууһар умшх «плохо читать» и др. Однако в последнее время наметилась тенденция, когда наречие (в ненулевой форме) может находиться на определенной дистанции от глагола. (Подробно об этом см. ниже). Для иллюстрации приведем несколько примеров. Хальмг өргн тег төвшүнэр, санамрар нөөрэн авчала. (Д. Б., Эзн, стр. 22). Широкая калмыцкая степь спит спокойно и безмятежно. Юуни арһар болв чиги шулуһар рапорт өгхэр сед, Сокту, — гиж Чонд дэки давтж келв (Д. Б., Эзн, стр. 54). Любым способом, Сокту, надумай быстро подать рапорт, — повторно сказал Чону. Тер күүнчи энд ирсн бээнэ, — гиж ик эвлүнэр мөшкөч толһаһинь илж сурв. (Э. К., II, стр. 9). Тот человек уже здесь находится, — довольно примирительно (мягко) сказал следователь, поглаживая (его) по голове.

Наречие, обозначающее признак признака, обычно сочетается с прилагательными или с другими наречиями со значением усиления: йир, мел, дегд, берк например: дегд сээнэр «очень хорошо», зөвэр хол «довольно далеко» и др.

Примеры:

Хойр нүднь йир жөөлнэр таалж хэлэнэ. (Э. К., II, стр. 156). Глаза ее очень мягко, ласково смотрят. Эк эцк хойриь дегд икэр зовад бээв. (Х. т., стр. 154). Родители очень много страдали. Бадм, мел чик, биди эи хоорид прэд бэн гижэнэлм. Бадма, совершенно верно, мы ведь будем навевываться. (К. А., II, стр. 13). Мөрэн герин өми зөвэр тедүки чөдрлчкэд, аавла ю-бис күүндэд суула (Э. К., II, стр. 9). Стреножив своего коня на довольно значительном расстоянии перед домом, (он) сидел и разговаривал с дедушкой о том, о сем. Энци йир сээнэр бичнэ, — гинэд Ута дэки нег умшчкэд, — айта гидг шүлг болж. (Э. К., II, стр. 83). Он очень хорошо пишет, — сказал Ута, и еще раз прочитав: Очень хорошее стихотворение получилось. Тагчг бээдг учринь дегд сээнэр меднэч. (Т. г., № 1, 1970, стр. 133). Причину ее молчания ты ведь сам очень

хорошо знаешь. Булһн улм уралан йовад йовна. (Б. Б. Ө. ц. ү., стр. 18). Булгап еще больше устремилась вперед.

Таким образом, что такое наречие, и что оно представляет собой в калмыцком языке как самостоятельная лексико-грамматическая категория.

Наречие — это класс неизменяемых слов, морфологически соотносительных с именами существительными, прилагательными, числительными, местоимениями и глаголами, обозначающий признак действия и признак признака, выступающий в предложении в функции обстоятельственного члена и присоединяющийся к глаголу способом примыкания.

В современном калмыцком языке категория наречия по своей семантической функции делится на: 1) наречия качественно-определятельные; 2) наречия обстоятельственные. Внутри каждой группы имеются свои подгруппы. Так, качественно-определятельные (наречия) подразделяются на наречия образа действия и количественные наречия, которые, в свою очередь, делятся на другие подгруппы, а обстоятельственные подразделяются на наречия места, времени, причины и цели.

Качественные наречия

Качественные наречия выражают качества действия или состояния, различные их свойства или признак признака с качественной стороны. Они вносят в их значение новые добавочные признаки или же выражают качественную характеристику различных нюансов действия. Так, например: чацһар келх «громко говорить», мууһар умшх «плохо читать», сээнэр көдлх «хорошо работать», эрэ келх «еле говорить» и т. д.

Качественные наречия показывают, как или каким образом совершается действие, и примыкают к глаголу, реже — прилагательному и наречию.

Наречия образа или способа действия

К качественным наречиям относятся наречия образа или способа действия. Они отвечают на вопрос *яһж?* как? *ямр кевэр?* каким образом? Например: хурдар йовх «быстро идти», лимгэр керчх «тонко нарезать»,

сээнэр умшх «хорошо читать», гүүнэр саналдх «глубоко вздохать», төвшүнэр келх «спокойно говорить» и др.

Примеры:

Көвүн, элго, төвшүнэр кел. (Э. Б., С., стр. 22). Мальчик, не бойся, говори спокойно. Тиим болхла, нег нэрэр шинжлж хэлэх кергтэ. (Д. Б., Ч. х., II, стр. 28). Раз так, тем более надо тщательно изучить. Шидрэс чини табельд «дөрвн» гидг темдгүд элвгэр үзгдженэ. (М. Д., Санл., стр. 28). В последнее время в твоём табеле отметка «4» стала часто появляться. Ода тедн тигж амрар бэргдж өгш уга. (Э. Б., С., стр. 5). Теперь-то они не так легко попадутся. Энүнэ келсн үгиг малчнр, хөөчнр болн специалистнр ик халунар дөцнв. (Х. ү., 16/V-72 г.). Его высказанные слова очень горячо поддержали пастухи, (животноводы) чабаны и специалисты. Экнь күүкн талан хэлэхэд гүүнэр саналдчкад, Манжта үгэн сундв. (Э. К., Ы. х., II, стр. 20). Мать, посмотрев на дочь, глубоко вздохнув, продолжила свой разговор с Манджи.

В численном отношении наречия образа или способа действия представляют собой довольно обширную группу.

Внутри наречий образа и способа действия можно выделить довольно многочисленную группу наречий, которая в структурном отношении заметно отличается от вышеперечисленной тем, что она представляет собой двойные падежные формы, и характеризует действие с качественной стороны, но передает при этом отдельные оттенки действия. Отвечают на вопросы как? каким образом? Например, байртаһар «радостно», оньгтаһар «внимательно», адһмтаһар «торопливо», айстаһар «мелодично», эвтәһар «ловко», күчтәһар «сильно, мощно».

Примеры:

Эрдни арһул ирэд, Кермәшин ард зогсад, шин ай-сиг оньгтаһар соцсла. (Б. А., Э. в., стр. 119). Эрдни, тихо приблизившись, остановился позади Кермен и внимательно слушает новую мелодию. Тадид йир икәр ханжанава, — гиж байртаһар Овла келэд, Сергей Васильевичлә һар атхлдв. (И. Л., Б. з., стр. 122). Очень вам благодарен, — радостно (обрадованно) сказав, Овла пожал руку Сергея Васильевича. Ода чини болн Ардтана эцкин тускар тодрхаһар медхәр седләв. (Б. А., Э. в., стр. 33). Теперь я хотела подробно узнать о тво-

ем товарище и отце Аралтана. Тегэд чигн маниг ик онь-таһар сурһжана. (Э. К., I, х., II, стр. 116). Поэтому нас очень внимательно обучают. Сергей адһмтаһар хувцан өмсэд һарч ирв. (Б. А., У. э. б., стр. 45). Сергей торопливо одевшись, вышел. Би, эгч Шуран сүүвдж йовси һаран шүрүтәһәр татж авад, ууртаһар сурв... (Т. г., № 4, 1970, стр. 67). Я, резко выдернув руку из-под руки сестры Шуры, зло спросила ...

К наречиям образа действия относится незначительная группа глагольных наречий, названная в монголо-ведении усеченной основой глагола (**хамх, мулт, суһа**, и т. д.). Эта группа наречий образа действия интересна не только по своей структуре, но также по своему значению. Своеобразием является и то, что они употребляются только с глаголами и максимально (до определенного результата действия) усиливают значение действия, отвечают на вопросы как? каким образом? Например: хуһ тусх «резко падать», кү цокх «вдребезги разбить», хамх цокх «в щепы разбить» и др.

Эти усеченные формы глагола, употребляющиеся с глаголами, трудно переводимы на русский язык. Однако для них характерно общее значение «сильно», «вдребезги», «резко» и др.

Примеры:

Арви хойр иртә балтнь хуһ тусад,
Зооһин махнд шигдэд, ястад одв. (Дж., стр. 177)
Двснадцатилезвовая секира, резко падая,
Пронзила позвоночную мякоть.

Гитлеровцириг шулун болдгар **хамх цокх** кергтә. (Д. Б., М. о., стр. 109). Нужно как можно быстрее разбить гитлеровцев. Мини зүркн хаһ тусв, мини судид тас тусв. (Т. г., № 4, 1970, стр. 67). Сердце мое совершенно замерло, сосуды мои чуть не лопнули. Хойрдгч сумарий Эрдниг хахар седхләнй кевэчнь тес тусад, тасрад одв. (Д. Б., М. о., стр. 143). Когда второй пулей хотел выстрелить в Эрдни, тетива у лука резко оборвалась.

В состав наречий образа действия входят парные образования. Для них характерной особенностью является то, что второй компонент чаще присоединяет морфологический показатель -ар//-эр. По своему значению они отличаются от одиночных наречий образа действия тем, что придают дополнительный оттенок действию:

усиленность, прерывность, длительность и т. д. Каждый компонент данного сочетания может самостоятельно выступать в ненулевой форме наречием образа действия. Парные наречные образования, составленные из качественных прилагательных, по своему значению эквивалентны в переводе русским типа «быстро-быстро», «крепко-крепко», «сильно-сильно» и т. д. Например: чаңһ-чаңһар «сильно-сильно», шулуун-шулууһар «быстро-быстро», му-мууһар «плохо-плохо» и др.

Примеры:

Цаһан тиггэд зогсж бээһэд генткн шулуун-шулууһар ишкэд; гер талаи йовад одв. (Б. Б., Ө. ц. ү., стр. 16). Так простояв Цаган, вдруг быстро-быстро ступая, направилась к (своему) дому. Эрэн цоохр өөктэ махи Доржа гелц тоцһргар эвтэ-эвтэһэр утлж авад, адһен бөөдлтэһэр ааһта шүүснд шүүслж авад, ховдгар үмкэд идэд бөөнэ. (Т. М., Ц. һ., стр. 10). Гелюнг Дорджи, ловко нарезав перочинным ножом мясо с прослойками жира, торопливо опустив в соус (подливу) и жадно откусив, стал есть. Саахна чаңһ-чаңһар Любан келжэси үгинь үүдн һатцас соңсен Боова тесж чадлго, орж пр-сьн тер билэ. (М. Д., С., стр. 7). Недавно услышав через дверь громко-громко сказанные Любой слова, поэтому-то Боова вошла, не вытерпев.

Конструкции сравнительной степени наречий

В отношении степеней сравнения среди монголоведов нет единого мнения. В этих образованиях отсутствуют внешние средства, которые имеются, скажем, в русском языке. Однако значение степеней сравнения в монгольских языках передается специальными конструкциями.

Ряд монголоведов (Д. А. Алексеев, Б. Х. Тодаева) считают, что качественные имена прилагательные, содержащие суффиксы субъективной оценки -вар, -шиг, -хан, являются сравнительной степенью. Между тем, эти суффиксы указывают на неполноту или ослабление качества. Поэтому смешивание степени сравнения со способом выражения усиления или ослабления качества приводит к нежелательным выводам.

Сравнительная степень наречий в калмыцком языке образуется от качественных прилагательных и от неко-

торых обстоятельственных наречий места. Наречные степени сравнения часто внешне совпадают со степенями сравнения прилагательных, но первые в отличие от последних принимают аффикс -ар//эр, относятся к глаголу и определяют его, выполняют обстоятельную функцию образа действия. Существующая специальная стереотипная конструкция: имя в исходном падеже плюс наречие с -ар//эр, является почти единственным способом выражения сравнительной степени наречий. Однако слова **деер**, **дор** переосмысливаясь, часто участвуют в образовании наречий сравнительной степени, иногда эти слова находятся в абсолютном конце предложения, и в таких случаях они несут иную функциональную нагрузку — функцию присвязочного члена (сказуемого).

Таким образом, в калмыцком языке нет сравнительной степени наречий в том понимании, как в русском языке, а существует специальная конструкция (имя в исходном падеже плюс наречие), которая по значению равнозначна сравнительной степени наречий русского языка. Сравнительную степень наречий должны рассматривать по соотнесенности к глаголу, сравнительную степень прилагательного — по соотнесенности к существительному.

Примеры:

Жигтэ юми, күүнэ зург, — гинэд, **би урдаснь үлүһэр** алцрив. (Б. А., З. э. к., стр. 52) Странно, фотография человека, — сказав, я больше прежнего удивилась. Ямаран бээхинь ванас **деэрэр** меддг болхт. (Э. Б., С., стр. 16). Должно быть, вы лучше меня знаете как живут. Буурл **һалзнь гүн эвшән** кели йовна: **үүнэс үлү гүүдг хурдн уга**, эврә арһари арһлж үзхичи, — гив. (Дж., стр. 70). И говорит Лыско: не могу быстрее этого бежать, сам ници возможность ускорить (бег). Шорһлжи нүдн уга болв чиги нүдтә **эмтнэс хурдар** йовдг. (Х. ү. боли I т., стр. 39). Хотя у муравья отсутствует зрение, но (он) быстрее людей передвигается.

Превосходная степень наречий

Наряду со сравнительной степенью наречия существует превосходная, которая выражается посредством слов-усилителей: маш «очень», йир «слишком», дедг

«особенно», эвр «очень», цур «совершенно» и др., указывающих на интенсивность действия.

Примеры:

Хойр-хурви хонгт беи деер кевтүв, нааран харч ирен угав, тер бийиь эи гер дотр юн болжахиг дегд сээнэр меднэв (Б. А., З. э. к., стр. 43). Два-три дня пролежала на печи, сюда не выходила, но тем не менее очень хорошо знаю, что пропеходило в этом доме. Зуна цагт нарн **ики эрт** серно. (З. ү., стр. 33). В летнее время солнце всходит очень рано.

Внутри качественных наречий образа и способа действия выделяются лексикализованные наречия, выражающие неполноту действия или передающие оттенки значений быстро совершающегося действия.¹²² Например, өндс гих «резко приподняться», үкс гих «торопливо (что-либо делать)», түдс гих «внезапно, неожиданно приостановиться», адһс гих «одновременно (что-либо совершить)», тольс гих «быстро промелькнуть» и др. В этих наречиях изменяется служебный компонент **гих** (гих, гихэд и т. д.), который вносит при этом дополнительный оттенок действию.

Однако, если служебный компонент **гих** принимает лично-притяжательные частицы -чи, -ти, то все сочетание выражает дополнительный оттенок, который передается этими частицами.

Следует отметить, что многие из перечисленных примеров часто употребляются без вспомогательного компонента **гих**. При этом основное значение сохраняется. Это обстоятельство наводит на мысль, что конечный -с в словах **үкс, түдс, гедс, тодс** и др. можно рассматривать как суффикс со значением неполноты и быстро совершающегося действия.

Примеры:

Өмнэһэри гүүж харси гөрэсиг би тодс үзв. Я ясно увидел сайгаков, пробежавших передо мной. Эи хойриг орж аашхиг үзчкэд, Баату үиндэи икэр байрлж ормаси үкс босж, үүднүр тосж, инэж харинь чаңар атхж мөндлв. (Д. Б., Ч. х., стр. 9). Увидев входящих, Баату понастоящему обрадовался и, торопливо встав с места, направился к двери, и смеясь обменялся крепким

¹²² Пюрбеев Г. Ц. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис сложного предложения. Элиста, 1979, с. 49.

рукопожатием. Хот гихлэ үкс, мал гихлэ гудс (посл.). Говорят о еде — резко поднимается, говорят о работе — остается на месте.

Небольшая группа наречий (йир, зөвэр, дегд, берк и др. со значением «весьма», «довольно») генетически восходящая к различным частям речи, присоединяется обычно то к качественным, то к обстоятельным наречиям и обозначает степень качественного и обстоятельного признака. Эти наречия меры и степени широко употребительны в калмыцком языке.

Примеры:

Чирэдэп цаһан пумад зөвэр зузанар түркж. (Э. К., т. х., II, стр. 16). Лицо (ее) было намазано довольно толстым слоем пудры. Экинь орсар йир сээнэр келнэ, панд йир дурта. (И. Л., Б. з., стр. 77). Мать (ее) довольно хорошо говорит по-русски, очень меня любит.

Из приведенных примеров наглядно видно, что наречия меры и степени **зөвэр, дегд, йир** и др. дополняют признак, заключенный в другом наречии, указывают на степень признака и выражают качественно-определятельные отношения. Однако эти наречия, в силу своей семантики, обозначают меру и степень с различными оттенками усиления или ослабления качества или признака.

Перечисленные наречия, по нашему мнению, стоят на грани между качественными и количественными наречиями, даже качественная характеристика в некоторых из них преобладает.

Наречия совместного и одиночного действия

К группе качественных наречий образа или способа действия относятся наречия совместного и одиночного действия. Наречия, относящиеся к данной группе, не характеризуют качества действия, а указывают на способ совершения действия. Они немногочисленны. Отвечают на вопросы *яһж? как? каким способом?* Например, *хамдан «вместе», онцдан «в одиночку», «отдельно».*

Примеры:

Тегэд, тендэн йова йовж, хамдан йовси оре нөкдирэс дасж авси эрдм — эн һарин ури эрдм болв. (Д. Б.,

Ч. х., стр. 211). Там я у русских друзей научился столярному делу, которое стало моей специальностью.

Количественные наречия

Внутри качественно-определятельных наречий выделяются количественные наречия, которые по своей морфологической структуре представляют собой довольно пеструю картину. Количественные наречия выражают количество действия и отвечают на вопросы кедү? сколько?

Количественные наречия, измеряющие количество качества в числах

Разделительные числительные, оканчивающиеся на -ад// -эд, образуют наречия совокупности.¹²³ Часто эти числительные употребляются в парных и удвоенных сочетаниях, и тогда второй компонент присоединяет аффикс орудного падежа. Например, нежэд «по-одному», хошадар «по-двое», хурвад-дөрвэдэр «по трое-по четыре» и др.

Примеры:

Хөөдэн хайчкад цугтан нег назр йовхмн биш, нежэдэр одх болввидн. (Т. М., Ц. Н., стр. 20). Оставив овец мы не должны одновременно уйти, а договорились по-одному. Багшир **нежэд-хошадар** хардад, классудар орлдад бээцхэв. (М. Д., Санл, стр. 48). Учителя, выйдя по-одному, по-двое, разошлись по своим классам.

Собирательные числительные, оканчивающиеся на -ули// -үли, образуют наречия со значением совместности. Например, тавули «впятером», хурвули «втроем», арвули «вдесятером» и др.

Примеры:

Ладыг арвули мордулж. Аду провожали вдесятером. Мшннһэр болхла, ода хоюрн одад күүндхмн. (М. Д., Санл, стр. 11). По-моему, сейчас вдвоем пойдем и поговорим.

Выражение неопределенного количества **эрвжго, не-**

¹²³ Орловская М. Н. Способы образования производных наречий в монгольском языке. — В кн.: Исследования по восточной филологии. М., 1972, с. 193.

вчк баахн (ар), цөөкн (эр), дала, оln, кесг, икэр и др. представлено в калмыцком языке небольшой группой наречий. «Слова кесг, оln, дала, цөөкн и др. — пишет Б. Х. Тодасва, — обозначают понятия относительные. Это может быть или очень много, или очень мало, но неизвестно как мало и в каком смысле велико».¹²⁴ Среди перечисленных количественных наречий, некоторые склонны к определению степени признака в сочетании с прилагательными. Наречия **баахнар**, **икэр** употребляются только с глаголом и не встречаются в адъективных словосочетаниях.

Примеры:

Наар, хоюри невчк күүндий. (З. т., стр. 199). Иди сюда, вдвоем немного поговорим. Эн өдр сельсоветд эмги дала билэ. (Б. А. З. э. к., стр. 224). В этот день в сельсовете народу было много. Болв цөн минут давхла гиичнрин харсачнр зокал эвдв. (Х. ү., 1972). Но прошло несколько минут, защитники гостей нарушили правило. Альд болвчи эмти олар цуглрж, хальмгин искусствар соньмсж хэлэжэнэ. (Х. ү., 1972). Много собравшихся людей с интересом смотрели на калмыцкое искусство.

Обстоятельственные наречия

Обстоятельственные наречия — один из многочисленных разрядов и отличаются от качественных не только внешне, но также по своим семантическим признакам. Они указывают на внешние обстоятельства действия или состояния, выражают общую обстановку совершения действия, не внося при этом никаких изменений в значение подчиняющегося ему слова. Обстоятельственные наречия подразделяются на: 1) наречия места: ард «позади», өмн «вперед», холд «далеко», герэдэн «домой» и др.; 2) наречия времени: өшклдүр «вчера», урд «раньше», дац «постоянно», өрлэ «на заре» и т. д.; 3) наречия причины и цели: юцгад «почему», согтуһар «спьяну», тегэд «поэтому», яһад «почему», һацаиднь «назло», зөрц «преднамеренно».

¹²⁴ Тодасва Б. Х. Значения и функции падежей в калмыцком языке. — «Записки», вып. 1, Элиста, 1960, с. 165.

Наречия места

Обстоятельственные наречия места обозначают место совершения действия или указывают на направление движения действия. Наречия места отвечают на вопросы: альд? хама? «где» альдас? хамаһас? «откуда?» альдаһар? хамаһур? «по какому месту?».

В количественном отношении наречия места — один из многочисленных разрядов, образованных от различных частей речи.

Наречия места показывают:

1. место, где совершается действие без каких-либо ограничений и отвечают на вопросы альд? хама? где? Например, деер «наверху», холд «далеко», дор «внизу», ксер «в степи» өөрхнд «недалеко» и т. д.

Примеры:

Тенд, культетанд, доран хонад, **доран** хошлад көдлж йовна. (Б. А., Э. в., стр. 57). Там, на культетане, на месте ночуют, на месте живут и работают. Цуг түрмиг ард үлдв. (О. Г., Тодлвр, стр. 20). Все трудности остались позади. Эрвңги совхоз һанцхари биш, **өөрнь**, **өмн**, **төгәлдән** колхоз болн совхозмуд эврәннь туск һазр малтлдж, аршан болсн усан гүүлгәд аашхана. (Н. М., Х. к. т., стр. 146). Не один совхоз Эрвенга, а рядом, впереди, позади, в округе колхозы и совхозы, вскопав свои участки земли, приближаются вместе с живительной водой.

2. Место, куда действие устремлено, направлено и отвечают на вопросы альдаран? хама? хамаран? куда? Например, уралан «вперед», хооран «назад», нааран «сюда», тигән «туда», өмәрән «вперед», «на юг» и др.

Все эти наречия образованы при помощи возвратной частицы -ан//-ән, которая суффиксировалась с основой, а направление выражено согласной -р.

Примеры:

О-о, манахе ирж йовхмн кевтәмб ... не, менд, менд. **Уралан** һартн ... **нааран** суутн. (Д. Б., Чпк х., II, стр. 9). О-о, кажется, наши идут, ну, здравствуй, здравствуй. Проходите вперед, садитесь сюда. Бадм бас һанздаһ һал кеж авад, **һазаран** һарв. (К. А., Н. т., стр. 11). Бадма тоже, прикурив трубку, вышел на улицу. **Тигән** тер Манж тал йовтн, — гинәд арднь дахвв. (Э. К. П. х., II,

стр. 33). Туда, к Манджи идите, — сказав, я последовал за ним.

Направление действия в калмыцком языке может быть выражено иными морфологическими средствами. Например: **Герэдэн** һашцарн орув. (З. т., стр. 130). Один пошел домой. **Хойр көвүн цээһэн** уучкад, хөөдэн тууһад, **кеерэгшэн** һарһв. (Т. г., № 4, 1972, стр. 109). Двое ребят, допив чай, направили своих овец в степь.

3. Место, откуда исходит действие и отвечают на вопросы **альдас?** **хамаһас?** **откуда?** Например, **һазаһас** «с улицы», «спаружн»; **ардас** «сзади», **холас** «издалека» и др.

Примеры:

Дотраснь хойр-һурвн бичг, **тоһшлад** орачкен газет-мүд унж ирв. (Д. Б., Ч. х., стр. 76). Изнутри выпала два-три письма и сложенные газеты.

Ик хар эмгн

Өмиэсь һарад ирв. (Дж., стр. 44).

Огромная черная старуха

Вышла навстречу.

Бидн кинод одлавидн, — **һиһэд хэврһэсь** **Цецн** үүрэн харсв. (М. Д., С., стр. 11). Мы в кино ходили, — вступился сбоку (со стороны) **Цецн** за товарища.

4. Место, по которому происходит действие и отвечают на вопросы **альдаһар?** **хамаһур?** по какому месту? Например, **теңдээр** «по тому месту», **ардаһар** (**ардаһур**) «по задам», **деерээр** «поверху», **дораһар** (**дораһур**) «понизу», «низом» и т. д.

Следует отметить, что наречия места **деер**, **дор** сочетаясь с глаголами движения, указывают на место, где происходит действие, откуда и по какому месту (**десрэс**, **деерээр**) протекает действие. Однако в сочетаниях **деегүр күн** «высокомерный человек», **дораһар хэлэх** «незаметно посмотреть» они имеют иное, переносное значение.

Примеры:

Хажуһар һир одхш. (Т. г., № 1, 1970, стр. 150). Рядом вообще не проходит. **Деегүрнь** һисн күн һисж йовна. (Х. т., стр. 184). Поверху летят девять человек.

5. На неопределенное место совершения действия. Например, **нег тал** «куда-нибудь», **эн алднд** «где-то поблизости», **энд-тенд** «везде» и др. Обычно неопределен-

ность места в калмыцком языке выражается не определенными морфологическими средствами, а сочетанием знаменательных частей речи или удвоением последних.

Примеры:

Укс гиһэд **нег талакшан** довтлад эрлти, эс гиж хээчлэ харһхт. (Э. Б., Сээхлэ, стр. 45). Как можно быстрее скачите куда-нибудь, иначе будете казнены. Адун **альд болвчи** бээдг болх, шүрүтэ хойр нар бээхлэ арһмж **альд болвчи** олдх. (Н. М., X. к. т., стр. 56). Где-нибудь да есть табун, ну, а если есть сильные руки, где-нибудь да лассо найдется. Чамаг **эн алднд** үзхв гиж санж йовси угав. (Н. М., X. к. т., стр. 105). Я не думал, что могу тебя увидеть в этих местах.

Наречия времени

Наречия времени обозначают время осуществления действия. Они отвечают на вопросы кезэ? когда? кезэ-һэс авн? с каких пор? кезэ күртл? до каких пор? Например, ода «сейчас», дангин «постоянно», саахнда «недавно», маңһдурас (авн) «с завтрашнего дня», асхнас авн «с вечера», ода күртл «до сих пор», үд күртл «до обеда» и т. д.

Наречия времени по своему значению делятся на: 1. Наречия, показывающие, с какого момента совершается действие. Например, түрүлэд «сначала», авгтан «сперва», экнэс авн «с самого начала», даруһас «в скором времени», кезэһэс (авн) «издавна», шинэс «заново» и т. д.

Примеры:

Түрүлэд буруһан сурх кергтэ. (Т. г., № 4, 1970, стр. 77). Сначала нужно извиниться. **Авгтан** эрс тэвдг чолун уга болжала, дэкэд, чолун бээси саамд, зөөдг көлги күртжэхш гилдэд келлджэлэ. (Д. Б., Эзн, стр. 110). Сперва не было кирпича для возведения стен, после, когда появился кирпич, стали поговаривать, что не хватает транспорта. Бадм бидн хойр **эки авгтан** нег-негнэнь седкл медлго, цүүгдждж одн гиввди, — гиһэд Бадм тал хэлэһэд, Захар марзаһад инэжэнэ. (И. Л., Б. з., стр. 60). С самого начала мы с Бадмой, не зная друг друга, чуть было не поссорились, — сказал Захар, посмотрев на Бадму и расплылся в улыбке.

В калмыцком языке наречия, выражающие началь-

ный момент действия, часто сопровождаются послелогам **авн, нааран**, и играют роль одного члена предложения.

Примеры:

Терүнэ тускар **кезэнэс нааран** келцхэнэ. (И. Л. Б. з., стр. 33). Об этом с давних пор рассказывают. Зуг **өцклдүрэс нааран** зовлцгнь номһрж йовна. (Б. Б., Ө. ц. ү., стр. 10). Только со вчерашнего дня боль стихает. **Терүнэс** авн биди таньл-иньг болвдн. (Н. М., Боова, стр. 9). С тех пор мы стали друзьями.

2. Наречия, показывающие, до какого времени совершается действие. Например, ода күртл «до сих пор», маңдур күртл «до завтрашнего дня» и т. д. Обычно эти наречия сопровождаются послелогом күртл «до».

Примеры:

Би ода күртл баавиннь тер эцкрллһ мартхшв. (Б. А., З. э. к., стр. 39). Я до сих пор не могу забыть ту ласку матери. Колхозин һурвн ахлач **сөөни өрэл күртл** күүндв. (Н. М. М. Ы., стр. 21). Три руководителя колхоза до полуночи разговаривали.

3. Наречия, показывающие действие, постоянное во времени, без указания начального и конечного предела ограничения. Например, дац «постоянно», оньдин «всегда», кезэчн «всегда», мөңкинд «вечно».

Примеры:

Үрглждән, жилин дөрвн цагт, үртә-садтаһан амулц менд бээтн. (КРС). Всегда, во все времена года живите со своими детьми в спокойствии и здравии. Мөңгтә күн **кезэчн** байн. (Д. Б., Ч. х., стр. 18). Человек с деньгами всегда богат. ... теднэс көлтә зүркм **дангин** шарклад, зәрмдән кесгтән унтл уга кевтнэв. (Т. г., № 4, 1970, стр. 14). Из-за них постоянно побаливает мое сердце, иногда долгое время лежу, не засыпая. Күүкн күргн хойрм хөөнә кошар **оньдинд** кеер йовцхана. (М. Д., Санл, стр. 7). Дочь и зять мой на кошаре, постоянно находятся в степи.

4. Наречия, показывающие, в течение какого времени происходит действие. Например, миць ода «только что», өдр болһн «каждый день», сөөни дуусн «всю ночь».

Примеры:

Ода трактор **өдрин дуусн** зогсх. (Н. М., М. Ы., стр. 15). Теперь трактор весь день простоят. Селэнэ

тосхлтын көдлмшиг түргдүүлһинд студентһрин тосхлтын отрядмуд **жил болһн** дөңгөн сээнэр күргнэ. (Х. ү., 27/III-1971). В ускорении строительных работ села каждый год хорошо оказывают помощь студенческие строительные отряды. **Минь одахн** тана өмн ирв. (Э. К., Г. х., I, стр. 67). Только что перед вами пришел.

5. Наречия, выражающие неопределенность времени. Например, өдр-сө уга «и днем и ночью», зэрм-зэрм-дэн «иногда», «временами», өөрхнэс «скоро», эн алдид «в это время» и др.

Газрин альд захд
Һарһси үрнь йовхиг
Өдр-сө уга
Онһдин ээжнь санна. (Д. Б., М. о., стр. 95).
И днем, и ночью
Думы матери о родном сыне:
В каких же краях он находится?

Өөрхнэс белн болхмн. (Н. М., Х. к. т., стр. 44). В скором времени будет готова (школа).

Наречия причины и цели

В современном калмыцком языке основные разряды наречий выделены и описаны во всех изданных грамматиках. Если наречия места, времени, образа действия разнообразны и многочисленны и по своему образованию резко отличаются друг от друга, то наречия причины и цели, наоборот, составляют количественно незначительную группу. Большинство монголоведов в своих грамматиках не упоминает о них и поэтому данный разряд не получил должного освещения. К тому же наречия причины и цели не имеют закрепившуюся форму выражения, т. е. для них нет специальных суффиксов, а часто передаются конструкциями, в которых существительное стоит обычно в форме творительного падежа. К наречиям причины и цели относится небольшая группа наречий. Например, зөрц «преднамеренно», нөөрмү-һэр «спросонья», һацаиднь «назло», согтуһар «спьяну», тиигэд «поэтому», яһад «почему», нигэд «потому» и др.

Место наречия в предложении

Известно, что некоторые исследователи монгольских языков считают порядок слов в предложении стабиль-

ным: все члены предложения находятся в строгой последовательности.¹²⁵ В частности, этой точки зрения придерживается У. У. Очиров, который пишет, что «... первое место в предложении занимает подлежащее, затем дополнение, обстоятельство, и предложение замыкается сказуемым, определение всегда предшествует определяемому».¹²⁶ Однако определенная часть ученых-монголоведов не придерживается указанной точки зрения и признает свободное размещение слов в предложении. Чаще всего для монгольских языков характерно следующее расположение: определение находится перед определяемым, дополнение и обстоятельство перед поясняемым словом, сказуемое — в конце предложения.¹²⁷

В данном разделе рассматривается вопрос о расположении обстоятельств-наречий (места и времени) в предложении в основном на материале калмыцкого языка.

Сочетание качественно-определятельных наречий с глаголами, по мнению некоторых исследователей, воспринимается как единое, неразрывное целое. Однако в последнее время качественные наречия калмыцкого языка могут находиться в некотором отрыве от глагола, но явления такого рода встречаются редко, однако это уже наметившаяся тенденция. Например: Шулуһар байрта ээнгиг баһчудт күргнэв. (Б. А.) «Я **быстро** радостную весть доставлю молодежи». Күчэр көдлмш даалһчкад, дэкад күчэсн уга гнһэд зарһла харһулхий? (Д. Б.) «**Насильно** поручив работу, а после, когда не выполняю ее, хочешь привлечь меня к ответственности». Алтн-Худгин сельсоветин һардачнр төвкнүнэр тер бачм төрмүдэн күчэж көтрэтхэ. (Д. Б.) «Пусть руководители сельского Совета Алтан-Худыка спокойно завершают те неотложные дела».

Обстоятельственное наречие в предложении указывает место и время действия и нередко выступает как самостоятельный независимый элемент, если оно инто-

¹²⁵ Амоголонов Д. Д. Современный бурятский язык. Улан-Удэ, 1958, с. 251.

¹²⁶ Очиров У. У. Синтаксис калмыцкого языка. Элиста, 1964, с. 156.

¹²⁷ Бертагаев Т. А. Синтаксис современного монгольского языка. М., 1964, с. 66. Санжеев Г. Д. Современный монгольский язык. М., 1960, с. 81.

национно обособляется. В этом случае наречие отделяется от сказуемого другими членами предложения. С этой точки зрения считаем неверным высказывание Д. А. Алексеева, утверждающего, что «действие существует ... вне связи с наречием».¹²⁸

Рассмотрим несколько примеров с наречиями места и времени, расположенными в начале предложения: **Зууран** ноштар орл уга ирсн болхла дигтэ харһх бээж. (Э. К.) Оказывается, если бы я по пути не заглянул на почту, как раз бы встретился (с ней). **Гадуур** нь нэгч малгүй, харин дэрс бут ургэлжилжээ (монг. Нанд. Зох. Туув).¹²⁹ «**Во дворе** у него не было ни одной скотины, зато было полно чертополоху и крапивных зарослей». Эндэс хойр мөртэ күн зөвэр чаһи хатрлһар йовж одихав. (С. Б.) «**Отсюда** двое верховых ускакали быстрой рысью». **Өмннь** хальмг келэр тиим шүлгүд сонсад уга билэв, йир сэн шүлгүд болж медгдв. (Э. К.) «Раньше я на калмыцком языке такие стихи не слышала, стихи показались мне очень хорошими». **Эртинэ** теднэ элчир Хараданд кесгтэн бээси билэ. (Э. Б.) «**Недавно** их посланники долго задержались у Харады».

В приведенных примерах выделенные наречия не характеризуют непосредственно глагольную форму, а как обстоятельства места и времени относятся ко всему предложению в целом: поэтому они могут интонационно обособляться на значительном расстоянии от глагола-сказуемого, к которому относятся.

В данном случае не чувствуется той тесной связи, которая так характерна для качественно-определятельных наречий.

Однако наречие места и времени занимает положение перед ним, независимо от того, выступает ли отглагольная форма в качестве определения, дополнения и т. д.: Манж харһуд тус **өмнэн** ширтж хэлэв. (К. А.) Манджи в темноте пристально посмотрел **вперед**. Эмгэн ач охилно **холхноос** ажиглан зогслоо (монг. Гаад Дунд). «Бабушка, заметив внучку издали, остановилась». **Хажуд** суусн баһчуд цуһар дуулдв. (Э. К.) «**Рядом** сидящие молодые все запели». Серн, ахдан **сөө-**

¹²⁸ Алексеев Д. А. Наречие в бурят-монгольском языке. Улан-Удэ, 1941, с. 106.

¹²⁹ Примеры на монгольском языке взяты из материалов лекций Т. А. Бертагаева.

днь үзгдсн зүүдэн келж өгв. (Э. К.) «Проснувшись, я рассказал брату приснившийся мне **ночью сон**». **Маңдур** өрүн түдл уга йов. (Э. К.) «Завтра утром не задерживаясь, выезжай».

Деернь һарси тооснь
Оһтрһуд күрн цоонглад,
Тер маңһсин ориг
Таг дарад йовна.
(Дж., стр. 76)

Пыль, поднявшаяся **наверх**,
Почти до небес достигая
клубами,
Тех мангасов страну
Совершенно окутала туманом.

Наречие места и времени может также находиться непосредственно перед сказуемым в изъявительном, повелительном, желательном и условно-предостерегательном наклонении: Чи **тендәһәр** йов, би **эндәһәр** йовсв. (Т. Т.) «Ты иди по той стороне, я пойду по этой стороне и у дверей хана встретимся». Иимичнь медсн болхнь, чамд одх биш, нам **холахур** йовх билэв. (И. Л.) «Если бы я знала, что ты такой, я бы не только не вышла за тебя, а обходила бы стороной». Бидн эртәснь белдвр кех зөвтәвдн. «Мы должны заранее начать подготовку. Эн халхар тодрха заавр даруд авхт. (Д. Б.) По этому поводу вы в **скором времени** получите подробную инструкцию». Эмтнә залус **герэдән** зөөхлә, эн һәртә зөнг, **һазаран** зөөнә. (Б. А.) «У других людей мужья **домой** несут, а эта бестолочь из дома выносит». Манай хуу төрсон эх эңгээ хол явас **удахгуй** ирнә (монг. Ард. зох.). «Наш мальчик ушел далеко, чтобы провести своих родных, но **скоро** вернется». Нандтуульта дегтр бәәнә гиж би чамд аснаһа келлүсв. (Э. К.) «Я ведь вчера тебе говорил, что у меня есть сказки (букв. со сказками книга)»

Иногда наречие места может находиться в абсолютном конце предложения: тогда оно употребляется в качестве присвязочного члена, часто в сочетании с глагольными связками. Необходимо отметить, что в составе сказуемого наречие места чаще всего встречается в разговорной речи и фольклоре. В калмыцких пословицах и поговорках, когда наречие места находится в конце предложения, оно обычно не сопровождается глагольными связками. Это, вероятно, связано с тем, что такие фразеологизмы, которые по своей природе очень лаконичны и насыщены по содержанию, не нуждаются в лишних компонентах. К тому же появление этих глаголов-связок придало бы им более конкретный, времен-

ный оттенок, что было бы нежелательно для изречений наставительно-поучительного характера. В разговорной речи в этих пословицах и поговорках возможно употребление глагольной связки; это может быть вызвано определенной речевой ситуацией, когда необходимо выразить различные модальные оттенки: уверенность — неуверенность, достоверность или предположение и т. д.

Хуучн үр
Хойр шинэс деер.
Ичр уга элгнэс
Ичртэ дээсн деер.
Ичр үклэс дор.
Күүнэ эрэнһ дотрнь,
Моһан эрэнһ һаза.

Старый друг
Лучше новых двух.
Чем бессовестный родственник,
Лучше совестливый враг.
Стыд — смерти хуже.
Пестрота человека — внутри,
А змеи — снаружи.

В разговорной речи эти пословицы и поговорки часто употребляются с глагольными связками. Ср. Ичр — үклэс **дор** (гидг, болдг, болдмн и т. д.).

Слова, взятые в скобки, придают фразеологизмам различные модальные оттенки. В современной калмыцкой прозе очень редко, но все же можно встретить такие конструкции предложения, которые не характерны для данного языка. Например: Тергнэ төгэ, цанын ул, маажурин шүдн, ай, алык тоотинь келхв, күрз, серэ күртл — мел энд. (Т. г., 1970, № 1, стр. 150). «Колеса телег, полозья саней, зубья граблей, ай, да разве обо всем скажешь, даже лопаты, вилы — все **здесь**».

Очевидно, подобные предложения стали появляться в калмыцком лишь в последнее время.

Таким образом, обстоятельственное наречие места и времени, сочетаясь с глаголами и отглагольными формами, а также с другими частями речи, обычно занимает определенное место: оно может находиться в начале предложения и в этом случае наречие интонационно обособляется и относится ко всему предложению в целом; в середине, а также в конце непосредственно перед глаголом; если наречие служит определением к отглагольной форме, оно всегда предшествует непосредственно ей.

В разговорной речи, а также в пословицах и поговорках наречие места часто перемещается на абсолютный конец предложения, то есть в зависимости от функционального задания оно может менять свою позицию.

В связи с этим возникает вопрос: почему наречия места и времени более свободны в своих позиционных возможностях, чем качественно-определятельные.

Нам кажется, что это связано с семантикой этих наречий, а также с тем, может ли наречие определять все предложение в целом или только поясняемое слово непосредственно. Кроме всего этого, как заметил Т. А. Бертагаев: «Возможность свободного расположения слов обуславливается тем, что сочетаемые слова или одно из сочетаемых слов в монгольских языках в большинстве случаев имеет свои собственные морфологические показатели, которые не позволяют смешивать их со словами иных грамматических категорий и синтаксических функций.

В тех случаях, когда оба сочетаемых слова не обладают такого рода точными и определенными морфологическими показателями, их функции в предложении берет на себя порядок, тогда исчезает возможность свободного расположения слов».¹³⁰

¹³⁰ Бертагаев Т. А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. М., 1964, с. 66—67.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наличие различных точек зрения по исследуемой лексико-грамматической категории свидетельствует о слабой изученности ее — с одной стороны, а с другой — о необычайной сложности данного грамматического явления. Аналогичная картина наблюдается и в других алтайских языках.

Сложность проблемы наречия заключалась в том, что эта лексико-грамматическая категория сопредельна с разными частями речи не только в калмыцком, но и в других монгольских языках. Определенная группа наречий типа *хурдн*, *чанһ*, *бат* и др., характеризующаяся материальной общностью с качественными прилагательными, послужила причиной острых споров в монголоведении; ряд подобных слов рассматривался монголистами, а также тюркологами, как «качественные слова», без дифференциации их на прилагательные и наречия.

Факты калмыцкого языка свидетельствуют о том, что категория наречия включает в свой состав довольно сложную систему далеких друг от друга типов слов. Однако эта категория обладает своими, присущими только ей грамматическими признаками, которые в большинстве своем свойственны наречиям и другим монгольским языкам.

Основная синтаксическая функция наречия — быть в предложении обстоятельством членом. Примыкая, в основном, к глаголу, наречие выполняет функцию различных обстоятельств.

По своей семантике наречие выражает признак признака и признак действия. По своему значению наречия делятся на качественно-определятельные и обстоятельные. Качественно-определятельные наречия распадаются на качественные и количественные наречия. Качественные наречия, сочетаясь с глаголами, характеризуют действие с качественной стороны, показывают различные оттенки действия. Количественные наречия используются для определения количества действия, меры или степени качества. Обстоятель-

ственные наречия обозначают обстоятельства действия, выражают общую обстановку протекания действия. Они делятся на наречия места, времени, причины и цели. Способы выражения причинных и целевых отношений в калмыцком языке различны.

По своим морфологическим признакам наречие характеризуется как неизменяемая часть речи. Наречия в большинстве случаев представляют собой «омертвленные» формы именных и глагольных основ. Помимо перечисленных морфологических особенностей наречия обладают суффиксами, присущими только данной грамматической категории. Так, некоторые наречия времени, а также места, присоединяя суффикс -аһа//эһә, становятся только наречиями времени: сө «ночь» — сөөнэһә «ночью», асхи «вечер» — асх-һаһа «вечером», тенд «там» — тендэһә «недавно», шидр «близости», «недавно» — шидрэһә «недавно» и ряд других.

Адвербиальным суффиксом также считается -кшан//гшән, который указывает на направление действия: деегшән «вверх», кеорэгшән «в степь» и др.

Наречия в калмыцком языке характеризуются соотносительностью со многими частями речи.

Адвербиализация отдельных падежных форм имен существительных характеризуется тем, что слова, перешедшие в наречия, отрываясь от общей системы склонения, утрачивают свое прежнее грамматическое значение и приобретают более отвлеченный смысл. По своему морфологическому составу адвербиальные слова представляют собой застывшие именные формы пространственных падежей: дательного-местного, направительного, орудного и исходного падежей, аффиксы которых выполняют не только словоизменятельные, но и словообразовательные функции. Поэтому важную роль при адвербиализации играют аффиксы пространственных падежей, которые различны не только по характеру, но также по объему значений. Но не менее важно при онаречивании само лексическое содержание слова. В формировании наречий принимают участие только формы отвлеченных существительных и при этом важное значение имеет степень грамматической отвлеченности. Так, многие наречия места и образа действия образуются при помощи аффикса дательного падежа -д(-т) с притяжением: кев «форма» — кев-тнь «целиком, полностью», эн «ширина» — эндэн «вокруг», дурн «желание» — дурдан «необдуманно», айс «мелодия» — айстан «машинно» и др. Из приведенных примеров наглядно видно, что слова эти полностью перешли в категорию наречия, лексически стали самостоятельной единицей.

Некоторые имена существительные в форме орудного падежа осознаются то как наречия, то как имена в этом же падеже. В

таких случаях различие устанавливается исходя из контекста и окружения слов. Например, чеежэр «наизусть», «грудью», орсар «по-русски», «русским», өнгэр «чапрасно», «цветом» и др. Эти омоформы свидетельствуют о неполном переходе надежных форм имен существительных на -ар//_эр в наречия. Однако они, примыкая к глаголу, часто употребляются в обстоятельственной функции, что также важно, при переходе их в разряд наречий, но имена существительные в форме орудного падежа, в отличие от наречий, присоединяют лично-притяжательные частицы.

Таким образом, процессу адвербиализации подвергаются имена существительные с более или менее отвлеченным пространственно-временным значением. Например, от существительных ширэ «стол», үкр «корова» и др. никогда не образуются наречия, т. к. при любых условиях у этих слов не происходит и не произойдет смещения семантики в сторону наречия.

Наречия соотносительны с именами прилагательными. При этом внешнее совпадение качественных наречий и прилагательных обусловлено прежде всего общностью семантической подосновы обоих подразрядов — выражать качество. Так же, как и наречия, имена прилагательные не изменяются. В синтаксическом плане качественные наречия выполняют в предложении функцию обстоятельства образа и способа действия, примыкают непосредственно к глаголу.

Раньше в монголоведении существовало довольно противоречивое отношение к словам данных классов. Они считались качественными прилагательными, которые могут выполнять в предложении функцию обстоятельства. По нашему мнению, если слова типа хурдн, сэн, чаң и др. присоединяют аффикс орудного падежа -ар//_эр, то лексически они становятся самостоятельными, синтаксически сочетаются только с глаголами и выполняют функцию обстоятельства образа и способа действия. Они уже не могут быть определенным при имени и не мыслятся в этой функции. Именно утрата этого синтаксического свойства свидетельствует о полном переходе. Семантически они показывают качество не в виде признака, а состояния. Встречающиеся еще в предложении качественные наречия в форме своей основы перед глаголом рассматриваем не как качественное прилагательное в обстоятельственной функции, а как качественное наречие, морфологически -правомерное, как нулевая форма, соотносительная с ненулевой — показателем -ар//_эр. (Ср. сэн келх — сээнэр келх «хорошо говорить», чаң умих — чаңар умих «громко читать» и т. д.)

Наречия соотносительны с местоимениями. Местоименные наречия образованы в основном от указательных местоимений. Кроме

уже известных наречий энд «здесь», тенд «там», эндэс «отсюда», тендэс «оттуда», эндэхэр (үр) «по этому месту», тендэхэр (үр) «по тому месту», в калмыцком языке имеются местоименные формы более «позднего периода»: үүн «этот», түүн «тот», а также энүн «этот», терүн «тот», в которых сохранился древний аффикс родительного падежа -ун//-үн. Эти наречия, присоединяя аффиксы дательного, исходного падежей, часто становятся наречиями места. Например, үүнд «здесь», «ему», түүнд «там», «тому», үүнэс «отсюда», «от него», түүнэс «оттуда», «от него», энүнд «здесь», «ему», терүнд «там», «тому», энүнэс «отсюда», «от него», терүнэс «оттуда», «от того». Перечисленные слова представляют собой грамматическую омонимию, внешне схожие друг с другом, но при определенных условиях выполняют различные функции в предложении. Они являются промежуточными между указательными местоимениями и наречиями места и свидетельствуют о неполном переходе их в категорию наречия.

Что касается взаимоотношения наречий с вопросительными, неопределенными и возвратными местоимениями, то некоторые падежные формы последних выступают в роли наречий.

Наречие сопредельно с именами числительными. Многие наречия образуются при помощи числительного неги «один» плюс отвлеченное имя существительное в орудном падеже или омертвевшая деепричастная форма дэжж. Например, нег киһэр «залпом», нег дэжж «однажды», нег дууһар «единогласно», нег һазр «одновременно» и др. Разделительные числительные на -ад//-эд, чаще с -ар//-эр во втором компоненте, образуют наречия со значением совокупности: нежэд (эр) «по-одному», хошад (ар) «по двое». Числительные, оканчивающиеся на -улн//-үлн, образуют наречия совместности: дөрвүлн «вчетвером», зурһалулн «вшестером».

Таким образом, адвербиализованное слово не может быть в предложении ни дополнением, ни подлежащим, не принимает суффикса множественного числа, примыкая к глаголу, прилагательному и наречию, выполняет функцию обстоятельственного члена.

Кроме непронизводных (корневых) и производных имеется ряд сложных наречий. К сложным наречиям относятся такие, которые образованы путем словосложения, удвоения одного и того же слова, а также парные наречия, фразеологические единицы, являющиеся наречиями по значению, фразеологизованные наречные сочетания. Эти сложные образования всегда выступают как обстоятельства.

Многие наречия образуются путем сращения двух знаменательных слов. Например, эндр — эн — өдр «сегодня», маһндур — маһһар — өдр «завтра». В современном монгольском и бурятском

языках имеется небольшая группа наречий, образованная при сращении двух знаменательных слов. Например, монг. зуунш / зүүн — тийш «налево», барунш / барун — тийш «направо», бур. эншаа / энэ — тушаа «здесь, рядом». Некоторые деепричастные формы калмыцкого языка, сливаясь в одно целое с вспомогательным глаголом бээх, образуют наречия времени: тиигжэһэд / тиигж — бээһэд «потом, после» (букв. так бывая), ниигжэһэд / ниигж — бээһэд «позже» (букв. этак бывая).

К сложным наречиям относятся фразеологизованные наречные сочетания, не имеющие твердо установившейся структуры. Например, агчмин зуур, бички зуур, эрвжго зуур, певчки зуур и др. Эти наречные сочетания синонимичны, но каждое из них вносит определенный оттенок в значение продолжительности действия. Они группируются вокруг одного стержневого слова: наречия или омертвевших словоформ.

В калмыцком языке имеются многочисленные наречия, образованные путем удвоения форм имен существительных, прилагательных, числительных и др. частей речи. По своему структурно-морфемному составу выделяются следующие типы удвоений: полное и неполное или частичное.

Полное удвоение характеризуется тем, что оба компонента внешне полностью совпадают. В удвоенном виде часто выступают наречия эрэ-эрэ «едва-едва», хая-хая «изредка»; качественные прилагательные в нулевой форме чаһи-чаһи «громко-громко», хурди-хурди «быстро-быстро»; деепричастия бээжэһэд-бээжэһэд «иногда, время от времени».

Наиболее распространенным типом является полное удвоение знаменательных слов с формантом -ар//-эр во втором компоненте. Например, баг-батар «прочно-прочно», му-муһар «плохо-плохо» нежэд-нежэдэр «по-одному», хошад-хошадар «по двое», дор-дорас «снизу» и др. Этот способ образования наречий наиболее продуктивный.

Менее продуктивны трансформированные удвоения с изменением анилаутного звука во втором компоненте. Например, бички-сичкэр, «понемногу», «баахн-саахнар «помалу», кезэ-яза «когда», альд-яльд «где», адһи-шидһи «торопливо».

Факты калмыцкого языка показывают, что наречие является вполне оформившейся самостоятельной лексико-грамматической категорией с присущими для данного класса слов морфологическими, синтаксическими и семантическими признаками и, как любая знаменательная часть речи, находится в «постоянном процессе изменения и трансформации», количественно пополняясь за счет других частей речи.

ЛИТЕРАТУРА

- Аврорин В. А. Очерки по синтаксису нанайского языка. Л., 1948.
- Алексеев Д. А. Именные части речи в монгольских языках. ВЯ, № 3, 1955.
- Алексеев Д. А. Наречие в бурят-монгольском языке. Улан-Удэ, 1941.
- Алексеев Д. А. Обстоятельства места в бурятском языке — Вестник Ленинградского ун-та. Вып. 3, 1960, № 14.
- Алексеев Д. А. Части речи в бурят-монгольском языке. — «Записки ГИИЯЛИ». V—VI, Улан-Удэ, 1941.
- Амоголонов Д. Д. Современный бурятский язык. Улан-Удэ, 1958.
- Бадмаев Б. Б. Грамматика калмыцкого языка. Элиста, 1966.
- Барайшир Ш. Орчин цагийн монгол хэлний дайвар үг. АКД. Улаан-баатар, 1970.
- Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. Т. II, ч. 1, М.-Л. 1952.
- Бертагаев Т. А. Калмыцкий язык. — В кн.: Младоплеменные языки народов СССР. М.-Л., 1959.
- Бертагаев Т. А. Лексика современных монгольских литературных языков. М., 1974.
- Бертагаев Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1960.
- Бертагаев Т. А. Об устойчивых фразеологических выражениях. — Сб. трудов по филологии. Вып. 2., Улан-Удэ, 1949.
- Бертагаев Т. А. О морфологическом строе бурятского языка. М., 1961.
- Бертагаев Т. А. О спорных вопросах грамматики (на материале монгольских языков). — В кн.: Вопросы составления описательных грамматик. М., 1961.
- Бертагаев Т. А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. М., 1964.
- Бертагаев Т. А. Флексия основ в агглютинативных языках. — Сборник трудов по филологии. Вып. 1, Улан-Удэ, 1948.
- Бертагаев Т. А., Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматика бурятского языка. Синтаксис. М., 1962.
- Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.

Боровков А. К. О частях речи в тюркских языках. — Революция и письменность. № 2, 1936.

Будаев Ц. Б. Фразеология бурятского языка. Улан-Удэ, 1970.

Виноградов В. В. Русский язык. М.-Л., 1947.

Виноградов В. В. Современный русский язык. Вып. II, Учпедгиз, 1938.

Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. — В кн.: А. А. Шахматов. М.-Л., 1947.

Галкина-Федорук Е. И. Выражение неопределенности в русском языке неопределенными местоимениями и наречиями. МГУ, 1963.

Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., 1962.

Дарбеева А. А. К вопросу о парных словах в бурятском языке. — Вопросы литературного бурятского языка. Улан-Удэ, 1963.

Дарбеева А. А. О субстантивном употреблении имен прилагательных в бурятском языке. — В кн.: Филология и история монгольских народов. М., 1958.

Дмитриев Н. К. Наречия в татарском и русском языках. — В кн.: Строй тюркских языков. М., 1962.

Дмитриев Н. К. Наречия места в турецком языке. — В кн.: Строй тюркских языков. М., 1962.

Дондуков У.-Ж. Ш., Дончилова Н. Г. К вопросу о парных словах в монгольских языках: — О зарубежных монголоведных исследованиях по языку. Улан-Удэ, 1968.

Дондуков У.-Ж. Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ, 1964.

Жирмунский В. М. Развитие категории частей речи в тюркских языках. — «Известия АН СССР», ОЛЯ, т. 4, выпуск 3—4, М., 1945.

Илишкин И. К. Сопоставительная грамматика русского и калмыцкого языков. Элиста, 1973.

Исхаков А. И. Наречия в современном казахском языке. Алма-Ата, 1950.

Каламова Н. А. К вопросу о переходности одних частей речи в другие. — Русский язык в школе, 1961, № 5.

Каляев А. Л. Имя прилагательное в калмыцком языке. Элиста, 1979.

Касьяненко З. К. Современный монгольский язык. Л., 1968.

Кичиков А. Ш. Дербетский говор. Элиста, 1963.

Ковалевский О. Краткая грамматика монгольского языка. Казань, 1835.

Котвич В. Л. Исследование по алтайским языкам. М., 1962.

Котвич В. Л. Лекции по грамматике монгольского письменного языка. СПб, 1902.

Котвич В. Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. СПб, 1915.

Котвич В. Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Ржевнице у Праги, 1929.

Кучигашева Н. А. Наречие в алтайском языке. — Сб. материалов по общей тюркологии и дунгановедению. Фрунзе, 1964.

Лубсангджаб Ч. Сопоставительный анализ морфологиче-

ской структуры слова в монгольском и английском языках. Автореферат ... докт. диссертация. М., 1971.

Майтинская К. Е. Местонахождения в языках разных систем. М., 1969.

Материалы научной конференции по основным вопросам бурят-монгольского языка. Улан-Удэ, 1955.

Мусаев К. М. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М., 1964.

Назикова Е. А. Наречия причины в современном русском языке. — «Известия Воронежского университета». Т. 81, 1968.

Орлов А. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. Казань, 1878.

Орловская М. Н. Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. М., 1961.

Орловская М. Н. О непронизывных наречиях в монгольском языке. — Сб. Монголоведение и тюркология. М., 1964.

Орловская М. Н. Способы образования производных наречий в монгольском языке. — В кн.: Исследования по восточной филологии. М., 1974.

О частях речи в монгольском языке. — Советское востоковедение, 1, 1940.

Очиров У. У. Синтаксис калмыцкого языка. Элиста, 1964.

Павлов Д. А. Современный калмыцкий язык. Элиста, 1968.

Панов М. В. О частях речи в русском языке. М., 1955.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1934.

Попов А. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. т. III. Харьков, 1899.

Пюрбеев Г. Ц. Глагольная фразеология монгольских языков. М., 1972.

Пюрбеев Г. Ц. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис сложного предложения. Элиста, 1979.

Пюрбеев Г. Ц. Системно-организующие свойства монгольских фразеологических оборотов. В кн.: Народы Азии и Африки. М., 1971.

Рамstedт Г. И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.

Руднев А. Д. Лекции по грамматике монгольского письменного языка. СПб. 1905.

Санжеев Г. Д. Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л., 1941.

Санжеев Г. Д. Грамматика калмыцкого языка. М., 1941.

Санжеев Г. Д. К проблеме частей речи в алтайских языках. ВЯ., 1952, № 6.

Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953.

Севортян Э. В. К проблеме частей речи в тюркских языках. Вопросы грамматического строя. М., 1955.

Суник О. П. Общая теория частей речи. М.-Л., 1966.

Суник О. П. О частях речи в тунгусо-маньчжурских языках. — В кн.: Вопросы составления описательных грамматик. М., 1961.

Сусеева Д. А. Закономерности развития калмыцкого языка в советскую эпоху. Элиста, 1978.

То да е ва Б. Х. Грамматика современного монгольского языка. М., 1951.

То да е ва Б. Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Элиста, 1978.

То да е ва Б. Х. Послелогои в калмыцком языке. — «Записки». Вып. 2. Элиста, 1962.

Тро ше ва М. П. Наречие в современных языках. Диссертация. канд. филол. наук. Тарту, 1969.

У бу ша е в Н. Н. Деловые бумаги на старокалмыцкой письменности, как источник изучения истории калмыцкого языка. — В кн.: 320 лет старокалмыцкой письменности. Элиста, 1970.

У бу ша е в Н. Н. Торгутский говор и его отношение к калмыцкому литературному языку. — «Ученые записки». Вып. 7, Элиста, 1969.

Х а ри то но в Л. Н. Неизменяемые слова в якутском языке. Якутск, 1938.

Цы ден дам ба е в Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972.

Цы ды по в Ц. Ж. Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ, 1972.

Ша г дар о в Л. Ш. Изобразительные слова в современном бурятском языке. Улан-Удэ, 1962.

Ша х ма то в А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

Ш ми д т Я. Грамматика монгольского языка. СПб., 1932.

Шу кю ро в А. Д. Первообразные наречия в азербайджанском языке. — Тюркологический сборник. М., 1966.

Щ е р ба Л. В. Избранные работы по русскому языку. 1957.

Щ е р ба Л. В. О частях речи в русском языке. — «Русская речь». № 2, Л., 1928.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Б. А., А. ш. д.	— Бадмин А. Алтн шорад даргдгго (роман). Элиста, 1964.
Б. А., З. э. к.	— Балакан А. Зархим эврэн кети (роман). Элиста, 1969.
Б. А., Э. в.	— Балакан А. Элстин вальс (пьесмүд). Элиста, 1970.
Бадм. А., У. э. б.	— Бадмин А. Усна экн булг. Элиста, 1969.
Б. Б., Ө. ц. ү.	— Басица Б. Өңгрсн цагин үнн. Элиста, 1959.
Д. Б., Ч. х.	— Дорджин Б. Чик хаалһ (роман). Элиста, 1967.
Д. Б., М. о.	— Доржин Б. Мини отк (келврмүд). Элиста, 1968.
Д. Б., Эзн.	— Доржин Б. Эзн (түүк). Элиста, 1965.
Дж.	— Джангар. Элиста, 1940.
З. ү.	— Зөвтэ үнллһн (очерк). Элиста, 1967.
З. т.	— Зүркин таалар (келврмүд болн очерк). Элиста, 1965.
И. Л., Б. з.	— Инжин Л. Байсагдсн зүркд (келврмүд). Элиста, 1966.
К. А., Н. т.	— Куукан А. Ноолданд төлжлһн (түүк). Элиста, 1968.
КРС	— Калмыцко-русский словарь. М., 1977.
М. Д., Санл	— Муутлан Д. Санл. Элиста, 1961.
Н. М., М. Ё.	— Нармин М. Манц хол (роман). Элиста, 1963.
Н. М., Боова	— Нармин М. Боова. Элиста, 1961.
Н. М., Х. к. т.	— Нармин М. Хар келн тоһрун (түүк, келврмүд) Элиста, 1972.
О. Г., Тодлвр.	— Ока Городовиков. Тодлвр. Элиста, 1959.
Т. А., Ч. о.	— Тачин А. Чилгр өрүн. Элиста, 1971.
Т. г.	— Теегин герл (Свет в степи).
Т. М., Ц. һ.	— Түлмжин М. Цецгэлжэх һазр. Элиста, 1966.

- Х. т. — Хальмг туульс (нурвн боть). Элиста, 1965—1973.
- Х. ү. — Хальмг үнн (газета).
- Х. ү. болн т.т. — Хальмг үлгүрмүд болн тээлвртэ туульс. Элиста, 1960.
- Шүүвр. — Шүүвр. Келврмүд. Элиста, 1969.
- Э. Б., Сээхлэ. — Эрднин Б. Сээхлэ. Элиста, 1961.
- Э. К., Н. х. — Эрнжэнэ К. Галан хадһл (роман). Элиста, 1963.
- Э. К., Ш. к. — Эрнжэнэ К. Шүлгүд, келврмүд болн түүкс. Элиста, 1964.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Из истории изучения наречий в монгольских языках	5
Образование наречий	16
Непроизводные наречия	17
Производные наречия	19
Слова, утратившие аффиксы местного падежа	23
Образование наречий от имен существительных	25
Наречия, образованные при помощи аффиксов	28
О роли двойных падежных форм в образовании наречий	34
Образование наречий от местоимений	38
Образование наречий от числительных	45
Образование наречий от прилагательных	48
Образование наречий от глаголов	54
Образование наречий от деепричастий	57
Сложные наречия	58
Образование наречий путем словосложения	59
Фразеологизованные наречные сочетания	65
Фразеологизмы в роли наречий	71
Наречия с пространственно-временными значениями	72
Выражение неопределенности места	73
О некоторых диалектных особенностях наречий	74
Парные и удвоенные наречия	77
Наречия и послелог	86

Классификация наречий по значению	93
Качественные наречия	102
Конструкции сравнительной степени наречий	105
Превосходная степень наречий	106
Количественные наречия	109
Обстоятельственные наречия	110
Наречия места	111
Наречия времени	113
Наречия причины и цели	115
Место наречия в предложении	115
Заключение	121
Литература	126
Условные сокращения	130

Михаил Убушаевич Монраев

**НАРЕЧИЕ В СОВРЕМЕННОМ КАЛМЫЦКОМ
ЯЗЫКЕ**

Редактор издательства А. Бартунова.
Техническое редактирование и оформление В. Арбаковой.
Художественный редактор Ф. Дубров.
Корректоры М. Нантиева, Т. Алубкаева.

Сдано в набор 15.05.80. Подписано в печать 21.06.80.
К 00711. Формат 84x108¹/₃₂. Бумага типографская № 3.
Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл.
печ. л. 7,14. Уч.-изд. л. 7,0. Тираж 500 экз. Заказ 2131.
Цена 1 руб. 10 коп

Калмыцкое книжное издательство, 358000, г. Элиста,
ул. Революционная, 8.

Республиканская типография Управления по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли Совета
Министров Калмыцкой АССР,
358000, г. Элиста, ул. Ленина, 245.

1 руб. 10 коп.

ЭЛИСТА
КАЛМЫЦКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1980